

О МОЛИТВѢ

И

УВѢЩАНІЕ КЪ МУЧЕНИЧЕСТВУ.

ТВОРЕНІИ УЧИТЕЛЯ ЦЕРКВИ

ОРИГЕНА.

СЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ТЕКСТА ПЕРЕВОДЪ СЪ ПРИМѢЧАНІИМИ

Н. КОРСУНСКАГО,

Редактора Ирославенныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

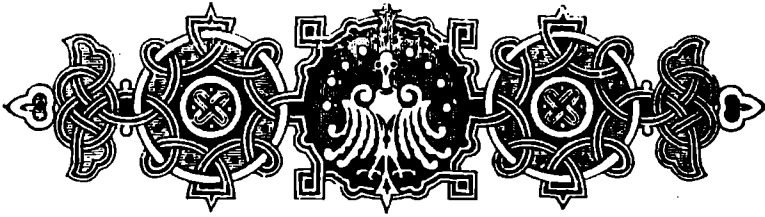
2-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1897.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета почтатъ дозволяется.
С.-Петербургъ, 7 Марта 1897 года.
Старшій Цензоръ Комитета Архимандритъ Наиментъ.

О МОЛИТВѢ, ТВОРЕНІЕ УЧИТЕЛЯ ЦЕРКВИ ОРИГЕНА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Амвросіи, знатный и богатый урожденець Александріи, самъ любившій ученіе и покровительствовавшій ученымъ, исправлявшій при императорскомъ дворѣ значительныя и высокія должности и разныя отъ него порученія, имѣлъ большое вліяніе на писательскую дѣятельность учителя Церкви Оригена. Обязанный Оригену и самымъ обращеніемъ своимъ въ христіанство, онъ доставлялъ своему духовному отцу и вѣрному до самой смерти другу не только богатые матеріальныя средства для изданія его ученыхъ трудовъ, но постоянно онъ и поводы давалъ и побуждалъ своего учителя къ писанію различныхъ сочиненій. Такому же побужденію и требованію со стороны Амвросія обязано своимъ происхожденіемъ и твореніе Оригена «περί εὐχῆς» „о молитвѣ“. Къ какому времени относится написаніе Оригеномъ сего творенія, въ точности это опредѣлить нѣтъ способовъ; во всякомъ случаѣ оно писано было не въ Александріи, слѣдовательно, написано не ранѣе, 231 г. по Р. Хр.

А) Содержаніе этого безспорно подлиннаго, богатаго мыслями, а по формѣ развитаго строго логически творенія Оригена вкороткѣ можно передать въ такихъ чертахъ.

Вступленіе. Многое человѣку, если онъ будетъ опираться лишь на свои естественныя силы, невозможно; но при содѣйствіи благодати Божіей и невозможное дѣлается для него возможнымъ (§ 1). Это же самое нужно сказать и о правомъ родѣ и образѣ молитвы и о написаніи такого разсужденія о семъ, которое соотвѣтствовало бы достоинству предмета (§ 2).

Б) *Первая часть творенія.* Послѣ обстоятельнаго разбора, что значить слово „молитва“ (§§ 3 и 4), производятся возраженія нѣкоторыхъ псевдо-спиритуалистовъ и предестинаціанъ того времени противъ полезности и необходимости молитвы (§ 5) и дѣльно опровергаются (§§ 6 и 7). Послѣ этого излагаются мысли о томъ, какъ должно приготовляться къ молитвѣ; какой образъ мыслей и расположеній долженъ быть признаваемъ правымъ при молитвѣ; это: предварительное прощеніе всѣхъ обидъ, страхъ Божій и вѣра (§§ 8—10). При соблюденіи этихъ условій, говоритъ Оригенъ, наша молитва тѣмъ легче можетъ быть услышана, что вмѣстѣ съ нами и за насъ тогда молятся и Христосъ, и ангелы, и святые, въ особенности же нашъ св. ангель-хранитель (§§ 10 и 11). Далѣе излагается, какъ часто слѣдуетъ молиться (§ 12); какъ необходима молитва и какъ она полезна; какихъ земныхъ и сверхъестественныхъ благъ участниками мы дѣлаемся чрезъ молитву (§ 13). Еще далѣе излагаются четыре рода молитвы, а именно: молитва просительная, молитва смиреннаго преклоненія предъ Божествомъ, ходатайственная и благодарственная (§ 14); при этомъ излагается, что обоженіе, благоговѣнное поклоненіе должно быть воздаваемо единому Богу Отцу (§ 15). Наконецъ, въ выраженіяхъ теплыхъ и убѣдительныхъ рекомендуется просить Бога преимущественно о сверхъестественныхъ дарахъ и благахъ духовныхъ, потому что блага и дары земные и тѣлесные по сравненію съ тѣми

гораздо меньшую имѣютъ цѣнность и по мѣрѣ нужды сами собою подаются Богомъ (§§ 16 и 17).

В) *Вторая часть творенія.* Въ §§ 18—30 Оригенъ объясняетъ молитву: *Отче нашъ*, истолковывая изъ оной прошеніе за прошеніемъ и предлагая глубокомысленныя объясненія. Это объясненіе молитвы Господней вообще относится къ превосходнѣйшимъ изъ тѣхъ, какія Оригенъ далъ на свящ. Писанія.

Г) *Заключеніе.* На послѣдокъ Оригенъ разсуждаетъ о положеніи тѣла при молитвѣ и о мѣстахъ, гдѣ приличнѣе молиться (§ 31), потомъ о той странѣ міра, къ которой должно обращаться при молитвѣ (§ 32), о четырехъ составныхъ частяхъ каждой молитвы и объ ихъ взаимной послѣдовательности (§ 33). Въ заключеніе Оригенъ проситъ о снисходительномъ отношеніи къ его творенію и при этомъ замѣчаетъ, что въ послѣдующее время, быть можетъ онъ, напишетъ другое, лучшее сочиненіе о томъ же самомъ предметѣ (§ 33).

По мѣстамъ въ семъ твореніи Оригена встрѣчаются заблужденія его и его личныя мнѣнія: они въ подлежащихъ мѣстахъ будутъ нами оговорены и вкраткѣ обсужены.

Уже по этому сухому остову можно судить о томъ, какъ всесторонне и обстоятельно обсужается Оригеномъ избранная имъ тема, какъ затрогиваются въ твореніи всѣ пункты, которые при этомъ могли быть приняты къ соображенію. Въ дополненіе къ этому книга обращаетъ на себя вниманіе самою своею формою; почти сплошь она написана языкомъ простымъ, спокойнымъ, можно сказать даже общедоступнымъ. То же, что дѣлаетъ это твореніе особенно привлекательнымъ, это безчисленные и хорошо подобранныя мѣста изъ свящ. Писанія, которыя придаютъ книгѣ Оригена видъ великолѣпной мозаики, всю же ее дѣлаютъ истолкованіемъ на различныя мѣста святой Библии, сопоставленныя искусно, и все-же непринужденно.

ВСТУПЛЕНИЕ.

§ 1. Что невозможно для человѣка, предоставленнаго самому себѣ, то становится для него возможнымъ при благоволеніи къ нему Божию во Христѣ; примѣры.

Что для разумнаго и смертнаго человѣческаго рода недостижимо, какъ превосходящее своею возвышенностію, чрезвычайностію и особенностію слабыя наши естественныя силы, то при полнотѣ и неизмѣримой великости Божіей благодати, излитой Богомъ на людей, дѣлается, по совѣту Божию, возможнымъ при посредствѣ Иисуса Христа, посредника непревосходимой милости къ намъ Божіей и при содѣйствіи Духа (Святого). Слѣдовательно, если для человѣческой природы невозможно ту мудрость приобрѣсть, чрезъ которую вселенная создана,—потому что по Давиду (Пс. СІІІ, 24) *Богъ все премудро содѣлалъ*,—то становится это возможнымъ при посредствѣ Господа нашего Иисуса Христа, *Который для насъ содѣлался премудростію отъ Бога, праведностію и освѣщеніемъ и искупленіемъ* (1 Кор. I, 30). *Какой человекъ въ состояніи познать совѣтъ Божій? Или кто можетъ изслѣдовать, чего хочетъ Богъ? Разсчеты смертныхъ ненадежны и наши познанія истверды, ибо тѣльное тѣло отягощаетъ душу и этой земной храминой подавляется о многомъ думающій умъ. Едва можемъ постигать мы и то, что на землѣ; а что на небесахъ къмъ то изслѣдовано* (Прем. Сол. ІХ, 13—16)? Кто былъ бы въ состояніи отринуть, что для человѣка невозможно въ то проникнуть, что на небѣ? Но это невозможное тѣмъ не менѣе становится возможнымъ при преизбыточествующей благодати Божіей; потому что

тотъ, кто восхищенъ былъ до третьяго неба, проникъ, конечно, и въ то, что на третьемъ небѣ, потому что тамъ слышалъ онъ неизреченныя слова которыхъ человекъ не можетъ и пересказать (2 Кор. XII, 4), Далѣе, кто будетъ утверждать, что для человѣка возможно познаніе намѣреній Господа? Но Богъ и это ниспосылаетъ намъ чрезъ Христа, ибо Господь сказалъ: *Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ воли господина своего; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что все сказалъ вамъ, что слышалъ отъ Отца Моего* (Іоан. XV, 15). Не какъ рабамъ Господь возвѣщаетъ ученикамъ волю Своего Господина; но истолковавши имъ Его волю, Онъ болѣе не хочетъ быть господиномъ ихъ, а становится другомъ тѣхъ, для которыхъ прежде былъ Господомъ. Даже какъ никто изъ челоѣковъ не знаетъ, что въ челоѣкѣ, кромѣ духа челоѣческаго, въ немъ живущаго: такъ и Божьяго никто не знаетъ кромѣ Духа Божія (1 Кор. II, 11). Но если Божьяго никто не знаетъ кромѣ Духа Божія, то и челоѣкъ (т. е. при содѣйствіи только естественныхъ своихъ силъ) Божьяго познать не можетъ. Наблюдай однакоже, какъ возможно и это. *Но мы, говоритъ (1 Кор. II, 11), приняли не духа сего міра, а принять нами Духъ отъ Бога, дабы мы въ состояніи были познать то, что по благодати намъ даровано отъ Бога, и о томъ говоримъ мы не изученными отъ челоѣческой мудрости словами, но въ такихъ словахъ, какъ научилъ насъ Духъ Святой* (1 Кор. II, 12, 13).

§ 2. То же и съ молитвой. Мы должны знать о чемъ молимся, разумно относиться и къ роду и образу молитвы. Но уже Павелъ, выразившій столь превосходныя мысли о молитвѣ, признавался, что не знаетъ онъ, о чемъ ему молиться такъ, какъ должно молиться (Рим. VIII, 26); поэтому-то и приходитъ къ нашей помощи Духъ на помощь. Въ чувствѣ личной помощи поэтому уже и одинъ изъ учениковъ Господа говорилъ Ему: *Господи! научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ своихъ учениковъ* (Лк. XI, 7). Поэтому-то и Оригенъ взы-

ваеть къ Божественной помощи при написаніи настоящаго разсужденія.

Ты же проникнутый искреннѣйшей богобоязливостью и пламеннѣйшей ревностью, Амвросій и ты, ознаменовавшая себя добродѣтелию и геройскимъ мужествомъ. Татіана *), подобно Саррѣ (Быт. XVIII, 11) уже не похожая на другихъ женщинъ **), вѣроятно вы недоумѣваете, почему это во вступленіи къ разсужденію о молитвѣ распространился я о вещахъ для людей не иначе возможныхъ какъ только при помощи Божіей.

Нѣчто изъ этихъ невозможныхъ вещей, сказывающихся во-первыхъ въ нашей слабости все это разсужденіе о молитвѣ написать ясно, правильно и достойно предмета, потомъ въ недоумѣннн относительно рода и образа, какъ должно молиться, далѣе въ колебаніи что при молитвѣ къ Богу говорить должно, а также какія времена преимущественно предъ другими наиприличнѣйшія для молитвы, нѣчто изъ этихъ невозможныхъ вещей, мнѣ кажется, выразилъ уже Павелъ, который изъ за величія бывшихъ ему откровеній (2 Кор. XII, 7) страшился, какъ бы не сочли его за нѣкую высшую личность, нежели какую въ немъ видѣли или о какой отъ него самого слышали (2 Кор. XII, 6), такъ, что онъ открыто выражался: не знаю какъ молиться. *Мы не знаемъ, говорить онъ, о чемъ можно молиться такъ, какъ должно* (Рим. VIII, 26). А молиться необходимо и притомъ молиться такъ, какъ, слѣдуетъ молиться и молиться о томъ, о чемъ слѣдуетъ молиться. Значить, если бы мы показали, о

*) О Татіанѣ обстоятельныхъ свѣдѣній церковная исторія не имѣетъ. Только то несомнѣнно, что она находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Амвросію. Такъ какъ супругу Амвросія въ письмѣ къ Африкану Оригенъ называетъ Марцелой, то Татіана могла быть сестрой Амвросія. Или можетъ быть это была супруга Амвросія, которой было два имени. Догадываются, что это была сестра того Татіана, къ которому обращена Григоріемъ чудотворцемъ его книга „О душѣ“.

**) Подобно Саррѣ (Быт. XVIII, 12), Татіана была при написаніи Оригеномъ настоящаго творенія уже въ такомъ возрастѣ, что утратила плодородіе. Оригенъ выражаетъ удовольствіе по этому поводу съ отношеніемъ къ тому вѣроятно, что теперь, не сбываемая съ праваго пути чувственными пожеланіями, она *озаботится Господнимъ, чтобы святою быть и по телу и по дулу* (Кор. VII, 34).

чемъ должно молиться, то этого было бы еще недостаточно; мы должны выразумѣть и то, какъ слѣдуетъ молиться. И напротивъ: что пользы въ знаніи, какъ должно молиться, если то для насъ остается неизвѣстнымъ, о чемъ слѣдуетъ молиться? То теперь о чемъ слѣдуетъ молиться, составляетъ содержаніе молитвы; то же, какъ должно молиться, касается состоянія молящагося.—Напримѣръ вотъ о чемъ слѣдуетъ молиться: „Просите о важномъ, тогда будетъ дано вамъ и менѣе важное“ (Мѡ. VI, 33). „Просите о небѣсномъ, и земное будетъ вамъ дано тогда“ (Мѡ. VI, 33). Молитесь за говорящихъ о васъ худо (Мѡ. V, 44). *Молите Господина жатвы, чтобы Онъ выслалъ дѣлателей на жатву Свою* (Мѡ. IX, 38). *Молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе* (Лк. XXII, 40; Мѡ. XXVI, 41). *Молитесь, чтобы не случилось бѣгство вамъ зимою или въ субботу* (Мѡ. XXIV, 20). *Но молясь не говорите лишняго* (Мѡ. VI, 7). Есть и еще подобныя изреченія.—А о томъ, какъ слѣдуетъ молиться, вотъ наставленія. *Желаю, чтобы мужи на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы, воздѣвая руки чистыми безъ гнѣва и сварливости. Подобнымъ образомъ, чтобы и женщины въ приличномъ одѣяніи, со скромностію и цѣломудрїемъ украшали бы себя не заплетенными волосами, не золотомъ, не перлами и не драгоценною одеждою, но тѣмъ, что прилично женщинамъ, обрекающимъ себя на благочестіе, добрыми дѣлами* (1 Тим. II, 8—10). Тому, какъ должно молиться, поучаетъ и слѣдующее изреченіе. *Если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойди, прежде примиришься съ братомъ твоимъ и тогда приди и принеси даръ твой* (Мѡ. V, 23, 24). Какою преимуществующей предъ другими даръ отъ разумнаго творенія и можетъ быть возносимъ къ Богу, если не благоуханная молитва, принесенная совѣстію чистою отъ зловонія грѣха?—Далѣе въ отношеніи того, какъ должно молиться, назидательно и слѣдующее изреченіе. *Не ужасайтесь другъ отъ друга развъ по взаимному согласію на время для посвященія себя молитвѣ, а*

потомъ чтобы опять быть амьстнъ, дабы не радовать ваьмъ сатану невоздержаніемъ вишиль (1 Кор. VII, 5). Потому что для праваго рода и образа молитвы и то служить препятствіемъ, если та брачная тайна, о которой прилично молчать не содѣвается достойнѣ, рѣже и безстрастнѣ; но взаимнымъ соглашеніемъ отстраняется нескладаца страсти, умерщвляется невоздержаніе и затрудняется причиняющая намъ вредъ радость сатаны. Кромѣ того для рода и образа молитвы поучительно слѣдующее изреченіе: *Когда стоите на молитвѣ, то прощайте, если что имѣете на кого* (Мк. XI, 25). Нагляднымъ то дѣласть, какъ должно молиться, и слѣдующее мѣсто у Павла: *Всякій мужъ молящійся или пророчествующій съ покрытою головою постыждасть свою голову; а свою голову постыждасть всякая жена, молящаяся или пророчествующая съ открытою головою* (1 Кор. XI, 4, 5).

Но хотя Павелъ и училъ всему этому, могъ сказать объ этомъ и многое другое изъ закона, изъ пророковъ и на основаніи богатаго содержанія Евангелія, кромѣ того, въ состояніи былъ присоединить къ каждому пункту разнообразныя объясненія: тѣмъ не менѣ, проникаясь скромнымъ, но и совершенно правымъ образомъ расположеній, видя какъ и послѣ всего этого, какъ многого еще недостаетъ ему для дѣйствительнаго уразумѣнія того, о чемъ слѣдуетъ молиться и какъ молиться подобаетъ, говорить: *А того, о чемъ надлежитъ молиться и какъ причествуетъ молиться, мы не знаемъ* (Рим. VIII, 26). Къ изреченію этому присоединяетъ онъ и наставленіе, изъ какого источника можетъ быть восполнено недостающее у того, кто дѣйствительнаго существа молитвы хотя и не понимаетъ, но кто достоинъ того, чтобы недостающее ему въ этомъ отношеніи было восполнено. Онъ говоритъ: *Самъ Духъ за насъ ходатайствуетъ предъ Богомъ воздыханіями неизреченными. Сердца же испытующій Богъ знаетъ, чего Духъ желаетъ, потому что по волю Божіей Онъ ходатайствуетъ за святыя* (Рим. VIII, 26, 27). Поединку Духъ, сердца блаженныхъ (т. е. сердца христіанъ живущихъ

подъ благодатию) ободряющій къ возванію: *Авва, Отче* (Гад. IV, 6), знаетъ въ точности, что вздохи сердець облеченныхъ этой плотской храниною способны падшихъ или заблудшихъ болѣе подавлять, чѣмъ облегчать, то принимаетъ Онъ Самъ по Своему великому человѣколюбію участіе въ нашихъ вздохахъ и за насъ ходатайствуетъ предъ Богомъ воздыханіями невыразимыми. И поелику въ Своей премудрости Онъ видитъ, что наша душа принижена до паденія въ прахъ (Пс. XLIII, 25; Пс. CXVIII, 25), то Онъ не заступаетъ за насъ предъ Богомъ обыкновенными вздохами, но неизреченными, похожими на тѣ таинственныя слова человѣка, которыхъ онъ не въ состояніи бываетъ выразить (2 Кор. XII, 4). Но Онъ, этотъ Духъ, не ограничивается простымъ ходатайствомъ за насъ предъ Богомъ, но усиливаетъ Свои за насъ прошенія и ходатайствуетъ за насъ со всею силою, особенно, — по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, — за тѣхъ, которые (т. е. вслѣдствіе этого всемогущаго предстательства и благодатнаго посредства Святаго Духа) одерживаютъ блестящія побѣды и къ числу которыхъ относился, напр., Павелъ, восклицавшій: *Но надъ осьмью этимъ одерживаемъ мы полную побѣду* (Рим. VIII, 37). Просто же Духъ ходатайствуетъ, безъ особенной настойчивости ходатайствуетъ, вѣроятно за тѣхъ, которые одерживаютъ побѣды хотя и не безъ труда и не безъ блеска, но все-таки о которыхъ нужно сказать только то, что они побѣждаютъ, а не препобѣждаютъ. Съ изреченіемъ: *О чемъ надлежитъ молиться и какъ молиться подобаетъ, того мы не знаемъ, но Силь Духъ со всею силою за насъ предстательствуетъ предъ Богомъ воздыханіями неизреченными* (Рим. VIII, 26), съ этимъ изреченіемъ родственно по смыслу и слѣдующее: *Желаю я молиться Духомъ* (Святымъ Духомъ, какъ открывается то изъ послѣдующаго), *но влѣсть съ тѣмъ и умома; хочу я тѣсно-словить Духомъ, но влѣсть и умома* (1 Кор. XIV, 15). Нашъ умъ не можетъ (разумѣется въ смыслѣ относительномъ) молиться, если его молитвѣ не предшествуетъ молитва Духа, къ молитвѣ котораго со своей молитвой мы

какъ бы присоединяемъ; не можетъ онъ, умъ нашъ, (т. е. самъ по себѣ) и похвалами Бога превозносить и прославлять Отца во Христѣ благозвучно, мелодически, ритмически и гармонически, если Духъ, испытующій все, и глубины Божіи (1 Кор. II, 10), предварительно, предъ нашими похвалой и прославленіемъ, не проникнетъ Собою глубинъ нашего ума и по возможности не обниметъ ихъ Собою.

По моему мнѣнію и одинъ изъ учениковъ Иисуса чувствовалъ человѣческую слабость и неспособность къ правому образу молитвы; позналъ же онъ это особенно тогда, когда изъ устъ Спасителя внималъ здравымъ и возвышеннымъ словамъ молитвы; поэтому по окончаніи Господомъ молитвы ученикъ тотъ и сказалъ Ему: *Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ своихъ учениковъ* (Лук. XI, 1). Въ полной связи рѣчи это мѣсто обставлено такъ: *И было, что когда Господь въ одномъ мѣстѣ молился и потомъ окончилъ молитву, одинъ изъ учениковъ Его сказалъ Ему: Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ своихъ учениковъ* (Лук. XI, 1). Ученикъ этотъ, попросившій Господа научить его молиться, воспитавшійся на изученіи закона, на слуханіи пророческихъ книгъ, не устроявшійся, конечно, и отъ богослужебныхъ собраний, значить совершенно не умѣлъ молиться, доколѣ не понялъ своего неумѣнья, увидѣвъ въ одномъ мѣстѣ, какъ Господь молился? Но такое заключеніе было бы нелѣпостью. Ученикъ тотъ молился такъ, какъ это было принято у іудеевъ; но онъ увидѣлъ, что недостаетъ ему для надлежащей молитвы высшаго разумѣнія.—А какія наставленія относительно молитвы давалъ Іоаннъ ученикамъ своимъ, когда они стекались къ нему изъ Іерусалима, со всей Іудеи и изъ всѣхъ окрестностей Іордана (Мѡ. III, 5), чтобы принять крещеніе отъ него? Относительно молитвы, такъ какъ онъ былъ болѣе нежели пророкъ (Мѡ. XI, 9; Лк. VII, 26), Іоаннъ, конечно, зналъ нѣчто такое, что сообщалъ онъ вѣроятно не всѣмъ крещаемымъ, но втайнѣ тѣмъ только, которые при крещеніи дѣлались его учениками.

Такія (т. е. какъ понималъ ихъ и какъ училъ ихъ по силѣ высшаго просвѣщенія креститель) по истинѣ *духоты* молитвы,—поелику въ сердцѣ святыхъ *Духъ* молится,—изображаются (т. е. въ Писаніяхъ) какъ содержащія съ себѣ обиліе таинственныхъ и удивительныхъ ученій. Въ 1-й книгѣ Царствъ молитва Анны изложена только отчасти, потому что когда она долго молилась предъ Господомъ и говорила въ своемъ сердцѣ (1 Царствъ I, 12, 13), то для нея не было нужды въ записи. Между псалмами псаломъ 16-й надписывается такъ: „Молитва Давида“; а 89-й: „Молитва Моисея, челоуѣка Божія“; а 101-й: „Молитва бѣднаго, когда онъ въ страхъ былъ и изливалъ предъ Господомъ прошенія свои“. Поелику эти молитвы излились при содѣйствіи Духа, при Его же содѣйствіи и въ словахъ получили выраженіе, то они и полны ученій Божественной мудрости, такъ что о содержаніи ихъ можно сказать: *Кто мудръ, чтобы уразумѣть это? Кто настолько разуменъ, чтобы познать это?* (Ос. XIV, 10).

Такъ трудно разсуждать о молитвѣ; поэтому-то и необходимо для сего просвѣщеніе отъ Отца, наученіе едиnorodнаго Его Слова и содѣйствіе Свитаго Духа, чтобы мыслить и говорить о семъ предметѣ онаго достойно. Поэтому-то и молюсь я какъ челоуѣкъ слабый,—потому что я не осмѣливаюсь усвоить себѣ пониманіе молитвы Духа прежде чѣмъ не составилъ себѣ правильного понятія о молитвѣ,—и прошу, чтобы намъ даровано было исчерпывающее и духовное пониманіе какъ молитвы вообще, такъ и въ особенности прошеній въ молитвѣ „Отче нашъ“, изложенныхъ въ Евангеліи.

Перейдемъ теперь къ самому разсужденію о молитвѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О МОЛИТВѢ ВООБЩЕ.

§ 3. О словѣ εὐχή, которое въ свящ. Писаніи означаетъ и молитву и обѣтъ.

Во первыхъ, сколько моеѣ наблюдательности стало, слово εὐχή тамъ употреблено, гдѣ говорится, что Іаковъ, спасаясь отъ гнѣва своего брата Исава, по совѣту Исаака и Ревекки, удалялся въ Месопотамію. Мѣсто это читается такъ: *И положилъ Іаковъ обѣтъ* (ἠθέτατο εὐχὴν) *и сказалъ: Если Господь Богъ будетъ со мною и защититъ меня на пути семъ, которымъ я иду, и дастъ мнѣ хлѣбъ ѣсть и одежду одѣться и возвратитъ меня въ домъ моего отца благополучно, тогда Господь будетъ моимъ Богомъ и этотъ камень, который я поставилъ памятникомъ, будетъ домомъ Божиимъ; и изъ всего, что Ты дашь мнѣ, я дамъ Тебѣ десятую часть* (Быт. XXVIII. 20—22). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что слово εὐχή часто употребляется въ другомъ значеніи (обѣта), а не для означенія молитвы (προσευχή), особенно если кто-нибудь во время молитвы это или то обѣщаетъ сдѣлать, желая получить отъ Бога что либо опредѣленное. Безъ сомнѣнія слово это употребляется для обозначенія и того, что обыкновенно мы имъ означаемъ (т. е. въ значеніи молитвы), какое употребленіе встрѣчаемъ напр. въ кн. Исходъ послѣ казни жабами, второй въ ряду десяти казней. *И призвалъ Фараонъ Моисея и Аарона и сказалъ: Помолитесь (εὐχασθε) за меня Господу, чтобъ Онъ удалилъ жабъ отъ меня и отъ народа моего, Тогда я отпущу народъ (Израильскій) для принесенія жертвы Господу* (Исх. VIII, 8).

Но если бы кто-нибудь на томъ основаніи, что слово εἰσεβθε здѣсь влагається въ уста *Фараону*, съ трудомъ убѣждался, что εὐχή на ряду съ предшествующимъ значеніемъ (обѣта: Быт. XXVIII, 20—22) имѣть и обыкновенное значеніе, между нами ходячее, то слѣдуетъ тому обратить вниманіе на то, что непосредственно за тѣми словами слѣдуетъ и читается такъ: *Моисей сказалъ Фараону. Назначь мнѣ самъ, когда мнѣ помолитъся (εὐξομαι) за тебя *)*, за твоихъ слугъ и за народъ твой, чтобы жабы исчезли отъ тебя и отъ твоего народа и изъ вашихъ жилищъ и остались бы только въ рѣкѣ (Исх. VIII, 9). При третьей казни, казни мошками (Исх. VIII, 17, 18) замѣчаемъ мы, что ни Фараонъ не просить о молитвѣ, ни Моисей о немъ не молится. И при четвертой казни, казни песьими мухами, Фараонъ говорить: *Помолитесь (εὐξασθε) о мнѣ Господу* (Исх. VIII, 28). *И отвѣчалъ на это Моисей: Вотъ я выхожу отъ тебя и помолюсь Богу (εὐξομαι) и удалятся песьи мухи отъ Фараона и отъ слугъ его и отъ народа его* (Исх. VIII, 29). И вскорѣ за тѣмъ: *И вышелъ Моисей отъ Фараона и помоллся (ἠῆξατο) Богу* (Исх. VIII, 30). Между тѣмъ какъ при пятой и шестой казняхъ ни Фараонъ не просилъ о молитвѣ, ни Моисей не возносилъ ея къ Богу, послалъ при седьмой казни Фараонъ опять призвать *Моисей и Аарона и сказалъ имъ: На этотъ разъ я согрѣшилъ; Господь праведенъ, а я и мой народъ виновны. Помолитесь (εὐξασθε) Господу, пусть перестанутъ громы (собственно: гласы Божіи), градъ и молнія* (Исх. IX, 27, 28). И вскорѣ за тѣмъ: *И вышелъ Моисей отъ Фараона изъ города и простеръ руки свои къ Господу и прекратились громы* (Исх. IX, 33; ср. IX, 29). Почему же не говорится: *и онъ помоллся (ἠῆξατο) какъ въ предшествующихъ мѣстахъ, но: и простеръ свои руки (ἐπέκτασε τὰς χεῖρας) къ Господу*, удобнѣе это будетъ разобратъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. И при восьмой казни гово-

*) Такъ какъ здѣсь,—хочетъ сказать Оригенъ,—самъ Моисей βυεβδαι употребляетъ въ значеніи мслиться, то это значеніе сего слова слѣдовательно неоспоримо соотвѣтствуетъ употребленію его въ Писаніи.

рить Фараонъ: *И помолитесь Господу, Богу египетскому, чтобы Онъ отворотилъ отъ меня сію смерть. И Моисей вышелъ отъ Фараона и помолился (ἠΰξατο) Господу (Исх. X, 17, 18).*

Но часто, какъ мы сказали уже, слово εὐχή употребляется не въ обычномъ значеніи. Такъ напр. при рѣчи объ Іаковѣ (Быт. XXVIII, 20—22). И въ книгѣ Левитъ: *И говорилъ Господь Моисею и сказалъ: Говори Сынамъ Израилевымъ и объяви имъ: Если кто дастъ обѣтъ (εὐξήται εὐχήν) обручитьъ душу свою Господу, то оцѣнка твоя должна быть такова: мушкетъ отъ двадцати мѣтъ до шестидесяти — пятьдесятъ сиклей серебряныхъ по сиклю солнцному (Лев. XXVII, 1—3) *). И въ книгѣ Числь: *И говорилъ Господь Моисею и сказалъ: Говори сынамъ Израилевымъ и объяви имъ: Если мужчина или женщина рѣшится дать обѣтъ (εὐξήται εὐχήν) назорейства, чтобы посвятить себя Господу, то онъ долженъ воздержаться отъ вина и охмеляющаго напитка (Числь VI, 1—3); см. и прочее о томъ, кто принимаетъ на себя званіе назорей **). И вскорѣ за тѣмъ: *И осолитъ голову его въ тотъ день, въ который онъ посвятилъ себя Господу на время дней своего обѣта (εὐχῆς) (Числь VI, 11, 12) ***). И опять вскорѣ за тѣмъ: Это законъ о томъ кто далъ обѣтъ (τοῦ εὐξαμένου) назорейства, въ день въ который кончились дни его обѣта (εὐχῆς) и т. д. (Числь VI, 13). И опять вскорѣ за тѣмъ: *И можетъ послѣ сего назорей (ὁ μυρμένος) вино пить. Это законъ о давшемъ обѣтъ (τοῦ εὐξαμένου) назорей, который обѣщалъ свою жертву Господу во исполненіе своего обѣта (εὐχῆς), кромѣ той****

*) Смыслъ сего мѣста кн. Левитъ таковъ: Если кто обречетъ себя на служеніе во святилищѣ въ качествѣ прислужника, то можетъ онъ отъ личной службы откупиться чрезъ взносъ опредѣленной денежной суммы, которая должна соответствовать возрасту и полу давшего обѣтъ и нормальному вѣсу сикля, сохраняющагося въ святилищѣ.

**) Назиреи или назарееи назывался тотъ, кто давалъ обѣтъ или въ теченіе цѣлой жизни или въ продолженіе лишь нѣкотораго времени служить исключительно Господу Богу, и для ненарушимаго препровожденія религіозной жизни въ обществѣ удалялся: прототипъ монастырскаго христіанскаго жизни.

***) Ни ножницы, ни бритва не должны были касаться головы наварен, доколь время не проходило, на которое онъ посвящалъ себя Господу.

жертвы, которую онъ дастъ сие добровольно въ силу своего обѣта (εὐχῆς), данного по закону объ освященіи (Числь VI, 20, 21). И въ концѣ книги Числь: *И говорилъ Моисей къ князьямъ княмъ сыновъ Израилевыхъ и сказалъ: Вотъ слово, которое заповѣдалъ Господь: Мужъ, который Господу обѣтъ дастъ (εὐξήται εὐχήν) или клятвою поклянется или относительно своей жизни какое либо рѣшеніе предприметъ, тотъ мужъ не долженъ нарушать слова своего; все, что изъ устъ его вышло, должно онъ сдерживать. Если и женщина Господу обѣтъ дастъ (εὐξήται εὐχήν) или какое либо рѣшеніе предприметъ, находясь въ дому еще своего отца, будучи сие въ возрастѣ молодости, и если ея отецъ объ ея обѣтахъ (εὐχάς) и объ ея рѣшеніяхъ знаетъ, которые она положила относительно своей жизни, и если отецъ ея молчитъ, то всѣ ея обѣты (εὐχαί) дѣйствительны и всѣ рѣшенія, какія она положила относительно своей жизни, для нея должны быть обязательны (Числь XXX, 2—5). И кромѣ этого законъ предписываетъ еще многое касательно обѣтовъ женщины. Въ подобномъ же значеніи въ книгѣ Притчей написано: *Стыть для мужа—поспѣшно что либо изъ своей собственности посвящать. Потому что за обѣщаніемъ (εὐξασθαι) можетъ послѣдовать раскаяніе (Притч. XX, 25). И въ книгѣ Екклесіаста: Лучше не обѣщать (μὴ εὐξασθαι), нежели обѣщать и обѣщанья не сдерживать (Еккл. V, 4; ср. Второз. XXIII, 21, 22). И въ Дѣянїяхъ: *Есть у насъ четыре чловѣка, имѣющіе на себя обѣтъ (εὐχήν) (Дѣян. XXI, 23).***

§ 4. Свойственны ли оба значенія и слову προσευχή?

Нашелъ я не безцѣльнымъ сначала различить двойное значеніе εὐχή по словоупотребленію Писанія; а потому подобное же сдѣлать и относительно προσευχή. Потому что наряду съ общимъ и обыкновеннымъ, часто встрѣчающимся значеніемъ (т. е. молитвы), ставится это слово въ значеніи для насъ и необычномъ εὐχή (обѣта), по крайней мѣрѣ въ разсказѣ объ Аннѣ въ 1-й кн. Царствъ: *И протосвященникъ Илїй сидѣлъ тогда на съ-*

далишь при дверяхъ храма Господни. И была она (Анна) печальна сердцемъ и молилась (προσηύετο) Господу и горько плакала, И дала она обѣтъ (ἠέετο εὐχήν), сказавъ: Господи силъ! Если Ты призриши на скорбь рабы Твоей и вспомниши о мнѣ и не забудеши рабы Твоей и даруешь рабѣ Твоей сына, то я отдамъ его Господу въ даръ на все время жизни его, и бритва не взойдетъ на голову его (1 Царствъ I, 9 — 11). Такъ какъ „καὶ ἠέετο εὐχήν“ сопоставлено здѣсь съ „προσηύετο πρὸς Κύριον“, то не безъ основанія можно усвоить этому мѣсту такое значеніе: „Она (Анна) и то и другое сдѣлала т. е. и „προσηύετο πρὸς Κύριον“ и „ἠέετο εὐχήν“. Выраженіе „προσηύετο“ по всей вѣроятности здѣсь поставлено въ обыкновенномъ значеніи εὐχή (молитвы), а другое „ἠέετο εὐχήν“ въ томъ значеніи, въ какомъ встрѣчается оно въ книгахъ Левитъ и Числъ (дала обѣтъ) *). Потому что слова: Я отдамъ его Господу въ даръ на все время жизни его, и бритва не взойдетъ на голову его собственно говоря не означаютъ молитвы (προσευχή), но означаютъ тотъ обѣтъ (εὐχή), который и Іефѳай далъ въ слѣдующихъ словахъ: И далъ Іефѳай обѣтъ (εὐχήν) Господу и сказалъ: Если Ты предашь сыновъ Аммона въ руки мои, то когда я буду возвращаться отъ сыновъ Аммона, долженъ тотъ, кто изъ воротъ дома моего мнѣ выйдетъ на остричь, Господу принадлежать, и я принесу его какъ всегоожженіе (Суд. XI, 30 31) **).

§ 5. Возраженія противниковъ молитвы. Такъ

*) Оригенъ хотеть сказать: „Что проσηύεσθαι употреблено здѣсь въ другомъ значеніи (т. е. въ значеніи обѣта), а не въ значеніи „молиться“ противъ этого можно еще спорить“. Слѣдовательно, Оригенъ употреблялъ это слово исключительно въ значеніи „молитвы“ тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ никакихъ другихъ мѣстъ, въ которыхъ προσευχή, употреблялось бы въ значеніи „обѣта“.

**) Оригенъ говоритъ здѣсь, что обѣтъ Іефѳая былъ тотъ же (ἐκείνη ἡ εὐχή, ἧστινα καὶ Ἰεφθαίε ἠέετο) который дала и Анна, обрекая своего сына Самуила на пазорешество. Отсюда по Оригену несомнѣннымъ становится, что слово всегоожженіе (βλοχαύτωμα) должно быть понимемо не буквально, но о вѣчномъ дѣствѣ и отдѣленіи отъ міра. Замѣчательно, что въ этомъ пониманіи (единственно истинномъ) Оригенъ противорѣчить всѣмъ древнимъ толковникамъ.

какъ всевъдущій и всеблагій Богъ и безъ нашихъ молитвъ направляетъ все къ нашему благу; такъ какъ кромѣ того и земныя судьбы и вѣчный жребій каждаго человѣка опредѣлены въ совѣтъ Божию отъ вѣчности, и измѣненію Божественныя рѣшенія не подлежатъ: то молитва совершенно бесполезна и даже безумна.

Первѣе всего желали вы *) , чтобы были изложены основанія, опираясь на которыя утверждаютъ нѣкоторые, что молитва излишня, такъ какъ ея де ничего не можетъ быть достигаемо: то вотъ мы не медлимъ посильнымъ удовлетвореніемъ этого вашего желанія, при чемъ слово «бу́дѣ» будетъ употребляемо нами въ его общемъ и простѣйшемъ значеніи (т.-е. въ значеніи „молитвы“).

Нѣкоторые отрицаютъ необходимость молитвы. Но отрицаніе ихъ по истинѣ ни на чемъ не основано и не находитъ себѣ выдающихся защитниковъ, такъ что въ средѣ признающихъ провидѣніе и усвоющихъ Богу управленіе міромъ не легко найти человѣка, который молитвы не одобрялъ бы. Отрицаютъ молитву или совершенные безбожники, бытіе Божіе отрицающіе, или принимающіе Бога только по имени, Промыслъ же Его отвергающіе.

Конечно, любя прикрывать именемъ Христа нечестивѣйшія положенія и выдавая ихъ за ученіе Сына Божія, сатана въ состояніи былъ этого рода хитростями убѣдить нѣкоторыхъ **), что молиться не нужно: мнѣніе принимаемое тѣми, которые совершенно изгоняютъ (изъ Во-

*) Амвросій и Татіана, просяшіе Оригена написать для нихъ трактатъ о молитвѣ, сами же намѣтили ему и нѣкоторые пункты, на какіе во исполненіе желанія ихъ Оригенъ мнѣлъ отвѣтять; по этому—то книга его и начинается первѣе всего изложеніемъ возраженій противъ молитвы и разборомъ ихъ.

**) Ранѣе Оригенъ сказалъ, что между вѣрными христіанами едва ли кто найдется, который отвергалъ бы молитву; здѣсь Оригенъ это свое мнѣніе нѣсколько пополюняетъ. „Дѣйствительно, какъ бы такъ говорить онъ, между вѣрными нѣтъ такихъ людей, а есть еретики въ наше время, — Клементъ Александрійскій называетъ ихъ „Продикіанами“, — которые молитву объявляютъ бесполезною, основываясь въ этомъ случаѣ, по обольщенію сатаны, даже на ученіи Самого Христа“.

гопоченія) примѣчаемое чувствами *), не имѣютъ ни крещенія, ни евхаристіи, на священное же Писаніе клеветуютъ, говоря что молитвы оно вовсе не требуетъ, а учить совершенно иному, по смыслу отъ этого совершенно отличному.

Для признающихъ, что міромъ управляетъ Богъ и допускающихъ Промыслъ Божій, основаніями для отрицанія молитвы служатъ слѣдующія. Говоримаго же атеистами и совершенно отрицающими Провидѣніе въ настоящее время излагать мы не будемъ.

Богу все вѣдомо еще прежде чѣмъ что либо произошло и ничего нѣтъ, что дѣлалось бы Ему извѣстнымъ только вслѣдствіе того, что начало то существовать и на самомъ дѣлѣ, и тогда только дѣлалось бы Ему извѣстнымъ, когда начало существовать и въ дѣйствительности, остававшись до тѣхъ поръ Ему неизвѣстнымъ. Поэтому нѣтъ никакой надобности Ему молиться: и прежде нашей Ему молитвы уже зналъ Онъ, въ чемъ мы нуждаемся. *Знаеть Отець небесный, въ чемъ мы имѣемъ нужду, еще прежде нашихъ прошеній Его о томъ* (Мѡ. VI, 8). Это и естественно, чтобы Отецъ и Творецъ вселенной, *все существующее любящій и ничѣмъ, что сотворилъ, не гнушающійся* (Прем. Сол. XI, 25), судьбы каждаго изъ своихъ созданій направлялъ ко благу ихъ и безъ просьбъ ихъ объ этомъ, подобно отцу, который заботится о своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтяхъ, не ожидая отъ нихъ просьбы о томъ, потому что они еще и не въ состояніи просить его или же по неразумію часто желали бы имѣть совершенно противное тому, что для нихъ требуется и полезно. Но между нами людьми и Богомъ различіе несравненно большее, нежели какое существуетъ между малыми дѣтьми и предусмотрительными ихъ родителями.

Естественно далѣе, что будущее Богъ не только предвидитъ, но и предопредѣляетъ и ничто не происходитъ

*) Это такъ называемые „псевдо-спиритуалисты“, отрицавшіе необходимость при богослуженіи всякихъ внѣшнихъ знаковъ и обрядовъ, утверждавшіе, что тѣло въ богослуженіи не должно принимать участія.

вопреки порядку Имъ предустановленному. Посему какъ того, кто захотѣлъ бы молитвою призывать восходъ солнца, должно было бы счесть за безумца, потому что въ этомъ случаѣ онъ сталъ бы просить о наступленіи вслѣдствіе его молитвы того самого, что наступаетъ обыкновенно и безъ его молитвы: точно также безразсуденъ и тотъ человѣкъ, который вѣритъ, что по его молитвѣ происходитъ то, что непременно произошло бы, если бы онъ и не молился. И опять подобно тому какъ тотъ обнаружилъ бы явное безуміе, кто во время дѣтняго солнцеповорота, безпокоймый солнцемъ и страдая отъ жара, пришелъ бы къ мысли, что вслѣдствіе его молитвы солнце возвратится къ небеснымъ знакамъ весны *), такъ что можно будетъ наслаждаться благо-растворенностью воздуха: точно такъ же полноту безумія обнаружилъ бы и тотъ, кто вѣрилъ бы, что молитвою онъ предотвратитъ тѣ несчастія, которыя приключаются съ человѣческимъ родомъ въ силу необходимости. — Далѣе, если *нечестивые съ самаго рожденія отступаютъ* (Пс. LVII, 4), а праведный *отъ утробы матери своей избирается* (Гал. I, 15); еще далѣе, если даже о такихъ лицахъ, которые *еще не родились и не успѣли совершить ни добраго, ни злого* (разумѣются Исавъ и Іаковъ), именно для того чтобы *осуществился въ свободномъ избраніи советъ Божій, не ради дѣла, но по силѣ Призывающаго*, если даже о такихъ лицахъ въ Писаніи (Рим. IX, 11, 12) говорится: *Старшій младшему будетъ служить* (Быт. XXV, 23): то напрасно значить молимся мы о прощеніи намъ грѣховъ нашихъ или о Духѣ крѣпости, чтобы *на все стивало силъ у насъ о укрѣпляющемъ насъ Іисусѣ* (Фил. IV, 13). Если мы грѣшники, то отступили отъ Бога, (съ добраго пути уклонились) отъ самой матерней утробы **); если же мы избраны Богомъ, (выдѣлены въ число избранныхъ)

*) Эклиптика, или путь солнца, раздѣляется на 12 равныхъ частей, называемыхъ небесными знаками, или знаками зодіака. Три весеннихъ знака суть: Овенъ, Телецъ и Близнецы.

**) Мы въ такомъ случаѣ съ грѣхомъ срослись какъ бы до нераздѣльности, такъ что никакимъ образомъ отъ него освободиться не въ состояніи.

отъ чрева нашей матери, то оказываемъ мы славнѣйшія добродѣтели, хотя бы мы и не молились. Иначе, какъ же это еще прежде рожденія молился Іаковъ, такъ какъ еще прежде рожденія о немъ предвозвѣщено было, что онъ превзойдетъ Исава, и *братъ его ему служить будетъ* (Быт. XXV, 23)? И какое же это преступленіе Исава совершилъ, когда уже прежде рожденія былъ ненавидимъ? И какую пользу могла принести *молитва Моисею*, какъ надписывается 87-й псаломъ *), если Богъ *прибъжищемъ его былъ прежде нежели горы родились, прежде нежели обризована была земля и вселенная вся* (Пс. XXXLIX, 1—3)? Но и о всѣхъ спасаемыхъ въ посланіи къ Ефесеямъ написано, что *Богъ Отецъ, во Христѣ избралъ ихъ прежде созданія міра, чтобы они были святы и непорочны предъ Нимъ въ любви, предопредѣливъ усыновить ихъ Себѣ чрезъ Христа* (Еф. I, 4, 5). Найдется ли между отъ созданія міра избранными хотя кто-нибудь, который своего предызбранія въ послѣдствіи лишился бы? Значить молитва для него не необходима. Если же кто не предызбранъ и не предопредѣленъ, тогда молитва его будетъ напрасною и не будетъ онъ услышанъ, хотя бы и безчисленное количество разъ молился **). *Кого Богъ предузналъ, тѣхъ и предопредѣлилъ, чтобы они были подобны образу славы Сына Своего, А кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ; а кого оправдалъ, тѣхъ и прославилъ* (Рим. VIII, 29, 30). О чемъ хлопоталъ Іосія, или къ чему это онъ при своей молитвѣ о томъ заботился, услышанъ будетъ онъ или нѣтъ? Вѣдь уже за много человѣческихъ поколѣній его имя предвозвѣщено было пророкомъ и его дѣла не только предусмотрѣны, но предъ лицомъ многихъ слушателей и предсказаны ***)? Къ чему молился Іуда, когда

*) Въ теперешнихъ изданіяхъ Библии надписывается такъ 89-й псаломъ.

**) Таковы были воззрѣнія Предестинантъ, столь часто и въ такихъ разнообразныхъ отгѣнкахъ проявлявшіяся въ церковной исторіи. Ихъ они равнѣвали до джв, возмущавшей всякое нравственное чувство, потому что по ихъ лжеученію выходило, что молитва и добрая дѣла для спасенія не только бесполезны, но и прямо вредны.

***) Уже за 350 лѣтъ пророкомъ предсказано было искорененіе идоло-

самая молитва его служила ему въ грѣхъ (Пс. CVIII, 7; ср. Мѣ. XXVII, 3, 4), такъ какъ вѣдь уже со временъ, Давида предвозвѣщено было, что свое епископское достоинство онъ утратитъ и вмѣсто него *получитъ оное другой* (Пс. CVIII, 8; ср. Дѣян. I, 20)? Такъ какъ Богъ неизмѣненъ, все предвидитъ и остается Своимъ предопредѣленіямъ вѣренъ, то молитва оказывается дѣломъ даже безразсуднымъ. Безумно думать, что черезъ молитву совѣтъ Божій можно измѣнить. Безумно умолять Бога, какъ еслибы Онъ предпринималъ рѣшенія невѣрныя въ ожиданіи молитвъ отъ того или другого человѣка. Безумно умолять Бога о томъ, чтобы Онъ устроилъ все, что молящемуся нужно, устроилъ все согласно съ его молитвой и утвердилъ бы то, что для молящагося оказывается цѣлесообразнымъ, но прежде что Богу какъ будто бы не было извѣстно.

Здѣсь мѣсто будетъ буквально привести изъ твоего письма ко мнѣ строки, на которыя я долженъ отвѣчать. Ты пишешь: „Во первыхъ, если будущее Богъ предвидитъ и оно должно наступить, (потому что Божіе предвѣдѣніе неложно), то молиться безразсудно. Во вторыхъ, если все происходитъ по волѣ Божіей и ея опредѣленія неизмѣнны и ничто изъ того, чего Онъ хочетъ, не можетъ быть прототвращено, то молиться тоже безразсудно“. — Для разрѣшенія сомнѣній, ослабляющихъ наше усердіе къ молитвѣ, полезнымъ нахожу предпослать слѣдующее *).

§ 6. Опроверженіе прежде изложенныхъ возраже-

служенія чрезъ Іосію въ такихъ словахъ: *Жертвенникъ, жертвенникъ! Такъ говоритъ Господь: Вотъ родится сынъ дому Давидову—ими ему Іосія—и принесетъ на тебѣ въ жертву селицениковъ высоту и т. д.* (3 Царствъ XIII, 1, 2).

*) При опроверженіи возраженій противъ молитвы со стороны Предестинанціанъ Оригенъ излагаетъ и обстоятельно доказываетъ, что человѣкъ свободно выбираетъ какъ добро такъ и зло и необходимо самъ долженъ содѣйствовать своему спасенію: путь для опроверженія предестинанціанъ совершенно правильный. Потому что отвергающіе необходимость молитвы и добрыхъ дѣлъ исходятъ въ этомъ обыкновенно изъ ложнаго предположенія, что человѣкъ не располагаетъ свободой нравственнаго выбора и къ дѣлу своего оправданія и освященія можетъ относиться чисто страдательнымъ образомъ, пассивно.

ній. Человѣкъ можетъ совершенно свободно отдаваться какъ добру, такъ и злу, или — что тоже — способенъ къ свободной самоопредѣляемости, располагаетъ свободнымъ выборомъ. Но Богъ предвидѣлъ отъ вѣчности, что именно, добро или зло, тѣмъ или другимъ человѣкомъ будетъ выбрано; по сему отношенію къ свободному рѣшенію воли каждаго отдѣльнаго человѣка и непринужденно избираемымъ дѣйствіямъ, въ особенности же съ отношеніемъ къ молитвѣ человѣка, постановляетъ опредѣленія касательно каждаго въ частности человѣка.

Примѣры.

Изъ вещей движущихся однѣ приводятся въ движеніе двигателемъ внѣшнимъ, чему подлежатъ напр. предметы бездушные, связываемые въ единство лишь силою притяженія *). Но тѣмъ же внѣшнимъ двигателемъ иногда приводятся въ движеніе и предметы движущіея по силѣ свойственной имъ естественной жизни. Это бываетъ тогда, когда они движутся не какъ такіе, а когда приводимы бываютъ въ движеніе подобно предметамъ связываемымъ въ единство простою силою притяженія **). Камни напр. добываемые изъ грунта и деревья отъ корня сухіе связываются въ единство лишь притягательною силою частицъ и могутъ быть приводимы въ движеніе лишь внѣшнею силою. Но и тѣла животныхъ и изъ растений, удобопереносимыя, если кто-нибудь ихъ переноситъ съ мѣста на мѣсто, переносятся на оное не въ качествѣ животныхъ или растений, а подобно камнямъ и сухимъ деревьямъ, которыя расти и питаніемъ себя поддерживать уже не могутъ. Если же сухія дерева иногда и движутся, напр. во время всеобщихъ наводненій, то

*) Неодушевленные предметы образуютъ собою единство или цѣлое благодаря тому только, что отдѣльныя матеріальныя частички обладаютъ свойствомъ взаимнаго притяженія, или такъ называемою силою сцепленія. Эти неодушевленные предметы не могутъ двигаться сами по себѣ, но получаютъ для движенія толчокъ отвнѣ.

***) Если напр. растения или животныя, о чемъ Оригенъ и говоритъ тотчасъ за тѣмъ, въ себѣ самихъ имѣющія способность движенія, приводятся въ оное подобно неорганическимъ вещамъ чрезъ внѣшнее воздѣйствіе.

тлѣють они и испытываютъ движеніе связанное съ тлѣніемъ.

Второй родъ движенія испытываютъ тѣ предметы, которые движутся въ мѣру присущей имъ внутренней и естественной жизненной силы. По терминологіи тѣхъ, которые о семъ выражаются точнѣе, они движутся изнутри самихъ себя (ἐξ αὐτῶν).

Третій родъ движенія свойственъ животнымъ, движеніе которыхъ называется движеніемъ, исходящимъ отъ нихъ самихъ (ἀφ' αὐτῶν).

А движеніе разумныхъ существъ, полагаю я, есть движеніе чрезъ нихъ самихъ (δι' αὐτῶν).

Если свойственное животному и исходящее отъ него самого движеніе у него мы отнимемъ, то не можетъ оно болѣе считаться и за животное, а будетъ походить или на растеніе, движущееся въ мѣру свойственной ему естественной силы или на камень, приводимый въ движеніе внѣшнимъ какимъ-либо двигателемъ. Напротивъ, если какое либо существо слѣдуетъ личному движенію, то такое существо должно быть одарено разумомъ, ибо мы вѣдь сказали уже, что оно опредѣляется въ своихъ движеніяхъ чрезъ себя самого. Оттого нашу свободную самоопредѣляемость (т. е. движеніе человѣка чрезъ себя самого) отрицающіе допускаютъ нѣчто совсѣмъ несообразное. Во-первыхъ, допускаютъ они, будто мы существа вовсе и не живыя. Во вторыхъ, будто мы существа безъ разума. Значитъ движенія наши обусловливаются нѣкоей внѣшней силой и въ движеніяхъ нашихъ нѣтъ никакой самостоятельности. Оттого можно бы сказать, что нами произвольно и по личному побужденію совершаемое совершается только вслѣдствіе внѣшняго на насъ воздѣйствія. Но если кто обратитъ вниманіе особенно на личныя свои чувства, то увидитъ, можетъ ли онъ, не впадая въ безстыдство, (ибо самосознаніе есть неопровержимый внутренній фактъ), утверждать, что онъ не самъ желаетъ, не самъ ѣсть, не самъ гулять ходить, не самъ съ разнаго рода учеными положеніями соглашается и оныя одобряетъ, не самъ положенія другого

рода отрицаетъ какъ ошибочныя. И подобно тому какъ есть нѣкоторыя ученія, которыхъ человѣкъ не можетъ удерживать по убѣжденію, хотя бы и силится онъ подтверждать ихъ многими доказательствами, хотя бы значеніе придавалъ и существующимъ въ пользу оныхъ доказательствамъ: такъ и относительно человѣческой дѣятельности невозможно питать убѣжденія, будто ничего въ ней не зависитъ отъ нашей власти *). Кого—это убѣдить можно, что ничего мы постигнуть своимъ умомъ не въ состояніи? Или кто—это живетъ на свѣтѣ такъ, что рѣшительно во всемъ сомнѣвается? Кто же **) не журить своего слугу, если въ душу западаетъ подозрѣніе, что слуга тотъ преступленіе совершилъ? И кто—это сыну въ вину не вмѣняетъ неисполненія имъ обязанностей въ отношеніи родителей? Кто же это не порицаетъ и не осуждаетъ женщины прелюбодѣйной за то, что она позволила себѣ нѣчто постыдное? Это все вынуждается и съ необходимостію вызывается истиной, хотя бы мы и тысячу основаній подыскивали противъ нея, истиной насъ устремляющей то къ похвалѣ то къ порицанію; примѣчается тутъ свободное самоопредѣленіе, которое независимо отъ насъ удостоиваетъ кого слѣдуетъ или похвалы или порицанія.

Если же свободное самоопредѣленіе при насъ остается, если вслѣдствіе его мы безчисленное количество разъ уклоняемся то въ сторону добродѣтели, то въ сторону порока; если мы колеблемся между исполненіемъ обязанности и небреженіемъ о ней, то Богу значить еще прежде, чѣмъ наше самоопредѣленіе въ насъ такъ или иначе сложилось, отъ самаго созданія и устроенія міра ***) , вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ съ необходимостію уже извѣстны были и свойства этого нашего самоопредѣленія и при всѣхъ

*) Орягенъ хочетъ сказать слѣдующее: Подобно тому какъ мало существуетъ основаній для того, чтобы утверждать свободу разумнія, когда считается за истину удерживаются явныя заблужденія, подобнымъ же образомъ нѣтъ основаній оспаривать и свободу воли рѣшаться въ пользу зла или добра.

**) Указаніе на личныя ихъ отношенія къ окружающей средѣ—самый дѣйствительный аргументъ противъ скептиковъ.

***) Вѣрнѣе: и прежде сотворенія міра, отъ вѣчности.

своихъ установленіяхъ по отношенію къ каждому дѣлу нашего свободнаго выбора Богъ, вслѣдствіе Своего предвѣднія предопредѣлилъ значить какъ то, чтобы каждое движеніе нашего свободнаго самоопредѣленія вознаграждено было со стороны Его провиднія соотвѣтственно нашимъ заслугамъ, такъ предопредѣлилъ Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ значить и то, что по ходу будущихъ событій должно произойти *). Но это предопредѣленіе происходитъ не такъ, какъ будто бы все то, что происходитъ и что нашимъ свободнымъ самоопредѣленіемъ приводится въ исполненіе по собственному нашему побужденію, какъ будто бы все это было причиняемо Божественнымъ предвѣдніемъ **). Потому что предположимъ такой случай, что Богу будущее неизвѣстно, мы и въ этомъ случаѣ все равно грозилась бы, что хотимъ дѣлать то и это. Вслѣдствіе Божія предвѣднія лучше сказать происходитъ то лишь, что свободное самоопредѣленіе отдѣльнаго человѣка принимается въ расчетъ только для болѣе соотвѣтственнаго свойству міра руководства цѣлымъ.

Такъ какъ теперь свободное самоопредѣленіе каждаго отдѣльнаго человѣка Богу извѣстно и оно предвидитъ Онъ, то провидніе Его и предопредѣляетъ ***) каждому соотвѣтственное его достоинству; при этомъ въ расчетъ принимается и то, о чемъ этотъ и тотъ вѣрующій молится, съ какого рода расположеніями и что онъ получить желаетъ. — И такъ какъ это принимается въ расчетъ, то вслѣдствіе этого при окончательномъ рѣшеніи Богъ опредѣляется примѣрно слѣдующимъ образомъ. „Этого, который молится разсудительно (неослабно, постоянно), слышу Я именно ради его молитвы, которую отъ творить; а молитвъ того Я не внемлю частію по-

*) Отъ вѣчности предопредѣленныя жизненныя судьбы человѣка зависятъ частію отъ естественнаго хода событій, частію отъ особеннаго предвѣднія Божія обуславливаемого подтвержденіемъ его дѣйствіями свободной воли человѣческой.

**) Не потому что Богъ предвидитъ ихъ, человѣческія дѣйствія должны происходить, но наоборотъ: такъ какъ они совершаются (свободно), то Богъ и предвидитъ оныя.

***) Конечно, также отъ вѣчности, но все-же въ логическомъ порядкѣ, послѣ предвѣднія.

тому, что онъ недостоинъ выслушиванія, частію потому, что молится о такихъ вещахъ, которыя какъ для него молящагося бесполезны, такъ и Мнѣ на оныя снизойти не пристойно; и при такого рода молитвѣ этого и того изъ людей Я не услышу, при той же, напротивъ, услышу“. Но если бы кто-нибудь въ смущеніи подумалъ, что такъ какъ въ предвидѣніи будущаго Богъ не можетъ ошибаться, и дѣйствія наши бываютъ значить вынуждены, то нужно такому возразить, что Богъ съ непремѣнностью и то знаетъ, что этотъ и тотъ человѣкъ не будетъ къ добру расположенъ неизмѣнно и постоянно, но что онъ настолько полюбитъ злое, что возвратиться къ полезному будетъ и не въ состояніи *). „И опять **) этого молящаго взыщу Я тѣмъ и этимъ, потому что это пристойно для Меня, поелику молитва его Мнѣ безукоризненна, и онъ занятъ ей ревностно; а тому, который лишь по временамъ молится, дамъ Я это и то *несравненно большее, нежели чего онъ проситъ или о чемъ помышляетъ* (Еф. III, 20), потому что это прилично для Меня его взыскать благодѣяніемъ и ему болѣе даровать, чѣмъ онъ желать можетъ. И этому, который находится въ такихъ и такихъ обстоятельствахъ, пошлю Я этого ангела въ качествѣ слуги ***), который съ этого времени и начнетъ содѣйствовать его спасенію и до извѣстнаго момента времени будетъ его поддерживать; а тому пошлю другого, наприм. высшаго, чѣмъ тотъ который помогаетъ первому. У этого напротивъ, который ранѣе послѣдователемъ былъ возвышенныхъ ученій, а потому мало по малу опускается и опять возвратится къ мірскому, того сильнаго помощника Я отниму“ ****). И поелику по дѣлу съ удаленіемъ его

*) Если Богъ предвидитъ будущее безошибочно, то происходитъ это отъ того, что въ своемъ всевѣдѣніи Онъ непогрѣшительно предвидитъ свободное рѣшеніе воли человѣка въ пользу добра или зла.

**) Пріодолженіе Божественнаго предопредѣляющаго постановленія.

***) Всѣ Ангелы *суть служебные души, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе* (Евр. I, 14).

****) Если человѣкъ Божіими къ нему милостямъ не пользуется или ими злоупотребляетъ, то по всей справедливости богатѣйшихъ и высшихъ милостей Божіихъ онъ лишается, а оставляются ему только наиболѣе потребныя.

извѣстному злѣйшему могуществу *) развязываются руки, то оно случай получаетъ приблизиться къ его безопасности, начинаетъ внушать ему тѣ и эти грѣхи и, послѣ того какъ потеряетъ онъ страхъ предъ грѣхомъ, вовлекаетъ въ оныя.

Такимъ образомъ Богъ, все предопредѣляющій, говоритъ какъ бы такъ: „Отъ Амоса родится Іосія, который не будетъ подражать преступленіямъ своего отца, но опираясь на руку ангела, этого путеводящаго и защищающаго своего сопутника, и идя стезею добродѣтели, пребудетъ благороднымъ и благочестивымъ, а построенный Іероваомомъ жертвенный алтарь разрушить (Ср. 4 Царствъ XXIII, 15: XXI, 24, 26; XXIV, 24, 25). Но знаю Я также и то, что во время явленія моего Сына среди человѣческаго рода Іуда первоначально будетъ благороднымъ и благочестивымъ, а грядуще совершится и впадетъ въ человѣческія заблужденія и по всей справедливости терпѣть будетъ то и это“. Быть можетъ **) это предвѣдѣніе всего свойственно и Сыну Божію. И во всякомъ случаѣ Онъ предвидѣлъ личность Іуды и другія тайны. Познавая развитіе будущихъ событій, Онъ провидѣлъ лицо Іуды и грѣхи, которые совершитъ онъ, такъ что въ своемъ духѣ постигая это, Онъ еще прежде, чѣмъ Іуда родился, говорилъ чрезъ Давида: *Боже, о хвалѣ Моей не премолчи* (Пс. CVIII, 1) и т. д. „И поелику ***) Я знаю, что въ послѣдующее время совершится и съ какимъ напряженіемъ силъ Павелъ будетъ стремиться къ благочестію, то восхотѣлъ Я его выдѣлать для Себя, прежде чѣмъ создана была вселенная Мною и прежде чѣмъ десницею своею коснулся Я міротворенія. Я ввѣрю

*) Сатана, который постоянно ходитъ какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить (1 Петр. V, 8) и въ союзъ съ плотскими вождельніями нападаетъ на человѣка.

**) Не „можетъ быть“ (τάχα), а несомнѣнно, что предвидѣть все и Сынъ. Хотя мѣсто это и не довольно ясно для того, чтобы усвоить Оригену мнѣніе о подчиненности второго лица Пресвятой Троицы, все-же то очевидно, что о взаимномъ отношеніи трехъ лицъ Божества онъ выразился вѣдь не довольно опредѣлительно.

***) Продолженіе Божественнаго предопредѣляющаго постановленія.

ему и силы, содѣйствующія дѣлу спасенія людей, ввѣрю тотчасъ же при рожденіи его; отъ матерней утробы (Гал. I, 15) его выберу для Себя и допущу, чтобы вначалѣ, во время своей юности, въ неразумной ревности онъ преслѣдовалъ подъ видомъ благочестія ввѣрующихъ въ Помазаннаго Мною и стерегъ одежды (Дѣян. XXII, 20) тѣхъ, которые камнями побивали раба Моего и исповѣдника Стефана, дабы послѣ того, какъ минуетъ юношеская страстность и по особому ему отъ Меня напоминанію (Дѣян. IX, 3 и д.) онъ обратится къ лучшему, не хвалился онъ предо Мною, но говорилъ: *Не достоинъ и называться и апостоломъ, потому что малъ Церковь Божию* (1 Кор. XV, 9); и чтобы послѣ юношескихъ своихъ заблужденій, въ какія впалъ онъ подъ видомъ благочестія, обращая вниманіе на излитыя Много благодѣянія на него, онъ признавался потомъ: *Благодатию Божіей есмь то, что есмь* (1 Кор. XV, 10); и наконецъ чтобы въ сознаниі совершеннаго имъ противъ Христа во время своей юности не превозносился онъ величіемъ откровеній (2 Кор. XII, 7), какихъ изъ милости къ нему Я содѣлалъ его участникомъ“.

§ 7. Отвѣтъ на увѣреніе, будто молитва вообще столь же бесполезна, какъ молитва о восходѣ солнца. А на возраженіе относительно молитвы о восходѣ солнца можно отвѣчать слѣдующимъ образомъ*).

И солнцу свойственна нѣкоторая свободная самоопредѣляемость, такъ какъ и оно хвалитъ Бога вмѣстѣ съ луною, почему и говорится: *Хвалите Его солнце и луна* (Пс. CXLVIII, 3)**). Но очевидно такая же свободная

*) Въ слѣдующемъ Оригенъ ясно выражаетъ извѣстное свое мнѣніе объ одушевленности солнца, луны и звѣздъ. Такъ какъ, по мнѣнію Оригена, всѣ духи первоначально были совершенно равны между собою, то при великомъ, происшедшемъ между нами, отпаденіи отъ Бога, души звѣздъ, мѣнѣ чѣмъ души людей погрѣшавшія, были отосланы въ тѣла болѣе благородныя.

**) Оригенъ не дѣлаетъ различія между прямымъ, непосредственнымъ прославленіемъ Бога существами разумными и непрямымъ или нѣмымъ прославленіемъ Его со стороны созданій неразумныхъ, уже простое бытіе которыхъ свидѣтельствуетъ о Божественныхъ свойствахъ и совершенствахъ, и уже чрезъ это прославляютъ они Бога тѣмъ способомъ, о которомъ сказывается поговорка: „Самое дѣло хвалитъ своего хозяина“.

самоопредѣляемость свойственна и лунѣ, а слѣдовательно и всѣмъ звѣздамъ, такъ какъ говорится: *Хвалите Его вмѣстѣ со свѣтломъ звезды оны* (Пс. CXLVIII, 3). Поелику теперь сказали мы (§ 6-й), что съ отношеніемъ къ свободному самоопредѣленію жителей земли Богъ установилъ на ней и порядки, соотвѣтствующіе потребностямъ ихъ: то равнымъ образомъ принять должно, что съ отношеніемъ къ неизмѣнной, опредѣленной, постоянной и разумной свободной самоопредѣляемости солнца, луны и звѣздъ Онъ установилъ по масштабу гармоніи во вселенной и весь порядокъ небесъ вмѣстѣ съ путями звѣздъ и ихъ движеніемъ по нимъ. И если съ отношеніемъ къ свободному самоопредѣленію своему не напрасно я молюсь, то къ звѣздамъ, движущимся на небѣ хороводами *) ко благу вселенной, имѣеть это меньшее приложение (т. е. молитва имъ будетъ наприсной, безцѣльной). Потому что о жителяхъ земли все-таки нужно сказать, что различнаго рода призраками, обусловливаемыми окружающей насъ обстановкой, наша самостоятельность бываетъ ограничиваема и призраки тѣ насъ соблазняютъ ко грѣху, къ совершенію того и этого, къ рѣчамъ такимъ или инымъ; напротивъ созданія, что на небѣ, въ своемъ теченіи, на мірѣ отзывающемся благомъ лишь, никакими призраками сбиваемы быть не могутъ, не могутъ быть увлекаемы на пути иные. Всѣ они, не смотря на свою вину, имѣють разумомъ проникнутую душу и эфирное и совершенно чистое тѣло **).

§ 8. О правомъ родѣ и образѣ молитвы, а именно о поставленіи себя во время молитвы предъ лицомъ

*) У древнихъ это былъ обычный образъ для обозначенія движенія звѣздъ.

**) Звѣзды, хочеть сказать Оригенъ, неизгнѣнно держатся путей, разъ или со свободной рѣшимостью выбранныхъ. Это для нихъ тѣмъ возможнѣе, что онѣ не испытываютъ, какъ бываетъ это у людей, возстаній чувственности противъ разума и противъ рѣшеній его диктуемыхъ имъ воли. Потому молятся о томъ напр., чтобы въ извѣстное время взошло солнце, было бы безцѣльнымъ.—Наше время на сравненіе предестинаціанамъ молитъ къ предопредѣляющему отъ вѣка жребій нашъ Богу съ молитвою о восходѣ солнца отвѣтило бы проше: О восходѣ солнца молятся потому безцѣльно, что солнце и прочія звѣзды, какъ созданія неразумныя, съ фантической необходимостью проходятъ путями, имъ указанными отъ Творца.

Божіимъ и о пользѣ, уже изъ этого одного происходящей.

Такъ какъ теперь возраженія противъ молитвы насъ не могутъ болѣе отклонять отъ нея, то для поощренія къ ней и удержанія отъ нерадѣнія о ней пристойно будетъ воспользоваться и слѣдующимъ примѣромъ. Подобно тому какъ рожденіе дѣтей невозможно безъ жены и производительной силы, точно такъ же многого не иначе можно достигать какъ извѣстнаго рода молитвою, проникнутой извѣстными расположеніями, извѣстной силы вѣрой и жизнію соотвѣтствующей такого рода молитвѣ.

При молитвѣ не въ многословіи дѣло; потому не слѣдуетъ о пустякахъ молиться; далѣе не слѣдуетъ молиться о земномъ, приступать къ молитвѣ въ страстномъ возбужденіи и съ разсѣянными мыслями. Не очистившись отъ грѣха, даже и того нельзя понять, что примолитвѣ наблюдаемо должно быть; съ другой стороны молящійся не можетъ просить объ оставленіи и ему самому грѣховъ, если онъ отъ сердца не прощаетъ обидъ своему брату, его упрасивающему о томъ.

Тотъ же, кто правымъ образомъ молится или къ тому стремится посылно, для того происходитъ изъ этого, сколько я понимаю, многоразличная польза. И прежде всего несомнѣнно полезны: духовная сосредоточенность при молитвѣ и представленіе себя, когда находишься въ молитвенномъ состояніи, предъ лицомъ Божіимъ, разговоръ съ Нимъ, какъ бы съ лицомъ, которое видишь и слышишь. Подобно тому какъ нѣкотораго рода представленіями и воспоминаніями пятнаются возникающія при этихъ представленіяхъ мысли относительно предмета нашихъ воспоминаній: такъ да позволено намъ будетъ убѣжденными быть, что подобнымъ же образомъ *) представленіе себѣ вездѣприсущаго Бога, проникающаго въ самыя тайныя движенія нашей души, пользу намъ приноситъ. Душа тогда такъ настраивается, что становится

*) Отъ лачивыхъ представлений происходятъ грязныя и мысли; религіозными же представленіями порождаются и мысли религіозныя.

угодно Богу. Онъ становится, такъ сказать, свидѣлемъ такого ея состоянія, нашу душу наблюдаетъ, въ каждую ея мысль входитъ, Онъ Который *испытуетъ сердца и изслѣдуетъ внутреннѣе* человѣка (Пс. VII, 10). Положимъ по сему, что обратившійся своими мыслями къ молитвѣ, не извлекъ бы изъ нея никакой дальнѣйшей пользы кромѣ этой: не должно и такому человѣку плакать, будто онъ, переносящійся во время молитвы въ столь благоговѣнное настроеніе, получаетъ отъ того выгоду лишь незначительную. Какъ отъ многихъ грѣховъ это поставленіе себя предъ лицомъ Божиимъ насъ удерживаетъ, къ сколькимъ добродѣтелямъ устремляетъ, если оно часто повторяется! Отдающіеся молитвѣ неослабнѣе знаютъ это по собственному опыту. Потому что если уже о знаменитомъ мужѣ воспоминаніе и памятованіе, о мужѣ ознаменовавшемъ себя мудростію, побуждаетъ насъ къ соревнованію ему, часто же и склонность ко злу въ насъ подавляетъ: то во сколько же разъ болѣе помогаетъ намъ памятованіе о Богѣ, Отцѣ всего сотвореннаго, памятованіе соединенное съ молитвою къ Нему! Во сколько разъ большей пользой отзывается оно на убѣжденныхъ, что во время молитвы они стоятъ предъ Богомъ, Который тутъ присутствуетъ и слышитъ ихъ, на представляющихъ себя самихъ говорящими съ Нимъ!

§ 9. Доказывается изъ свящ. Писанія, что предъ молитвою должно прощать, что въ особенности женскій полъ долженъ являться на молитву въ приличной одеждѣ и что во время молитвы должно сохранять благоговѣніе: уже это одно приноситъ намъ величайшую пользу.

Изъ свящ. Писанія высказанное можетъ быть подтверждено слѣдующимъ образомъ.

Молящійся долженъ *воздвигать чистыя руки* (1 Тим. II, 8), всѣмъ прощая причиненныя ему несправедливости, (что имепно и дѣлаетъ его достойнымъ оставленія Богомъ ему самому грѣховъ Мо. VI, 14); онъ долженъ изгнать изъ сердца всякое страстное возбужденіе и ни на кого не гнѣваться. Потомъ должно во время молитвы

все забывать, что не имѣетъ съ ней соотношенія, потому что въ это время духъ не долженъ быть тревожимъ никакими посторонними мыслями. Кто усумнится, что такое состояніе молящейся души есть наисчастливейшее? О немъ въ 1-мъ посланіи къ Тимоѳею Павелъ говоритъ слѣдующее: *Желаю, чтобы мужи на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы, воздвѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія* (1 Тим. II, 8).

Жена же кромѣ того, особенно при молитвѣ, должна наблюдать скромность и быть благоукрашенною и по душѣ и по тѣлу, всего болѣе и преимущественно во время молитвы страшась Бога, изгоняя изъ души всѣ разнузданныя и женскія воспоминанія и украшаясь не плетениемъ волосъ, не золотомъ, не перлами или дорогими одеждами, а такъ наряжась, какъ это прилично женѣ, обѣщавшейся хранить страхъ Божій (1 Тим. II, 9, 10). И для меня было бы удивительнымъ, если бы кто-нибудь сомнѣвался почитать жену счастливою уже и изъ-за этого одного т. е. если она является на молитву въ такомъ видѣ, о какомъ училъ Павелъ въ томъ же самомъ посланіи словами: *Желаю я, чтобы и жены въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостію и цѣломудріемъ, украшали себя не плетениемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчужинами, ни многоцѣнною одеждою, но тѣмъ, что прилично женамъ, посвятившимъ себя благочестію, добрыми дѣлами* (1 Тим. II, 9, 10).

А такъ какъ пророкъ Давидъ говоритъ, что чловѣкъ богобоязненный отличается при молитвѣ еще и другимъ многимъ, то кстати будетъ привести и это въ уясненіе, какъ для посвящающаго себя Богу чрезвычайно полезно,—даже еслибы на это только и обращалось вниманіе,—правое душевное состояніе при молитвѣ и приготовленіе къ ней. Пророкъ говоритъ: *Къ Тебѣ возвожу очи мои, Живущій на небесахъ* (Пс. СХХII, 1: *Къ Тебѣ, Господи, возношусь я душой моею* (Пс. XXIV, 1).

Ибо когда душевныя очи въ такую высоту устремлены бывають, что уже не на земномъ чемъ либо останавливаются и не земными образами наполняются, но

въ такой степени горѣ воспаряють, что сотворенными вещами уже совершенно пренебрегаютъ, а единственно на созерцаніи Бога останавливаются и заняты бывають благоговѣйной и смиренной бесѣдой съ Нимъ, Который даритъ ихъ Своимъ благоволеніемъ: то какъ не сказать, что уже и самыя глаза тогда приносятъ пользу молящимся, поелику молящіеся тогда *какъ бы въ зеркаль въ непокровенномъ блескѣ славы Господа зрятъ *)* и *преобразуются въ тотъ же образъ **)*, *восходя отъ славы къ славы* (2 Кор. III, 18). Ибо тогда нисходитъ на нихъ какъ бы нѣкое Божественное изліаніе отъ Бога, что открывается изъ изреченія: *Яви намъ свѣтъ лица Твоего, Господи* (Пс. IV, 7). И такъ какъ возносясь, душа (ψυχή) тогда за духомъ (πνεῦμα) слѣдуетъ и отъ тѣла отдѣляется, и даже не только слѣдуетъ за духомъ, но тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ и соединяется, какъ это открывается изъ изреченія: *Къ Тебѣ, Господи, возножусь я душой моею* (Пс. XXIV, 1): то какъ же не сказать, что она отрѣшается тогда отъ своей природы (τὸ εἶναι) и становится душой уже духовной (ψυχή πνευματική) ***)?

*) Когда Моисей послѣ бесѣды съ Богомъ спускался съ горы Синая со скрижалми заветъ, то сіяло лицо его чрезвычайнымъ блескомъ, такъ что израильтяне стали бояться Моисея, и онъ увидѣвъ себя вынужденнымъ каждый разъ, какъ говорилъ съ ними, имѣть на своемъ лицѣ покрывало (Исх. XXXIV, 29—35). Это покрывало символически выражало собою ту истину, что всѣ обряды, жертвы и предписанія ветхаго заветъ, котораго представителемъ былъ Моисей, должны были считаемы быть лишь за временный покровъ вѣчной истины: израильтяне эту вѣчную истину, блеска которой они не могли вынести, имѣють де зрѣть только подъ покровомъ. Мы, христіане, напротивъ зримъ эту истину въ непокровенномъ видѣ, открытою. Конечно и мы зримъ „славу Господню“ не въ объективной ея реальности, какъ нѣкогда зрѣть будемъ по ту сторону гроба; но зримъ ее, такъ сказать, въ зеркаль, которое однако же ничѣмъ не прикрыто, какъ прикрыто было нѣкогда зеркало лица Моисеева.

**) И мы зримъ „образъ“ Божества, который самъ въ себѣ хотя и остается всегда себѣ самому равенъ; но вслѣдствіе безчисленнаго множества безконечныхъ Божественныхъ совершенствъ для нашего глаза постоянно преобразовывается отъ нѣкъ одной славы въ другую. Иначе это мѣсто изъ Оригена посему можетъ быть передано такъ: „Такъ какъ они съ открытымъ лицомъ созерцають славу Божию, какъ бы въ зеркаль, какомъ и въ тотъ же образъ преобразуются отъ славы въ славу“.

***) Въ выраженіяхъ здѣсь встрѣчающихся содержится у Оригена ясный и опредѣленный намекъ на такъ называемую „трихотомію“ человеческого существа, о которой въ иныхъ случаяхъ онъ выражается обыкновенно очень неопредѣленно и неясно. Въ то время это воззрѣніе церковью еще не

Далѣе, если забвеніе перенесенныхъ несправедливостей составляетъ столь важную добродѣтель, что въ ней содержитсяъ весь законъ, ибо у пророка Іереміи говорится: *Не то и не это говорили Я отцамъ вашимъ въ день выведенія ихъ изъ земли Египетской, но заповѣдалъ имъ это* (Іер. VII, 23, 22): *Зла другъ противъ друга не мыслите въ сердце своемъ* (Зах. VII, 10); и если мы приступаемъ къ молитвѣ, оставивши мстительныя мысли во исполненіе заповѣди Спасителя, Который говоритъ: *И когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что имѣете на кого* (Мк. XI, 25): то очевидно, что отдающимся такъ молитвѣ уже свойственны намъ прекраснѣйшія добродѣтели.

§ 10. Далѣе, если мы съ полнымъ довѣріемъ преедаемся Провидѣнію и въ молитвѣ неутомимы, то сверхъ того бываютъ слышимы и наши просительныя молитвы, тѣмъ болѣе, что съ нами и за насъ тогда молится и нашъ первосвященникъ Іисусъ.

Мы доказаннымъ считаемъ, что даже и при предположеніи безполезности молитвы, мы все-таки имѣемъ отъ нея величайшую выгоду, если знакомы съ правымъ образомъ молитвы и упражняемся въ немъ. Но ясно, что такъ молящійся еще во время молитвы проникаетъ въ дѣятельность Слышащаго оныя и внимааетъ изъ устъ Его слову: *Вотъ Я* (Ис. LVIII, 9), если предъ молитвой изгналъ онъ изъ души всякое недовольство Провидѣ-

было обсужено и отвергнуто. Оно заключалось въ слѣдующемъ. Человѣкъ по нему состоитъ изъ трехъ субстанцій, изъ тѣла, души и духа. Душа въ человѣкѣ есть начало оживляющее его и мыслящее и представляетъ собою родъ посредствующаго звена между тѣломъ и разумнымъ духомъ; съ тѣломъ она, слѣдовательно, находится въ связи тѣснѣйшей, чѣмъ съ духомъ; поему и называлась она часто „душой тѣлесной“ въ противоположность „душѣ духовной“.—Точкой опоры или доказательствами въ пользу такого воззрѣнія для Оригена служатъ здѣсь оба мѣста изъ Писанія: *Къ Тебѣ и возношу очи мои* (Іс. СХХII, 1), гдѣ подъ очами разумнѣютъ Оригеномъ *ὀφθαλμοὶ τοῦ διαλογητικοῦ*, тождественные съ плевца, и мѣсто изъ Іс. XXIV, 1: *Къ Тебѣ, Боже, возношуся я душу мою*. При благоговѣйной молитвѣ „очи духа“ (т. е. духъ) возносятся къ Богу; но и душа отдѣляется отъ тѣла, съ которою она находится, слѣдовательно, въ тѣснѣйшей связи, и соединяется съ духомъ, такъ что становится „душой духовной“, тогда какъ при молитвеннаго состоянія она можетъ быть названа душой конечно только „тѣлесной“.

ніемъ. Это открывается изъ словъ: *Если снимешь ты съ себя пути, распростираешь руки перестанешь и оставишь ропотъ* (Ис. LVIII, 9); ибо кто доволенъ тѣмъ что есть, тотъ свободенъ отъ всѣхъ путей (свободенъ какъ чадо Божіе) и не простираетъ рукъ своихъ къ Богу, (сопротивляясь отъ Него устанавливаемымъ порядкамъ), ибо Онъ устанавливаетъ извѣстные порядки для упражненія насъ (въ добродѣтели); онъ не ропщетъ на Бога ни тайно въ мысляхъ, ни звуковъ ропота не издаетъ слышныхъ людямъ. Ропщутъ противъ Бога подобно тяготящимся работою рабамъ, открыто не смѣющимъ выразить недовольства распоряженія своихъ господъ, тѣ только, которые явно и отъ всей полноты души не осмѣливаются за происходящее поносить Провидѣніе, и даже отъ самого Господа всего творенія хотятъ утаить, за что собственно они досаждаютъ на Провидѣніе. Это, полагаю я, разумѣется и въ книгѣ Іова въ изреченіи: *При всѣхъ этихъ происшествіяхъ Іовъ не согрѣшилъ своими устами противъ Бога* (Іов. II, 10), тогда какъ при искушеніи, предшествовавшемъ симъ происшествіямъ говорится *При всѣхъ этихъ происшествіяхъ Іовъ не согрѣшилъ предъ Богомъ* (Іов. I, 22) *). Мѣсто въ книгѣ Второзаконія, которымъ воспрещается такой ропотъ на Бога, гласитъ о семъ такъ: *Берегись, чтобы въ твое сердце не вошла никакая нибудь печетливая мысль противъ этого закона и чтобы не говорить тебѣ: Приближается седьмой годъ, годъ прощенія долговъ* и проч. **).

Тотъ, слѣдовательно, кто такъ молится, первѣе всего испытываетъ ранѣе выясненную нами пользу; а потомъ становится онъ и способнѣе къ тѣснѣйшему общенію съ Духомъ Господнимъ, наполняющимъ всю вселенную (Прем.

*) Первое изъ этихъ мѣстъ (*своими устами*) Оригенъ, кажется, относитъ къ открытому ропоту противъ Бога; второе же напротивъ къ недовольству въ сердцѣ. Впрочемъ въ нашемъ Русскомъ переводѣ, изданномъ отъ Св. Синода, въ Славянскомъ и въ Вульгатѣ выраженіе *своими устами* стоитъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, въ Еврейскомъ же текстѣ въ гл. I-й ст. 22-я сей добавки нѣтъ.

**) Т. е. берегись съ неохотою, съ печалію относиться къ этому закону, который повелѣваетъ въ седьмой годъ, малый юбилейный годъ, прощать всѣ долги.

Сол. I, 7), съ Нямъ, который наполняетъ всю землю и небо, потому что Онъ чрезъ пророка такъ говоритъ: *Не наполняю ли Я небо и землю* (Иер. XXIII, 24)?

Кромѣ того, о чемъ мы ранѣе упоминали, вслѣдствіе своей чистоты отъ грѣха и вслѣдствіе своей молитвы онъ можетъ имѣть участіе въ молитвѣ Сына Божія, который становится посреди даже и не знающихъ Его (Іоан. I, 26), который никого не оставляетъ безъ помощи и который вмѣстѣ со выскываемымъ отъ Него человѣкомъ молится ко Отцу. Потому что Сынъ Божій есть первосвященникъ, возносящій къ Отцу наши жертвы и ходатайствующій за насъ предъ Отцомъ; Онъ молится за молящихся и умоляетъ Отца вмѣстѣ съ умоляющими Его. Но, конечно, не какъ за близкихъ Ему за тѣхъ Онъ молится, которые не молятся неустанно во имя Его; и не какъ заступникъ за тѣхъ ходатайствуетъ Онъ предъ Богомъ, которые не слѣдуютъ Его наставленіямъ, что постоянно должно молиться и молитвою не тяготиться. *Сказалъ Онъ, говорится, притчу и о томъ, что всегда должно молиться и не ослабѣвать, говоря: Въ нѣкоторомъ городѣ былъ судья и проч. И ранѣе: Положимъ, что кто нибудь изъ васъ, имѣя друга, пришелъ бы къ нему въ полночь и сказалъ ему: Другъ, дай мнѣ взаймы три хлѣба, ибо зашелъ ко мнѣ съ дороги другъ мой и мнѣ нечего предложить ему* (Лк. XI, 5, 6). И тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ: *Говорю вамъ: если онъ не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ, то встанетъ и ему дастъ сколько проситъ по неотступности просьбы его* (Лк. XI, 8).

Кто изъ вѣрующихъ неложнымъ устами Иисусовымъ потому не найдетъ для себя побужденія къ молитвѣ въ словахъ Его: *Просите и дано будетъ вамъ; потому что всякій просящій получаетъ* (Лк. XI, 9, 10)? Ибо когда мы просимъ небеснаго нашего Отца о хлѣбѣ естественномъ, то Онъ, благій, намъ, которые приняли отъ Него духъ сыновства (Рим. VIII, 15), даетъ не камень, какой по желанію сатаны долженъ былъ служить пищею Иисусу и ученикамъ Его (Мѣ. IV, 3 ср. съ Лк. XI, 11), но даетъ просящимъ у Него даръ добрый, (т. е. дѣйствительный

хлѣбъ), подавая дожди съ неба (Лк. XI, 13 ср. Дѣян. XIV, 17), чтобы могли плоды на поляхъ произрастать.

§ 11. И Ангелы и святые на небѣ молятся за насъ. Святыхъ къ этому побуждаетъ всецѣло совершенная любовь ихъ къ ближнимъ; а ангелы содѣйствуютъ спасенію людей въ качествѣ слугъ Христа.

Но не только первосвященникъ Христосъ молится съ тѣми, кто правымъ образомъ молится, но и ангелы, которые *на небѣ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся больше радуются, нежели о девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи* (Лк. XV, 7). Молятся за молящихся и души почившихъ святыхъ.

Это открывается съ одной стороны изъ того, что Рафаилъ возноситъ предъ Бога благодарственную молитву Товіи и Сарры. *И услышана была, говоритъ Писаніе, молитва обоихъ предъ славою великаго Бога и посланъ былъ Рафаилъ исцѣлить обоихъ* (Тов. III, 16). И Рафаилъ самъ, открывшись Товіи и Саррѣ, что услуги имъ обоимъ онъ оказалъ по повелѣнію Божию въ качествѣ Ангела Его, говорилъ: *Когда молился ты и не въстала твоя Сарра, я возносилъ предъ Святаго изъ молитвы вашей то, о чемъ надлежало помнить* (Тов. XII, 12). И послѣ сего немного спустя: *Я Рафаилъ, одинъ изъ семи святыхъ ангеловъ, которые возносятъ молитвы святыхъ и восходятъ предъ славу Святаго* (Тов. XII, 15)*). По словамъ Рафаила: *Доброе дѣло молитва съ постомъ и милостынею и справедливостію* (Тов. XII, 8).

Съ другой стороны открывается это и изъ того, что сообщается въ книгахъ Маккавейскихъ о явленіи Іереміи пророка, какъ онъ *украшенный сподинами и славою, окруженный дивнымъ и необычайнымъ величіемъ, простерши правую руку, далъ Іудѣ* (Маккавею) *золотой мечъ* (2 Мак. XV, 13, 15); а другой почившій святой (Онія) далъ свидѣтельство о немъ въ словахъ: *Это тотъ, ко-*

*) Ср. Апон. I, 4; IV, 5; V, 6; VIII, 2 и д.—Эти семь ангеловъ предстоятъ престолу Божию, непосредственно отъ Самого Бога получаютъ повелѣнія и возносятъ молитвы святыхъ предъ лицо Божіе.

торый много молится за народъ и святой городъ, Иеремія, пророкъ Божій (2 Мак. XV, 14). Если высшее познание (т. е. предметы его) даже и достойнымъ предлагается въ этой жизни только въ зеркалѣ и загадочно (1 Кор. XIII, 12) *), а въ будущей приобретаться будетъ лицомъ къ лицу: то не позволительно было бы и относительно остальныхъ добродѣтелей (подобно же какъ относительно познания) не питать соотвѣтственнаго мнѣнія, а именно что, въ этой жизни приобретенны, они только въ будущей разовьются до дѣйствительнаго своего совершенства. Но одна изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, по изображенію слова Божія, есть любовь къ ближнимъ; оттого должны мы принять, что святые уже почившіе по сравненію со святыми еще борющимися въ сей жизни проникнуты ею въ степени гораздо высшей, нежели тѣ, которые подвержены еще человѣческой слабости, а поддерживаютъ въ борьбѣ слабѣйшихъ; потому что не въ приложеніи лишь къ этой дольней жизни имѣетъ значеніе слово: *Если одинъ членъ страдаетъ, то страдаютъ съ нимъ и всѣ; и если одинъ членъ славится, то съ нимъ радуются и всѣ члены* (1 Кор. XII, 26). И для любви отшедшихъ изъ настоящей жизни прилично говорить о себѣ: *Забота о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ и я не изнемогалъ бы? Кто соблазняется, за кого и я не воспламенялся бы* (2 Кор. XI, 28, 29), тѣмъ болѣе, что и Самъ Христосъ о Себѣ Самомъ свидѣтельствуеетъ, что въ каждомъ немощномъ христіанинѣ (ἀγνος) и Самъ Онъ немощенъ; равнымъ образомъ, что и темничнымъ заключенцемъ, и нагимъ, и странникомъ, и голодъ и жажду терпящимъ бываетъ Онъ же (Мѣ. XXV, 35, 36). Потому что кто же изъ читающихъ Евангеліе не знаетъ, что все оказываемое по отношенію къ вѣрнымъ Христосъ относитъ къ Себѣ Самому и такъ цѣнитъ, какъ еслибы было то оказываемо лично Ему (ср. Мѣ. XXV, 35—54)?

*) Здѣсь, въ этой земной жизни, сверхъестественныя вещи созерцаемъ мы непосредственно, а зримъ только отраженіе ихъ въ зеркалѣ вѣры, потому познаемъ оныя загадочно и темно.

Далѣ, если *ангелы* Божіи къ Иисусу *приступили и Ему служили* (Мѣ. IV, 11) и если мы принять должны не только то, что ангелы Божіи служили Иисусу лишь короткое время, а именно только во время Его пребыванія плотію между людьми и въ то время когда Онъ, (находясь въ состояніи уничиженія), въ средѣ вѣрныхъ, такъ сказать, не за трапезою возлежащимъ былъ, а служащимъ посреди возлежащихъ (Лк. XXII, 27): то какое же множество ангеловъ, по всей вѣроятности, теперь Ему служатъ, когда Онъ желаетъ сыновъ Израиля одного съ другимъ соединить (ср. Іоан. XI, 52; X, 16), разсѣянныхъ собрать, а боящихся Бога и Его призывающихъ спасаетъ, чтобы несравненно болѣе, чѣмъ сдѣлано то было апостолами, способствовать къ возвеличенію и расширенію Церкви; почему и нѣкоторые предстоятели церквей у Іоанна въ Апокалипсисѣ называются ангелами *)? Не напрасно же *ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ къ Сыну Человѣческому* (Іоан. I, 51) **), такъ что они видимы бываютъ очами, просвѣщенными свѣтомъ высшаго познанія. И такъ какъ христіанинъ молящійся именно во время молитвы, смотря по своимъ потребностямъ, объ ангелахъ воспоминаетъ, то и они, опираясь на общее всѣмъ имъ Божіе повелѣніе, по отношенію къ нему исполняютъ то, что состоитъ въ ихъ власти. Чтобы выяснитъ наши о семъ мысли, мы можемъ для сего воспользоваться напр. слѣдующимъ сравненіемъ. У каждаго, кто о здоровьи заботливо молится, есть добросовѣстный врачъ, умѣющій надлежащимъ образомъ обходиться съ болѣзнію, о какомъ умѣломъ обращеніи съ его болѣзнію больной и молится. Но очевидно, что и врачъ сею молитвою больного побуждается его лечить, не безъ основанія предполагая, что значитъ въ самомъ совѣтѣ Божіемъ положено было, чтобы онъ лечилъ именно сего больного, котораго молитва объ освобожденіи отъ болѣзни Богомъ услышана. Или кто же это изъ обла-

*) Апок. I, 20; II, 1, 8, 12, 18; III, 1, 7, 14. — Одинаковое служеніе, одинаковыя и имена.

**) Намекъ на лѣстницу, видѣнную во снѣ Іаковомъ (Быт. XXVIII, 12).

дающихъ богатыми средствами къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ щедрыхъ не внимаетъ просьбамъ бѣднаго, какъ онъ среди своихъ нуждъ прибѣгаетъ къ Богу съ усиленными молитвами? Ясно, что и изъ этого разряда людей богатыхъ высккивается кто-нибудь, исполняющій желаніе бѣдняка, и такимъ образомъ способствующій отеческому о немъ промышленію Того, Который и бѣдняка и богача для того именно и приводитъ въ одно и то же мѣсто молитвы, что одинъ можетъ помочь другому и вслѣдствіе своей доброты не въ состояніи отказать ему. Подобно тому какъ нельзя повѣрить, чтобы такое совпаденіе, какъ скоро оно происходитъ, происходило лишь случайно, потому что Онъ, Который всѣ волосы на главѣ святыхъ исчисляетъ (Мѣ. X, 30), именно во время молитвы бѣдняка, ее возносящаго съ вѣрою, приводитъ къ нему кого либо, кто его выслушиваетъ и вмѣсто Бога оказываетъ ему благодѣяніе: точно такъ же принять должно, что и ангелы въ качествѣ наблюдателей и слугъ Божіихъ часто встрѣчаются съ тѣмъ богачомъ и съ этимъ бѣднякомъ, поддерживая предъ первымъ просьбу послѣдняго.

Но и къ каждому, даже къ самому малому члену Церкви, приставленъ ангелъ, который всегда видитъ лицо небеснаго Отца (Мѣ. XVIII, 10) и созерцаетъ Божество нашего Творца, молится съ ними и посильно пособляетъ намъ въ томъ, о чемъ мы молимся.

§ 12. Кромѣ того словами молитвы могутъ быть обезвреживаемы хитрости злого нашего врага. Нужно только *постоянно молиться*.

Кромѣ того я полагаю, что молитвенныя слова святыхъ, особенно если святые молятся *духомъ и умомъ* (1 Кор. XIV, 15), бываютъ полны силы и что слова тѣ Божественною силою, подобною свѣту, исходящему изъ познавательной способности молящагося и проходящему чрезъ его уста, недѣйствительнымъ дѣлаютъ тотъ духовный ядъ, которымъ враждебныя намъ силы отравляютъ разумъ молитвою пренебрегающихъ и не слѣдующихъ тому, что въ согласіи съ напоминаніемъ Иисуса говорить Павелъ: *Непрестанно молитесь* (1 Фсс. V, 17; ср. Лк.

XVIII, 1). Изъ души молящагося святого, благодаря мудрости его, молитвеннымъ словамъ и вѣрѣ, излетаетъ какъ бы стрѣла, духамъ Богу враждебнымъ и силащимся запутать насъ въ путахъ грѣха наносящая смертныя и ихъ уничтожающія язвы *).

Тотъ же кто къ своимъ, вызываемымъ обязанностями, работамъ присоединяетъ молитву, и къ этой опять надлежащій занятіа, тотъ *непрестанно молится* (1 Фес. V, 17), потому что и добродѣтель съ исполненіемъ заповѣдей равнозначительны молитвѣ. Только при такомъ пониманіи апостольскаго изреченія: *Непрестанно молитесь* и возможно исполненіе его. Вся жизнь христіанина должна быть непрерывивной великой молитвой. Одну часть этой великой молитвы и образуетъ обыкновенно такъ называемая молитва, которая каждодневно должна быть совершаема по меньшей мѣрѣ по три раза. Это открывается изъ исторіи Даниила, который молился въ день по трижды даже и въ то время, когда угрожала ему великая опасность (Дан. VI, 10, 13), а именно опасность быть брошеннымъ въ ровъ со львами (Дан. VI, 12). Петръ, вошедшій *около шестого часа на кровлю помолиться* (Дѣян. X, 9), когда онъ *видѣлъ привязанное за четыре угла и спускавшееся къ нему на землю какъ бы большое какое полотно* (Дѣян. X, 11), приносилъ тогда среднюю изъ трехъ дневныхъ молитву; между тѣмъ какъ о первой изъ нихъ прежде его говорилъ Давидъ въ выраженіяхъ: *Утромъ услышиши Ты молитву мою; утромъ я предстаму предъ Тобою; съ благоговѣніемъ и съ надеждою возведу я тогда очи мои* (Пс, V, 4, 5). О послѣдней же изъ дневныхъ молитвъ онъ же говоритъ въ словахъ: *Воздѣланіе моихъ рукъ будетъ жертвой вечерней* (Пс. СХL, 2). Но и въ ночное время намъ неприлично оставаться безъ молитвы, потому что уже Давидъ говоритъ:

*) Смысль сего мѣста конечно таковъ: съ разумѣніемъ произнесенныя слова молитвы просвѣщаютъ разумъ и въ такой мѣрѣ укрѣпляютъ волю, что силы тмы съ духовными стрѣлами своихъ ухищреній ничего не могутъ подѣлать противъ душъ; напротивъ сами же отъ нихъ совершенно бываютъ побѣждены.

Въ полночь встаню я Тебя славословить за праведные суды Твои (Пс. СХVIII, 62) и потому что и Павелъ вмѣстѣ съ Силою, какъ сообщается въ кн. Дѣяній (XVI, 25), молились въ Филиппахъ и прославляли Бога около полуночи, такъ что и другіе узники то слышали.

§ 13. Необходимость молитвы открывается изъ молитвы Иисуса; ея полезность, или дѣйствительность, изъ иносказательныхъ, примѣровъ ветхаго завѣта: тѣ же самые дары, которыхъ участниками дѣлались благочестивые ветхозавѣтные люди, получаемъ и мы чрезъ молитву, дары, которые тѣми иносказательными дарами лишь предъизображаемы были и которые тѣхъ превосходятъ.

А если Иисусъ молится и если не напрасно Онъ молится *), такъ какъ Онъ молитвою достигаетъ того, чего желаетъ, безъ молитвы же чего, быть можетъ, и не получилъ бы: то кто же изъ насъ молитвою пренебрегать рѣшится? Говоритъ Маркъ: *Утроумъ, когда еще очень темно было, всталъ Онъ, вышелъ, удалился въ пустынное мѣсто и молился тамъ* (Мк. I, 35); и Лука: *Случилось, что когда Онъ въ одномъ мѣстѣ молился и пересталъ, одинъ изъ Его учениковъ сказалъ Ему* (Лк. XI, 1); и въ другомъ мѣстѣ: *И пробылъ Онъ всю ночь ту въ молитвѣ къ Богу* (Лук. VI, 12); Иоаннъ же описываетъ Его молитву словами: *Послъ сихъ словъ Иисусъ возвелъ очи Свои на небо и сказалъ: Отче, пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя* (Иоан. XVII, 1).

И записанное тѣмъ же евангелистомъ изреченіе Господа: *Я и зналъ, что Ты всегда услышиши Меня* (Иоан. XI, 42), указываетъ на то, что молитва того всегда и выслушивается, кто постоянно молится.

*) На вопросъ, какъ молитва Христа Иисуса согласуется съ Его всемогуществомъ, Фома Кемпійскій мѣтко отвѣчаетъ, такимъ образомъ: „Если бы во Христѣ была одна только воля, т. е. Божественная, то не молился бы Онъ, такъ какъ Божественная воля чрезъ себѣ самое производить то, чего она хочетъ. Но поелику во Христѣ одна воля была Божественная, а другая человѣческая, и воля человѣческая чрезъ самое себѣ не иначе могла исполнить то, чего она хотѣла, какъ помощію Божественною, то отсюда и естественно было Христу молиться какъ человѣку и имѣющему волю человѣческую“.

Нужно ли посему для нашей цѣли всѣхъ тѣхъ поименовывать, которые вслѣдствіе своей достойной молитвы получили отъ Бога многое великое? Каждый изъ свящ. Писанія легко можетъ выбрать многое сюда относящееся. Анна напр., будучи неплодною, исходатайствовала себѣ рожденіе Самуила, сопоставляемаго съ Моисеемъ (Іер. XV, 1), съ полнымъ довѣріемъ молясь Богу (1 Царствъ I, 9 и д.). Езекиа въ то время, какъ онъ внималъ изъ устъ Исаиі слово, что онъ умретъ, молился и за тѣмъ принять былъ въ родословіе Спасителя (4 Царствъ XX, 1 и д.; ср. Ис. XXXVIII, 19 и д.). Простымъ повелѣніемъ коварнаго Амана народъ Израильскій имѣлъ быть стертъ съ лица земли; тутъ услышана была съ постомъ соединенная молитва Мардохея и Эсѳири (Эсѳ. IV, 1 и д.) и къ Моисеевскому празднику и народному присоединился радостный день Мардохел *). А также и Юдиѳъ приносила Богу священную молитву и за тѣмъ съ помощію Божіею побѣдила Олоферна, и такимъ образомъ, одинокая женщина еврейская навлекла позоръ на домъ Навуходоносора (Юд. XIII, 6 — 10). Были услышаны Ананія, Азарія и Мисаилъ и удостоены того, что былъ ниспосланъ имъ ихъ прохлаждавшій и ихъ росую орошавшій вѣтеръ, не допустившій на нихъ дѣйствовать огнешному пламени (Дан. III, 50). У львовъ во рву Вавилонскомъ молитвою Даніила была заключена ихъ пастъ (Дан. VI, 22). И Іона, находясь во чревѣ поглотившей его рыбы, не отчаявался въ успѣхѣ своей молитвы, потому вышелъ изъ нея и счастливо окончилъ только что начатое предъ тѣмъ посольство къ ниневитянамъ (Іон. II, 2 и д.).

Но какъ многое и каждый изъ насъ можетъ сказать, если онъ съ благодарностію подумаетъ объ оказанныхъ ему благодѣяніяхъ Божіихъ и захочетъ про-

*) Дни Пуримъ отъ персидскаго слова „Фуръ“ т. е. жребій (ср. Эсѳ. III, 7; IV, 1 и д.; IX, 21—31), 14 и 15 Адара (простирается отъ половины февраля до половины марта), которые еще и понынѣ іудеями празднуются какъ дни чрезвычайной радости. Этотъ праздникъ называется у нихъ и днемъ Мардохел (2 Мак. XV, 36).

славлять за нихъ Бога! Душамъ *), долгое время бывшимъ неплодными и чувствовавшимъ немощь своего разума и непроизводительность своего разсудка, вслѣдствіе ихъ неослабной молитвы отъ Святого Духа влагаемы были въ уста и здѣсь Имъ были порождаемы слова, содержавшія истинныя ученія **). И какъ много враговъ было поражаемо ***) когда противъ насъ часто многіи тысячи враждебныхъ намъ силъ воевали и хотѣли склонить насъ къ отпаданію отъ святой вѣры? Мы одушевлялись мужествомъ, потому что *мыше колесницами, мыше конями хвалятся, а мы призываемъ имя Господа Бога нашего* (Пс. XIX, 8) и при этомъ замѣчаемъ, что по истинѣ *ненадеженъ конь для спасенія* (Пс. XXXII, 17). Даже и верховному предводителю врага, соблазнительному и задабривающему слову, которое въ смущенье приводитъ многихъ изъ тѣхъ, которые считаются за вѣрныхъ, часто отсѣкаетъ главу тотъ, кто на славу Господа свою надежду возлагаетъ ****). И какъ многіе изъ тѣхъ лицъ, которыя оказываются въ тяжелыхъ искушеніяхъ, превосходящихъ своимъ жаромъ всякій огненный пламень, ничего отъ нихъ не потерпѣли, но вышли изъ нихъ совершенно цѣлыми, не испытавъ ни малѣйшаго вреда отъ смрада губительнаго огня *****)! Необходимо ли и объ иномъ напоминать, о томъ именно, какъ многими противъ насъ ярящимся звѣрямъ, — я разумѣю злыхъ духовъ и невѣжественныхъ людей, — встрѣчавшіеся съ ними своими молитвами часто пасть закрывали, такъ что они не могли своими зубами коснуться нашихъ членовъ, ставшихъ членами Христа *****)? Потому что часто Господь чрезъ кого либо изъ вѣрныхъ, по молитвѣ ихъ, *сокрушалъ зубы*

*) Аналогично предшествующимъ примѣрамъ теперь налазуются въ качество плода молитвы духовныя благотѣльныя послѣдствія отъ нея.

***) Сравненіе взято съ Анны и Езекии.

****) Подобно Аману съ его соумышленниками.

*****) Какъ Юдифь предводителя враговъ, Олоферна, умертвила: подобно этому и духовная Юдифь, прославленіе Бога, или молитва, убиваетъ предводителя враговъ души нашей, посягающаго на нашу вѣру.

*****) Подобно тремъ юпошамъ въ огненной печи.

******) Подобно тому какъ Даниилъ заключилъ молитвою пасть лвамъ въ Вавилонѣ.

въ устахъ львовъ, такъ что эти не болѣе значили чѣмъ протекающая вода (Пс. LVII, 7, 8). Знаемъ мы также, что часто нарушители Божественныхъ заповѣдей поглощаются были смертію, ихъ осиливавшею, а потомъ по очищеніи чувствъ отъ такого зла были спасаемы, потому что они въ возможности своего спасенія не отчаявались, хотя психодили предъ тѣмъ уже въ самое чрево смерти *). *Поглощала ихъ смерть, а Господь Богъ отиралъ слезы съ лицъ ихъ* (Ис. XXV, 8; ср. Апок. VII, 17).

Это нашелъ и неотклонимо нужнымъ изложить послѣ перечня тѣхъ, которые чрезъ свою молитву помощь получили. О, если бы мнѣ удалось этимъ отклонить добивающихся духовнаго, стремящихся къ жизни во Христвъ, отклонить отъ молитвъ о маловажномъ и земномъ и о, если бы удалось мнѣ читателя сего сочиненія обратить къ духовному, прежде упомянутымъ прообразовываемому! Потому что тотъ, кто *не по плоти воинствуетъ* (2 Кор. X, 4), а *умерщвляетъ духомъ дѣла плотскія* (Рим. VIII, 13), молится лишь о вещахъ духовныхъ и таинственныхъ, выше упомянутыхъ, и избираетъ въ качествѣ предмета для своихъ молитвъ преимущественно то, что при изслѣдованіи Писанія оказывается имѣющимъ высшій смыслъ, а не то, о чемъ говорить буква Писанія и что нѣкоторымъ изъ молящихся кажется окончательнымъ благодѣяніемъ **).

Должны мы стараться и о томъ, чтобы внутри не оставаться безплодными или немощными; вслушиваясь духовнымъ слухомъ въ законъ духовный ***) , при чемъ мы перестаемъ быть безплодными или немощными и вы-

*) Подобно Іошѣ пророку.

**) По аналогіи платонической трихотоміи человѣческаго существа, состоящаго будто бы изъ тѣла, души и духа, и въ Гибліи Оригенъ различалъ троякій смыслъ: 1) буквальный (гласный), или естественный смыслъ словъ; 2) нравственный (физическій), имѣющій отношеніе къ нравственной жизни человѣка и 3) типическій или аналогическимистическій (пневматическій), указывающій на состояніе по смерти. При этомъ Оригенъ выходилъ изъ того положенія, что каждое мѣсто Писанія имѣетъ высшій смыслъ, аллегорическій, открытіе котораго и составляетъ де важнейшую и труднѣйшую задачу экзегета.

***) Т. е. стараясь проникать въ высшій смыслъ св. Писанія.

слушиваемы бываемъ подобно Аннѣ и Езекии; при чемъ мы и отъ посягательствъ на насъ враждебныхъ намъ злыхъ духовъ освобождаемся, подобно Мардохею, Эсѳири и Юдиѳи. И поелику Египеть, какъ образъ всей земли, есть *железная цепь* (Втор. IV, 20) *, то каждый, отъ вліянія на него порчи человѣческой жизни спасшійся, каждый грѣхомъ еще не сожженный и не разведшій въ своемъ сердцѣ огня какъ бы въ печи какой, не менѣе за это благодарить долженъ Бога, чѣмъ и тѣ, которые, будучи въ огнѣ, чувствовали прохлаждающую росу. Равнымъ образомъ и тотъ, кто при своихъ молитвахъ и призываніяхъ: *Не предай зѣрямъ душу исповѣдника Твоего* (Пс. LXXIII, 19) былъ услышанъ и отъ змѣя и василиска никакого зла не испыталъ, потому что онъ наступалъ на нихъ облеченный силою Христа; и тотъ, кто въ возвышенномъ могуществѣ, даруемомъ ему Христомъ, *наступаетъ на змѣй и скорпионовъ и на всю силу вражію* (Лк. X, 19), *потираетъ льва и дракона* (Пс. XC, 13) **), не терпя отъ нихъ вреда: и тотъ долженъ болѣе благодарить нежели Даніиль, когда онъ освободился отъ ужаснѣйшихъ и опаснѣйшихъ звѣрей. Кроме того, если кто знаетъ, какое чудовище тѣмъ предъизображено было, которое поглотило пророка Іону; если онъ признаетъ, что это есть именно то чудовище, о которомъ Іовъ говоритъ: *Да проклянутъ ее* (т. е. ночь моего рожденія) *проклинающіе и день* (моего рожденія), *способные разбудить великое чудовище* (Іов. III, 8) ***), и если онъ когда либо чрезъ непослушаніе оказался въ пасти этого чудовища: то долженъ онъ съ сокрушеніемъ молиться о своемъ грѣхѣ и будетъ изъ его пасти спасенъ; и если онъ будетъ изъ нея спасенъ и за тѣмъ слѣдовать будетъ

* Оригенъ хочетъ сказать: искушенія повсюду столь же велики и для души столь же опасны, какъ и жаръ для тѣла въ раскаленной „железной печи“.

** Разумѣются адскія силы.

***) По Вульгатѣ и Русскому переводу, изданному отъ Св. Синода: „Левіаозна“, котораго свойства свлцъ Писаніе изображаетъ въ такихъ выраженіяхъ (впр. Іов. XII, 24—25), что многіе изъ отцовъ первыи, подобно какъ и Оригенъ въ настоящемъ мѣстѣ, разумѣютъ подъ нимъ сатану. *Подъ способными разбудить его разумѣть должно конечно волшебниковъ.*

постоянно заповѣдаямъ Божиимъ, то можетъ онъ при благодсти Духа *) и сегодня, въ день погибающихъ ниневитянъ, въ качествѣ пророка служить и имъ случай ко спасенію доставить, безъ досады на благодсть Божию и не питая въ своемъ сердцѣ желанія, чтобы Онъ къ раскаивающимся съ сокрушеніемъ пребылъ строгимъ.—Что касается далѣе Самуила, о которомъ повѣствуется, что онъ исходатайствовалъ своею молитвою нѣчто великое, то это духовнымъ образомъ еще и поныгѣ привести можетъ въ исполненіе всякій изъ тѣхъ, которые по истинѣ преданы Богу, потому что чрезъ это онъ дѣлается достойнымъ того, что его молитва выслушивается, ибо написано: *Теперь станьте и посмотрите на сіе великое дѣло, которе Господь совершитъ предъ глазами вашими. Не жатва ли пшеницы нынѣ? Но я созову къ Господу и пошлетъ Онъ громъ и дождь* (1 Царствъ XII, 16, 17). Потомъ говорится тотчасъ за тѣмъ: *И воззвавъ Самуилъ къ Господу, и Господь послалъ въ тотъ день громъ и дождь* (1 Царствъ XII, 18) **). Но ко всякому святому, который состоитъ истиннымъ ученикомъ Иисуса ***), говоритъ Господь: *Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ пожелѣли и постыли къ жатвѣ. Кто жнетъ, тотъ получаетъ награду и собираетъ плоды для жизни вѣчной* (Іоан. IV, 35, 36). Въ это время жатвы теперь Господь совершаетъ великое дѣло предъ глазами тѣхъ, которые пророковъ слушаютъ ****), а именно если

*) „Благодсть Святого Духа“ обнаруживается въ томъ, что Онъ даже грѣшникамъ, если они обращаются, даруетъ качества необходимыя для пророковъ. Впрочемъ, подъ „благодстью духа“ вгдѣ можно разумѣть и человѣческой духъ, и настоящее мѣсто тогда нужно будетъ переводить такъ: „то можетъ онъ по мѣрѣ духовной своей одаренности...“

**) Эту непогоду послалъ Богъ на ниневитянъ въ наказаніе за желаніе имѣть цари; съ нею сравниваемый Оригеномъ дождь духовный, напротивъ, посылается по благодсти. Сравненіе относится слѣдовательно, лишь къ особенымъ случаямъ, гдѣ съ особенною ясностью открывается успѣхъ молитвы.—Слѣдовавшій за молитвою Самуила внезапный дождь былъ тѣмъ удивительнѣе, что около времени жатвы, по свидѣтельству блаж. Іеронима, дождей въ Палестинѣ вообще не бываетъ.

***) Кто не только христіанскому своему достоинству соотвѣтствуетъ (ἄγιος) но и апостоламъ и ученикамъ Христовымъ состоитъ истиннымъ помощникомъ (ὑπηρέτης καὶ μαθητὸς) т. е. облеченъ пресвитерскимъ полномочіемъ.

****) Здѣсь разумются Оригеномъ пророки новаго завѣта.

кто либо, украшенъ будучи Святымъ Духомъ *), взываетъ къ Господу, то Богъ посылаетъ съ неба громъ и дождь, душу напоющій, такъ что тотъ, кто ранѣе былъ въ состояніи грѣха, теперь проникается великимъ страхомъ предъ Господомъ и предъ посредникомъ Божественной благодати (εὐεργεσίας), уснѣхъ молитвы котораго сообщаетъ ему величіе и его дѣлаетъ достопочтеннымъ **).— Илія, наконецъ, по Божественному повелѣнію открываетъ небо, послѣ того какъ оно заключено было для нечестивыхъ въ теченіе трехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ (3 Царствъ XVIII и XIX; Іак. V, 17, 18): это можетъ совершить и каждый (т. е. изъ пресвитеровъ), и во всякое время низводя своею молитвою дождь на души тѣхъ, которые предъ тѣмъ за свою грѣховность были его лишаемы.

§ 14. Мы должны молиться о благороднѣйшихъ благахъ и небесныхъ.—Различаются за тѣмъ четыре рода молитвы (просительная, хвалебная, ходатайственная и благодарственная). Утверждается такое дѣленіе на примѣрахъ изъ свящ. Писанія. Просьбы, ходатайства и благодарность находятъ себѣ примѣненіе и во взаимныхъ сношеніяхъ людей; тѣмъ примѣнимѣ онѣ, значитъ, въ нашихъ отношеніяхъ ко Христу.

Послѣ этой нашей ссылки на благодатные дары, какихъ чрезъ свои молитвы дѣлались участниками (ветхозавѣтные) святые, для насъ понятнымъ дѣлается изреченіе: „Просите о важномъ, тогда будетъ дано вамъ и менѣе важное; просите о небесномъ, и земное будетъ

*) Разумѣются, конечно, пресвитеры, получающіе благодать Святого Духа со властію отпускать грѣхи (ср. Іоан. XX, 22, 23).

**) Подъ этими молитвами, возносимыми отъ людей, „Святымъ Духомъ украшенныхъ“, разумѣется, конечно, отпущеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія (ср. ниже § 28), и понынѣ въ нашей Церкви сообщаемое въ формѣ молитвы. Подъ „громомъ“, по Оригену, быть можетъ, можно было бы разумѣть потрясеніе сердца, раскаяніе и намѣреніе исправиться; подъ „дождемъ“—оправдывающую благодать, подъ дѣйствіемъ которой душа очищается отъ грѣховъ и (подобно полю, оплодотворяемому дождемъ) способною становится къ произведенію плодовъ добродѣтели.—Преимущественно изъ за своего полномочія прощать грѣхи пресвитеръ и надъ мірянами возвышается и является достопочтеннымъ.

вамъ дано тогда *)). Но менѣе важнымъ и земнымъ по сравненію съ дѣйствительно важнымъ и сверхчувственнымъ оказывается все образное (символическое) и прообразующее (типическое), потому что выраженія «*небесное, важное*» въ словѣ Божіемъ употребляются тамъ лишь, гдѣ оно приглашаетъ насъ подражать молитвамъ святыхъ, предлагая намъ сущности того добиваться, что тѣми святыми лишь въ предъизображеніи было получено и на что тѣ земныя и маловажныя вещи лишь намекали. Слово Божіе въ этомъ случаѣ какъ бы такъ говорить: „Вы, желающіе стать людьми духовными, домогайтесь своими молитвами достигать небеснаго, а именно чтобы стать вамъ наслѣдниками небеснаго царства и чтобы важное пріобрѣтать вамъ, т. е. чтобы дѣлаться участниками высшихъ благъ; земное же и маловажное, въ которомъ вы нуждаетесь изъ за тѣлесныхъ своихъ потребностей, дастъ вамъ Отецъ въ мѣру необходимости“.

А такъ какъ у апостола въ 1-мъ посланіи къ Тимофею встрѣчаются четыре выраженія для означенія четырехъ вещей, имѣющихъ отношеніе къ нашему трактату о молитвѣ, то цѣлесообразнымъ нахожу привести здѣсь тѣ его выраженія и обсудить, какъ изъ тѣхъ четырехъ выраженій каждое нужно понимать правильно въ собственномъ его значеніи.

Апостолъ пишетъ: *Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ чело-
вѣкоуз* (1 Тим. II, 1) **). Подъ *молитвой* ***), по моему пониманію, разумѣется здѣсь молитва упрашивающая, убѣждающая, творимая въ чемъ либо нуждающимся, тво-

*) Этихъ изреченій въ нашихъ изданіяхъ свящ. Писанія не встрѣчается; слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло или съ интерполяціей къ Мѣ. VI, 33 (*Ищите прежде царствія Божіи* и т. д.) или, можетъ быть, они заимствованы Оригеномъ изъ апокрифическаго „евангелія назареевъ“, о которомъ древніе часто отзываются съ похвалами.

**) Вѣрные должны упражняться въ всѣхъ родахъ молитвы и притомъ молиться за всѣхъ людей безъ исключенія. — Истолкователями Писанія признается трудность точнаго разграниченія четырехъ этихъ различныхъ выраженій.

***) Δέησις, родственное съ δέομαι, нуждуюсь, означаетъ молитву, проистекающую изъ чувства нужды въ помощи, или просительную молитву.

римая въ надеждѣ недостающее получить. *Молніемъ* *) называется здѣсь молитва въ возвышеннѣйшемъ настроеніи духа, не думающаго о собственныхъ пользахъ, творимая для прославленія Бога за Его великія дѣла. *Прошеніе* **), это—ходатайство, кѣмъ либо изъ болѣе праводушныхъ предпринимаемое предъ Богомъ за кого-нибудь или за что-нибудь. *Благодареніе* ***), наконецъ, есть признаніе, что извѣстные дары получены отъ Бога, при чемъ благодарный проникается сознаніемъ или дѣйствительнаго величія оказаннаго ему благодѣянія, или для испытывающаго то благодѣяніе оно кажется великимъ.

Въ качествѣ примѣра для перваго выраженія служить привѣтствіе Гавріила, обращенное къ Захаріи, вѣроятно, молившемуся о дарованіи ему сына. Оно было таково: *Не бойся, Захарія; ибо твоя молитва* (δέησις) *услышана, и жена твоя Елисавета родитъ тебѣ сына и наречешь ему имя Іоаннъ* (Лк. I, 13). Далѣе, въ книгѣ Исходъ, по поводу слитія (золотого) тельца, замѣчено: *И молился* (ἐδέηθη) *Моисей къ Господу, Богу своему, и сказалъ: Да не воспламеняется, Господи, гнѣвъ Твой на народъ Твой, который силою великою и рукою крепкою вывелъ Ты изъ земли египетской* (Исх. XXXII, 11). Потомъ во Второзаконіи написано: *И я молился* (ἐδέηθη) *вторично ко Господу какъ и въ первый разъ* (Втор. XI, 9), *сорокъ дней и сорокъ ночей хлѣба не ѣлъ и воды не пилъ за всѣ грѣхи ваши, которыми вы согрѣшили* (Втор. IX, 18). И въ книгѣ Эсфирь: *И молился* (ἐδέηθη) *Мардохей Господу, воспоминая всѣ дѣла Господни и говорилъ: Господи, Господи, Царю Вседержителю* (Есв. IV, 17). И Эсфирь *молилась* (ἐδέητο) *Господу, Богу Израилеву, и говорила:*

*) Просευχή, родственное съ εὐχόμεναι, основное значеніе котораго „вслухъ, громко говорить“, означаетъ собою, слѣдовательно, прославленіе Бога или поклоненіе Ему, Его превозносящую въ возвышенномъ настроеніи духа, Его прославляющую, Ему хвалебную за Его великія дѣла молитву.

***) Ἐπιτεύξις, родственное съ ἐπιτεύχασθαι ὑπέρ или περί τινος, за кого-нибудь предъ кѣмъ-нибудь заступаться, вступаться, стараться представлять, ходатайствовать.

***) Черезъ εὐχαριστία, родственное съ ὑάρτις, означаетъ внутреннее счастье, удовольствіе, признательность за оное, благодарность.

Господи мой, Царь нашъ (Есѣ. IV, 17).—Примѣрами второго выраженія служатъ слѣдующія мѣста. У Даніила: *И ставъ Азарія молился* (προσηύξατο), *открылъ свои уста среди огня и говорилъ* (Дан. III, 25) *). И въ книгѣ Товіи: *И въ печали я молился* (προσηύξαμην), *и сказалъ: Праведенъ Ты, Господи, и весь дѣла Твои; и весь пути Твои милость и истина, и судомъ истиннымъ и правымъ судишь Ты во весь* (Тов. III, 1, 2). Такъ какъ вышеприведенное мѣсто изъ Даніила снабжено обеломъ **) въ знакъ того, что въ еврейскомъ текстѣ его нѣтъ, и такъ какъ книга Товіи іудеями не признается за каноническую ***) , то приведу я мѣсто объ Аннѣ изъ первой книги Царствъ: *И молилась* (προσηύξατο) *она и горько плакала. И дала она обѣтъ, говоря: Господи воинствъ! Если Ты призриши на скорбь рабы Твоей и т. д.* (1 Царствъ I, 10, 11). И у Аввакума: *Молитва* (προσευχή) *Аввакума пророка, для тѣмъ. Господи, я разсматривалъ Твои дѣла и ужаснулъ. Среди двухъ животныхъ позналъ будешь, при приближеніи лѣтъ откроешься* (Ав. III, 1, 2) ****). Но преимущественно именно этою молитвою доказывается данный въ опредѣленіи понятіи о ней признакъ, тотъ именно, что προσευχή (хвалебная молитва) творима бываетъ молящимся съ прославленіемъ Бога. Но и у Іоны говорится: *И помоллся* (προσηύξατο) *Іона Господу Богу своему изъ чрева кита и сказалъ: Къ Господу воззвалъ я въ скорби моей, и Онъ услышалъ меня; изъ чрева пренеподней я возопилъ, и Ты услышалъ голосъ мой. Ты свергъ меня во глубину, въ сердце моря, и теченія*

*) За тѣмъ слѣдуетъ хвалебная молитва: *Благодаренъ Ты, Господи Боже отецъ нашихъ* и проч.

**) Критическій знакъ въ видѣ лежачаго копы для означенія сомнительныхъ мѣстъ, чтобы на нихъ, такъ сказать, наткнуться читателя.

***) Въ іудейскомъ канонѣ свящ. Писанія нѣтъ книги Товіи; она относится къ ἀπὸκρυφῶν (въ противоположность ὀρθόδοξου βιβλίου, которыя постоянно и всѣми были признаваемы за каноническія).

****) Это мѣсто приведено Оригеномъ по тексту Семидесяти; а оно здѣсь обобщено и допускаетъ много толкованій, между тѣмъ какъ въ Еврейскомъ, Вулгатѣ и русскомъ переводѣ, паданномъ отъ Св. Синода, оно читается такъ: *Среди лѣтъ соверши дѣло Твое (или вызови оное къ жизни), среди лѣтъ яви его т. е. дѣло спасенія. Разность перевода происходитъ отъ того что LXX читали „шананиъ“ (два) вмѣсто „шананиъ“ (годы).*

окрыжили меня (Ион. II, 2—4).—Для третьяго выраженія примѣры у апостола (Павла), который по всей справедливости молитву (προσευχήν) усваиваетъ намъ, а ходатайство (ἐντευξίην) Святому Духу, своимъ могуществомъ и правостію превосходящему того, за котораго ходатайство Онъ принимаетъ на Себя, *ибо мы не знаемъ, о чемъ должны молиться*, говорить апостоль. и какъ *надлежитъ молиться; но Самъ Духъ ходатайствуетъ* (ὑπερευτούχωντες) *за насъ предъ Богомъ воздыханіями неизреченными. Испытующій же сердца знаетъ, какаѣ мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ* (ἐντυγχάνει) *за святыхъ по воли Божіей* (Рим. VIII, 26, 27). Духъ ходатайствуетъ и вступается за насъ, а мы молимся (προσευχομεθα).—И молитва Иисуса (Навина) при Гаваонѣ объ остановкѣ солнца, мнѣ представляется, ходатайственной же была, потому что о семъ говорится: *И воззвалъ Иисусъ къ Господу въ тотъ день, въ который Господь предалъ Аморрея въ руки Израилю, и сказалъ онъ*, когда при Гаваонѣ истреблялъ аморреевъ и они предъ глазами сыновъ Израиля были уничтожены: *Да станетъ солнце надъ Гаваономъ и луна надъ долиною Эломъ* (Ис. Нав. X, 12) *). И въ книгѣ Судей, по моему мнѣнію, Самсонъ ходатайственно же (ἐντυγχάνων) говорилъ: *Умри душа моя съ иноплеменниками* (т. е. филистимлянами), при чемъ онъ со всею силою потрясъ столбы и обрушилъ домъ на владѣльцевъ и на весь бывший въ немъ народъ (Суд. XVI, 30). И хотя и не говорится, что Иисусъ и Самсонъ предпринимали ходатайство, а просто только то, что они *говорили*, но все же ихъ рѣчи были ходатайственною молитвою (ἐντευξίς) **); и эту, полагаю я, различаемъ мы отъ молитвы хвалебной, когда въ иныхъ случаяхъ мы употребляемъ наименованія тѣхъ молитвъ въ ихъ собственномъ значеніи.—Примѣромъ благодарственной молитвы, наконецъ, служить воззваніе нашего

*) Въ согласіи съ еврейскимъ текстомъ долина, бывшая мѣстомъ битвы, называется въ Вульгатѣ и въ русскомъ переводѣ, изданномъ отъ Св. Синода, долиною Аіалонскою.

**) Потому что они при этомъ имѣли въ виду благо другихъ.

Господа, когда Онъ говорилъ: *Славаю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ се отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ* (Лк. X, 21), потому что это *слава* то же что *благодарю*.

Молитвы, ходатайства и благодаренія можно съ несомнѣнною обращаться и къ святымъ; два рода ихъ, а именно ходатайства и благодаренія не только къ святымъ, но къ людямъ и обыкновеннымъ *); молитву же (τήν δεήσιν) только къ святымъ **), напр. если Павла или Петра ищутъ и находятъ, чтобы они намъ помогли и насъ достойными сдѣлали участниками быть имъ сообщеннаго полномочія оставлять грѣхи, за исключеніемъ того случая, когда мы обидѣли бы и несвятого: тогда, какъ скоро мы замѣчаемъ свою провинность предъ нимъ, дозволяется намъ и такого человѣка молить (δεηθῆναι), чтобы онъ простилъ намъ обиду ***).

А если упомянутые роды молитвы находятъ себѣ приложение уже по отношенію къ святымъ, то не тѣмъ ли болѣе мы благодарность должны воздавать Христу, Который по смотрѣнію Отца оказалъ намъ столь великія благодѣянія? Но и съ ходатайственными молитвами должны мы къ Нему обращаться подобно Стефану, говорившему: *Господи, не вмени мнѣ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60) и подражая отцу лунатика говорить: *Господи, помилуй сына моего* (Мѣ. XVII, 14; ср. Лк. IX, 38), или меня самого, или же того и этого.

§ 15. Съ молитвою въ собственномъ смыслѣ нельзя обращаться ни къ какому творенію; нельзя съ ней

*) Но въ этомъ случаѣ могутъ быть они помѣщаемы между родами молитвы въ смыслѣ лишь несобственномъ.

**) Подъ святыми (ἅγιοι) разумѣются здѣсь лица пресвитерскаго сана, освящаемыя для этого въ специальномъ смыслѣ. Въ разсужденіи своихъ пресвитерскихъ полномочій, особенно власти прощать грѣхи, они приравняются здѣсь къ апостоламъ Петру или Павлу.

***) По этому подъ δεήσις (просительная молитва) здѣсь должны быть разумѣемы главнымъ образомъ молитвы объ оставленіи грѣховъ. Такъ какъ грѣхи могутъ быть прощаемы лишь „святыми (—пресвитерами), то здѣсь разумѣется такіе прочтительныя обращенія, которыя направляются лишь къ лицамъ пресвитерскаго достоинства. Только личныя обиды можетъ прощать каждый человѣкъ (естественно кромѣ вины тутъ противъ Бога) и потому къ каждому обиженному можно обращаться и съ молитвою.

обращаться и ко Христу Господу, — заблужденіе, которое Оригенъ силится доказать обстоятельнѣе. Но должны мы приносить наши молитвы лишь Богу Отцу чрезъ посредство Христа, нашего первосвященника: мы должны молиться „во имя Исуса“.

Еслиже мы разувѣемъ, что такое молитва, — *προσευχή* — *), то, конечно, никогда и никто не будетъ обращаться съ молитвами ни къ какому творенію **), даже и къ Самому Христу ***), но только къ Богу, (Господу) вселенной и Отцу, къ Которому, — о чемъ мы уже упоминали выше (ср. въ §§ 10 и 13), — нашъ Спаситель какъ Самъ молился ****), такъ и насъ научилъ молиться. Внявъ просьбѣ:

*) По предшествующему опредѣленію, это—ближайшимъ образомъ хвалѣбная молитва или молитва благоговѣйнаго чествованія, смиреннаго преклоненія предъ Божествомъ; потомъ—молитва вообще. По связи можно было ожидать, что Оригенъ здѣсь будетъ разсуждать въ частности о хвалѣбной молитвѣ; но онъ здѣсь разувѣеть подъ *προσευχή* очевидно всякую, въ собственномъ смыслѣ молитву.

**) Потому что въ молитвѣ содержится признание безусловнаго, безграничнаго всемогущества Того, къ Кому мы обращаемся съ молитвою, равно какъ нашей всецѣлой зависимости отъ Него: молитва есть актъ религіи, Богопочтенія. Оттого мы, хотя и говоримъ о молитвѣ къ ангеламъ и святымъ, живущимъ на небѣ; но между этого рода молитвами и нашими молитвами къ Богу—большая разница: не отъ небожителей желаемъ мы испросить себѣ нѣчто, а чрезъ нихъ, опираясь на ихъ заслуги и предстательство ихъ за насъ предъ Богомъ. Это молитвенное призываніе святыхъ и ангеловъ называется молитвой къ нимъ въ смыслѣ несобственномъ.

***) Во всякомъ случаѣ здѣсь впадъ Оригенъ въ великое заблужденіе. Потому что вслѣдствіе вѣстаснаго соединенія Божеской и человѣческой природы и соединеннаго съ этимъ, такъ называемаго, „общенія свойствъ“ (*communicatio idiomatum* т. е. сообщенія особенностей каждой изъ природъ лицу), „Сыну человѣческому“ безспорно приличествуетъ культъ молитвы. Впрочемъ, желаніемъ Оригена очевидно была поддержка и того положенія, что и къ едиnorodному Сыну Божию Самому въ Себѣ, т. е. безъ отношенія къ принятой Имъ на Себя человѣческой природѣ, съ молитвами обращаться не слѣдуетъ. Но когда Теофилъ Александрійскій за это обвиняетъ Оригена во введеніи въ догматъ о Троицѣ ученія о подчиненности второго лица Богу Отцу (*subordinationismus*), то противъ этого обвиненія слѣдуетъ замѣтить, что на основаніи доказательствъ, приведенныхъ въ подтвержденіе своего мнѣнія самимъ Оригеномъ, нельзя навязать ему того воззрѣнія, т. е. будто онъ усвоилъ Сыну иныя природу и сущность, нежели Отцу.

****) Молитвы Спасителя безъ сомнѣнія были въ своемъ родѣ единственными молитвами, потому что это были молитвы души, нераздѣльно соединенной съ личностью Бога Слова; это были молитвы Бога, Который, по Своему Божеству въ дѣйствительности не могши молиться, усвоилъ Себѣ тѣ молитвы и нашелъ Себя достойнымъ приносить оныя чрезъ органъ своего человѣчества. Никакому сотворенному духу не подобаетъ проникать въ тайны такихъ молитвъ. Но то со всей опредѣленностью можетъ быть сказано, что всѣ молитвы Христа имѣли отношеніе къ первосвященническому Его служенію (ср.

Научи насъ молиться (Лк. XI, 1), Онъ научилъ не Ему Самому молиться, но Отцу, и при этомъ говорить: *Отче нашъ, сущій на небесахъ* (Лк. XI, 2; ср. Мѳ. VI, 9) и т. д.—Потому что, если Сынъ по лицу отъ Отца различенъ,—что доказано нами къ другому мѣстѣ *), —то должно или къ Сыну обращаться съ молитвами, а къ Отцу не обращаться, или къ обоимъ, или только къ Отцу. Первое: „Сыну молиться, а Отцу не молиться“ всѣми безъ исключенія, конечно, признано будетъ за нѣчто несообразное, и утверждать это, значило бы утверждать нѣчто вопреки очевидности. Если же слѣдуетъ намъ молиться и Отцу и Сыну, то явно, что должны мы съ тѣми молитвами къ Нимъ обращаться во множественномъ числѣ и въ тѣхъ своихъ молитвахъ взывать: „Подайте“, „смилуйтесь“, „даруйте“, „спасите“ и т. п. **). Но эти выраженія уже сами въ себѣ странны***) и никто не можетъ доказать, чтобы они были употребляемы и къмъ либо изъ лицъ, упоминаемыхъ въ свящ. Писаніи. Остается утверждать, слѣдовательно, третье, что молиться должно лишь Богу, Отцу вселенной, все-же не обѣгая Первосвященника ****), который Отцомъ съ клятвою поставленъ

выше въ § 10) и что Христосъ не какъ Богъ молился, но только по Своему человечеству (какъ за Себя Самого, такъ и за другихъ); потому что молиться можно къ лицу лишь вышему, а надъ лицомъ Божеской природы никого не стоитъ выше. Пусть, слѣдовательно, Самъ Христосъ въ качествѣ человѣка молился, на этомъ обстоятельствѣ нельзя еще строить доказательства, что къ Нему Самому нельзя обращаться съ молитвами, потому что Онъ все-же Богъ былъ и есть.

*) Въ комментаріи на Евангеліе отъ Іоанна (tom. 10 § 21). Здѣсь Оригенъ оспариваетъ единомысленниковъ Ноеціа, называвшихся „Патрипассіанами“, ибо они утверждали, что въ Божествѣ существуетъ лишь одно лице, въ разсужденіи различныхъ своихъ внѣшнихъ дѣйствій называемое различными именами: „Отца“, „Сына“ и „Святаго Духа“. Соответственно этому они учили, что будто бы можно и такъ говорить, что де „Отецъ пострадалъ“.

**) Но можно же въ одно и то же время молиться ко всѣмъ тремъ лицамъ вмѣстѣ: тѣмъ возможно это, что при единствѣ Божескаго существа, молитвы обращаемыя къ одному лицу, относятся и къ другимъ двумъ лицамъ, подобно тому какъ внѣшнія дѣйствія Божества обыкновенно приписываются одному лицу, хотя они обща всѣмъ тремъ лицамъ.

***) Однакоже не были бы неправильными.

****) Таковъ обычный образъ молитвъ и Церкви: она обращаетъ оныя къ Богу Отцу, какъ къ первоисточнику Божества, обращаетъ чрезъ посредство едиnorodнаго Его Сына, нашего первосвященника. Обыкновенно такія молитвы и заключиваются формулой: „милостію и щедротами едиnorodнаго Сына Твоего, Господа нашего Ісуса Христа“ и т. п. Не рѣдко Церковь обращается

былъ въ такого, какъ о семъ свидѣтельствуесть изрече-
ніе: *Клялся Онъ и не раскается: Ты священникъ во оубъ
по чину Мельхиседека* (Пс. СІХ, 4; ср. Евр. VII, 20, 21).
Оттого, если святые въ своихъ молитвахъ воздаютъ бла-
годарность Богу, то выражаютъ они благодарность Ему
чрезъ Иисуса Христа.

Подобно тому теперь какъ тотъ, кто разумѣетъ нѣчто
въ правомъ образѣ молитвы, не можетъ съ молитвою
обращаться къ тому, кто самъ молится, а обращается
съ нею къ Тому, кого нашъ Господь Иисусъ въ молитвѣ
научилъ именовать Отцомъ: точно такъ же ни одной мо-
литвы не должны мы обращать и къ Отцу помимо Сына,
на что Самъ Сынъ даетъ опредѣленное указаніе въ сло-
вахъ: *Истинно, истинно говорю вамъ: о чмъ ни попро-
сите Отца во имя Мое, дастъ вамъ, Дочимъ вы ничего
не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы ра-
дость ваша была совершенна* (Іоан. XVI, 23, 24). Не ска-
залъ Онъ: „Просите Меня“; не сказалъ и того: „Просите
одного Отца“, а сказалъ: *Просите Отца во имя Мое и
дастъ вамъ*. Доколѣ Иисусъ не преподавалъ этого ученія,
никто не обращался съ молитвою къ Отцу во имя Сына;
и Его слово: *Дочимъ вы ничего не просили во имя Мое*
было истиной; послѣ же того истиной стало другое Его
слово: *Просите и получите, чтобы радость ваша была
совершенна*.

Если же кто-нибудь, сбиваемый съ толку понятіемъ
поклоненій (προσκυνεῖν), держаться будетъ того мнѣнія, что
должно къ Самому Христу обращаться съ молитвами и
сошлется предъ нами на мѣсто изъ книги Второзаконія,
несомнѣнно, относящееся ко Христу, мѣсто гласище
такъ: *Поклонитесь Ему ось ангелы Божіи* (Второзак.
XXXII, 43) *) то нужно будетъ возразить противъ того.

со своими молитвами и непосредственно къ Сыну, и тогда заключаетъ опил
напр. такъ: „Яко освятися и прославися пречестное и великолѣпное имя
Твое со Отцемъ и Святымъ Духомъ“ и т. п.

*) По переводу LXX это мѣсто есть и во Второзаконіи: въ Еврейскомъ
же текстѣ и въ Вульгатѣ сихъ словъ нѣтъ; въ русскомъ переводѣ, изда-
номъ отъ Св. Синода, они поставлены въ скобкахъ, какъ внесенныя въ текстъ
изъ перевода LXX. Въ Еврейскомъ подлинникѣ они стоятъ въ Пс. XCVI, 7;
ср. Евр. I, 6.

что вѣдь и Церкви, отъ пророка называемой *Иерусалимомъ*, поклоняются цари и царицы въ качествѣ питательей ея и кормилицъ, о чемъ свидѣтельствуя слѣдующія слова: *Вотъ Я подниму руку Мою къ языческимъ народамъ и выставлю знамя Мое предъ племенами, и присекутъ сыновей твоихъ на рукахъ и дочерей твоихъ на плечахъ; и будутъ цари почитателями твоими и царицы ихъ кормилицами твоими; съ преклоненнымъ къ землѣ лицомъ будутъ кланяться тебѣ (προσκυνήσουσι) и возить прихъ ногъ твоихъ; и узнишь, что Я Господь и что не должна ты стыдиться (Ис. XLIX, 22, 23).* И къ чему другому можно приравнять слова Христовы: *Что ты называешь Меня благимъ: никто не благо, какъ только одинъ Богъ Отецъ **), какъ не къ слѣдующимъ: „Что молишься Мнѣ? Только Отцу слѣдуетъ молиться, Которому и Я молюсь, какъ вы изъ свящ. Писанія то усмотрѣть можете. Потому что не къ Тому вы должны обращаться съ молитвами, Который Отцомъ поставленъ для васъ первосвященникомъ и Который отъ Отца облеченъ званіемъ ходатая (1 Иоан. II, 1), но при посредствѣ первосвященника и ходатая молиться, Который *можетъ сострадать вамъ въ немощахъ вашихъ*, потому что Онъ подобно вамъ *искушенъ во всемъ, но благодатию Отца среди искушеній не согрѣшилъ* (Евр. IV, 15). Познайте, слѣдовательно, какую великую благодать вы получили отъ Отца Моего; чрезъ возрожденіе свое во имя Мое вы получили духъ сыновства, такъ что называетесь чадами Божиими и Моими братьями. Вѣдь читали вы слово, Мною чрезъ Давида о васъ сказанное Отцу: *Буду возвыщать имя Твое*

*) Мк. X, 18; Лк. XVIII, 19; ср. Мѡ. XIX, 17. = „Отецъ“, этого слова въ семь мѣстъ не встрѣчается ни у одного изъ евангелистовъ; слѣдовательно, оно прибавлено Оригеномъ въ качествѣ слова поясняющаго, и прибавлено неудачно. Спаситель говоритъ, что къ Нему, простому учителю (хотя и знаменитому), за какого безъ сомнѣнія и считалъ его юноша, этотъ званіе неприложно. Но этимъ Господь не отрицаетъ, что какъ вѣчный Сынъ Божій, какъ *снѣтъ славы Отчей* (Евр. I, 3), и Самъ Онъ *стѣдѣс*. Еслибы Спаситель добавилъ къ Своимъ словамъ слово „Отецъ“, что за Него здѣсь дѣлаетъ Оригенъ, то развиваемая здѣсь Оригеномъ аналогія дѣйствительно довольно сильно собой доказывала бы то положеніе, что ко Христу нельзя обращаться съ молитвами.

братіямъ моимъ, посредѣ собранія восхвалять Тебя (Шс. XXI, 23). Но неразумно славы удостоеннымъ имѣть одного и того же (со Мной) Отца, обращаться съ молитвами къ своему брату *); къ одному Отцу со Мной и чрезъ Меня должны вы возсылать молитвы^а.

§ 16. Ко Христу молиться было бы грѣхомъ. Мы должны молиться лишь Отцу, и притомъ о вещахъ по истинѣ великихъ и небесныхъ, потому что земныя блага только какъ бы тѣнь суть, сопровождающая тѣ блага. Оттого, если по свидѣтельству свящ. Писанія святымъ оказываемы были временныя благодѣянія и даруемо тѣлесное спасеніе, то было это нѣкоторымъ образомъ дѣломъ лишь побочнымъ и только слѣдствіемъ даровъ имъ гораздо высшихъ и духовныхъ.

Слыша это отъ Самого Иисуса, будемъ лишь чрезъ Его посредство возносить къ Богу молитвы, *всѣ говоритъ одно и то же* (1 Кор. I, 10) и не будемъ изъ за рода и образа молитвы раздѣляться. Потому что развѣ это не было бы раздѣленіемъ, если бы одни изъ насъ возсылали молитвы ко Отцу, а другія къ Сыну **) Въ грѣхъ невѣдѣнія впадаютъ тѣ, которые въ великой своей простотѣ безъ разсужденія и безъ разслѣдованія молятся Сыну ***) , происходитъ ли это такъ, что они и къ Отцу молятся или къ Отцу не молятся.

Посему будемъ къ Нему съ прошеніями обращаться

*) Дѣйствительно, это было бы неразумнымъ, если бы Христосъ былъ нашимъ братомъ по Своей Божеской природѣ. Если же никто того не будетъ утверждать, что человѣкъ низкаго происхожденія, удостоенный царемъ довѣрія и дружбы, можетъ на этомъ основаніи и не оказывать этому своему другу и царю обычныхъ царскихъ почестей: то ни того не долженъ никто утверждать, что Христу не подобаетъ оказывать приличествующаго Богу чествованія, напр. чрезъ культъ молятвы: конечно Онъ братъ нашъ, но и Богъ нашъ.

**) Нѣтъ, потому что всѣ мы въ этомъ случаѣ молимся одному и тому же Богу, ибо Отецъ и Сынъ — едино Божество. — Очевидно Оригенъ здѣсь намекаетъ на раздѣленія въ Коринѣ, гдѣ одни къ Павлу примыкали, другіе къ Аполлосу и т. д. 1 Кор. I, 12.

***) Напротивъ не тѣ въ грѣхъ невѣденія впадаютъ, которые безъ разсужденія и безъ разслѣдованія, въ простотѣ молятся и Сыну, и Оригенъ въ этотъ грѣхъ впалъ здѣсь среди своихъ разсужденій и при всей солидности своихъ изслѣдованій.

какъ къ Богу; будемъ предстательствовать предъ Нимъ за другихъ и за другое какъ предъ Отцомъ; во смиреніи будемъ умолять Его о помощи и помилованіи какъ Господа; будемъ благодарить Его какъ Бога, Отца и Господа, Который не Раба только Господь есть,—ибо Отецъ по всей справедливости можетъ быть исповѣдуемъ за Господа и Сыну *), равно какъ за Господа и тѣмъ, которые ради Его сынами стали:—по подобно тому какъ Онъ *не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Мѡ. XXII, 32), точно какъ же не состоитъ Господомъ и не сознающихъ своего достоинства рабовъ, но такихъ, которые первоначально подобно дѣтямъ, (какъ то было въ ветхомъ завѣтѣ), облагороживаемы были страхомъ, а потомъ (въ новомъ завѣтѣ; ср. Рим. VIII, 15) призваны къ несравненно отраднѣйшему служенію нежели служба раба, постоянно находящагося подъ страхомъ. Въ душахъ рабовъ и сыновъ Божіихъ замѣчаются даже признаки **), тѣмъ только примѣчаемые, кто зрѣтъ сердцемъ.

Каждый, слѣдовательно ***), кто молить Бога о вещахъ земныхъ и маловажныхъ, не цѣнитъ Его повелѣнія, которыми Онъ указалъ просить Его о вещахъ лишь великихъ и небесныхъ, потому что Онъ не можетъ дарить чѣмъ либо земнымъ и маловажнымъ.

Если же кто нибудь въ доказательство, что вслѣдствіе молитвы святыя получали и тѣлесное, сошлется на слова даже самаго Евангелія, что въ добавокъ намъ дается и земное и мелочи ****), то нужно тому возразить слѣдующее. Подобно тому какъ въ минуты, когда намъ

*) Потому что въ качествѣ Сына человѣческаго Христосъ *сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Свою, но волю посланнаго Его Отца* (Іоан. VI, 38).

**) Разумѣются, конечно, особенности, какими характеризуется человѣкъ крещенный и одежда спасающей благодати. Эти признаки души крещеной указываютъ на то, что человѣкъ облагороженъ, изъ забитаго раба сталъ чадомъ Божіимъ.

**) Пачавши—было въ началѣ § 14 объяснить слова Писанія: „Просите о важномъ“ и д. Отыгень объясненіе ихъ прервалъ вставкою экскурсивнаго разслѣдованія о четырехъ родахъ молитвы; этими же словами онъ снова переходитъ къ толкованію того изреченія.

****) Мѡ. VI, 33; слѣдовательно Богъ можетъ дарить насъ и земнымъ и мелочами.

кто-нибудь дарить какую-нибудь вещь, не можемъ же мы сказать, что тотъ или этотъ человѣкъ подарилъ намъ тѣмъ вещи;—потому что вещь ту онъ подарилъ намъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подарить намъ нѣчто двуродное, именно вещь и ея тѣнь, но намѣреніемъ дарившаго было вещь подарить; полученіе же съ вещью и тѣни ея было уже естественнымъ послѣдствіемъ подарка:—точно такъ же и мы, съ болѣе возвышенными чувствами относясь къ дарамъ, какими насъ особенно надѣляетъ Богъ, исповѣдуя признаемъ, что тѣлесные дары, какіе *даются* тому и другому изъ святыхъ *на пользу* (1 Кор. XII, 7), даруются имъ *по мѣрѣ вѣры* (Рим. XII, 6) или по смотрѣнію Щедродателя, и слѣдовательно, представляютъ собою естественное послѣдствіе великихъ и небесныхъ, духовныхъ имъ даровъ. А совѣтъ Подателя тѣхъ благъ премудръ, хотя мы и не въ состояніи указать на истинныя побудительныя причины, двигающія Щедродателемъ при надѣленіи насъ тѣмъ или другимъ даромъ. Главнымъ образомъ, слѣдовательно, душа Анны разрѣшена была отъ нѣкотораго неплодія и эта т. е. душа оплодотворена, а не тѣло, когда Анна зачала Самуила (1 Царствъ 1, 19, 20).—Езекія главнымъ образомъ слѣдовательно поколѣніе дѣтей духовныхъ, Божественнаго происхожденія породилъ отъ себя *), а не происшедшихъ изъ его тѣлеснаго сѣмени.—И Эсфирь, Мардохей и народъ (Израильскій) слѣдовательно спасены были болѣе отъ духовныхъ преслѣдованій, нежели отъ Амана и его соумышленниковъ (Есѣ. VII).—И Юдиень, значить, сокрушила могущество главнымъ образомъ того князя, который старался повредить ея душѣ, а не могущество лишь Олоферна (Юд. XIII).—И кто будетъ оспаривать, что духовное благословеніе, съ которымъ Исаакъ обращался къ Якову и которое было выражено имъ въ словахъ: *Да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесной* (Быт. XXVII, 28), что оно не относится и ко всѣмъ святымъ

*) Т. е. спасительныя слова и добрыя дѣла: одни рождаются въ насъ подъ вліяніемъ Божественной благодати, другіе осуществляются при ея содѣйствіи (4 Царствъ XX, 3).

и въ богатѣйшей мѣрѣ не почило на Ананіи и его сотоварищахъ, ибо они имъ болѣе были благословлены, нежели земной росой, дѣлавшей недѣйствительнымъ пламень Навуходносора, (огонь разведенный по его повелѣнію Дан. Ш, 49, 50)? По изъ благоволенія и къ проку Даниилу заключена была пасть львовъ преимущественно духовныхъ *), чтобы они не въ состояніи были сдѣлать чего либо противъ его души, а не пасть львовъ видимыхъ, о которыхъ всѣ мы думали читая Писаніе. Кто-то чрева чудовища, побѣжденнаго нашимъ Спасителемъ Иисусомъ **), чудовища поглощающаго cadaго Богоотступника, избѣжить подобно Іонѣ (Іон. II, 11), который въ качествѣ святого сталъ причастникомъ Святого Духа?

§ 17. Многіе изъ людей съ небесными дарами не получаютъ никакихъ земныхъ или только ничтожные. Но это ничего не значить, потому что блага временныя по сравненію съ небесными именно ничтожны и ничего не значать.

Если же изъ получающихъ такіе дары не всѣ получаютъ оныя съ одинаково равной тѣнью; многимъ дары, напротивъ, вовсе не сопровождаются никакой тѣнью, ея не отбрасываютъ отъ себя, (т. е. въ дополненіе къ духовнымъ дарамъ многіе не получаютъ никакихъ благъ тѣлесныхъ): то этому нечего дивиться; потому что наблюдающіе законы солнечныхъ часовъ и отношеніе тѣни къ свѣтящему тѣлу (т. е. солнцу) понимаютъ ясно, что это бываетъ въ вещахъ и тѣлесныхъ. Нѣкоторымъ изъ людей въ извѣстныя времена стрѣлка на солнечныхъ часахъ ***), указываетъ время вовсе безъ тѣни, другимъ лишь короткой тѣнью,

) Т. е. злыхъ духовъ, которыхъ и св. Петръ апостолъ сравниваетъ съ рыкающими львами (1 Петр. V, 8).

**) Разумеется здѣсь чрево сатаны, или вѣчная смерть въ аду ср. въ § 13.

***) Гномонъ, или стрѣлка солнечныхъ часовъ, введеніе которыхъ въ употребленіе въ Греціи возводятся къ Анаксимандру или Анаксимену (за 600 лѣтъ до Р. Хр.), ставилась отвѣсно на полукруглой мраморной или на мѣдной доскѣ и своей тѣнью показывала часы, намѣченные на той доскѣ.

и еще инымъ сравнительно длинной тѣнью *)). Такъ какъ Раздаватель чрезвычайныхъ вещей **) по невыразимымъ и таинственнымъ разсужденіямъ Своего Провидѣнія дарить оными получателей, обращая вниманіе и на времена, то нисколько не странно, если при надѣленіи тѣми чрезвычайными вещами получатели ихъ часто не получаютъ вмѣстѣ съ ними никакой тѣни, или же часто получаютъ тѣнь, отбрасываемую не всѣми, а лишь немногими (т. е. изъ тѣхъ чрезвычайныхъ вещей), часто же и меньшую по сравненію съ большею, которую другіе получаютъ вмѣстѣ съ дарами духовными ***).

Но подобно тому теперь какъ тотъ, который страстно желаетъ имѣть солнечные часы, не радуется и не опечаливается существованьемъ на нихъ тѣни отъ вещей тѣлесныхъ или ея отсутствіемъ; онъ владѣетъ необходимымъ, если часы тѣ солнцемъ освѣщаются, все равно является на нихъ болѣе или менѣе длинная тѣнь или вовсе ея на нихъ не является: точно такъ же и мы, обладая духовными дарами и просвѣщаемые Богомъ для всемирнаго приобрѣтенія благъ духовныхъ, ни мало не озабочиваемся маловажными и пологими на тѣнь вещами.

*) Известно, что тѣни бываютъ тѣмъ длиннѣе, чѣмъ далѣе солнце отстоитъ отъ зенита, или надглавной точки: длиннѣе всего онѣ бываютъ при восходѣ солнца и закатѣ, а всего короче въ полдень. Надъ нѣкоторыми изъ людей, а именно надъ жителями тропическихъ или жаркихъ полсовъ (между обоими поворотными кругами), въ опредѣленные времена солнце становится въ полдень со всюю точностью въ зенитѣ; это бываетъ два раза въ году; стрѣлка на солнечныхъ часахъ и вообще всѣ вещественные предметы тогда остаются въ странахъ тѣхъ вовсе безъ тѣни, (почему жители тѣхъ странъ и навываются Ассіи т. е. beatvнные), въ другія же времена и у нихъ наравнѣ съ насельниками остальныхъ земныхъ странъ тѣни отъ предметовъ отбрасываются болѣе или менѣе длинныя.

**) Та прѣрѣубега. Это слово заимствовано изъ стоической философіи, въ которой „вещами предпочтительными“ называлось напр. здоровье и т. п., между тѣмъ какъ Оригенъ употребляетъ здѣсь это слово о дарахъ высшихъ и небесныхъ.

***) Смыслъ сего мѣста таковъ: Подобно тому какъ матеріальныя вещи въ разсужденіи своего положенія къ солнцу очень различны, часто же и вовсе не отбрасываютъ никакой тѣни: точно такъ же и духовныя вещи, эти единственно истинныя блага, о которыхъ однихъ посему мы и должны молиться, то вообще не сопровождаются никакими земными благами, подобными тѣни, то сопровождаются ею болѣе или менѣе, т. е. то болѣе, то меньшей тѣнью, смотря по положенію, въ какомъ различныя люди въ различныя времена находятся къ солнцу Божественнаго предопредѣленія.

Все мірское и тѣлесное, что бы ни было имъ, нужно вѣдь считать похожимъ лишь на преходящую и пустую тѣнь, и никакимъ образомъ оно не можетъ быть приравнваемо къ спасительнымъ и святымъ дарамъ Господа вселенной, Бога. Развѣ и можно сравнивать между собою матеріальныя богатства и *богатство во всякомъ ученіи и во всякой мудрости* (1 Кор. I, 5)? И кто же, если онъ не упоминая, здоровье плоти и костей будетъ сравнивать со здоровьемъ духа, съ твердостью души, со здоровымъ образомъ мыслей? Если въ духовную нашу жизнь вводится правое устроение чрезъ слово Божіе, то тѣлесныя страданія становятся тогда легкою по кожѣ царапиной, а иногда и менѣе важными чѣмъ кожи ссадины. И кто позналъ красоту невѣсты, которую Сынъ Божій любитъ какъ женихъ ея (Іоан. III, 29), т. е. красоту души, когда она блистаетъ пренебесной и неземной красотой, тотъ боится украшать именемъ красоты тѣлесную красоту женщины, дитяти или мужа, потому что истинная красота не свойственна плоти, а свойственно ей безобразіе. Каждая плоть походитъ на траву, и ея прелесть, обнаруживающаяся въ такъ называемой красотѣ женщины и дѣтей, равна, по слову пророка, красотѣ цвѣтка, ибо пророкъ говоритъ: *Всякая плоть трава, и вся ея красота какъ цвѣтъ полевой. Трава засыхаетъ, цвѣтъ увядаетъ, а слово Бога нашего пребудетъ вѣчно* (Ис. XL, 6—8). Но станетъ ли кто-нибудь еще и обыкновенно такъ называемое у людей благородство называть въ собственномъ смыслѣ благородствомъ, если позналъ онъ благородство чады Божіей? И если кто размышлялъ въ духѣ о незыблемомъ царствѣ Христовомъ, въ состояніи ли тотъ не относиться съ пренебреженіемъ къ каждому царству земному, какъ и упоминанія не стоящему? И если къмъ въ наивозможной ясности внутренне созерцаемы были воинства ангеловъ и среди ихъ верховныя предводители силъ Господнихъ (архистратиги), архангелы и престолы и господства и власти и превышенебсныя силы, насколько къ такому созерцанію способенъ ограниченный тѣломъ человѣческій духъ; и

если кто понялъ, что и самъ онъ можетъ Отцомъ быть удостоенъ подобной же чести какъ и эти небесные духи: то въ состояніи ли будетъ тотъ, — хотя бы самъ и слабѣе тѣни былъ *), — не пренебрегать по сравненію съ этими созданіями даже такими вещами, которыя у людей неразсудительныхъ считаются за удивительнѣйшія? Не сочтеть ли онъ эти вещи за совершенно маловажныя и не заслуживающія и упоминанія? И все это матеріальное, въ случаѣ сли бы оно ему и дано было, не признаетъ ли онъ стоящимъ лишь малой цѣны, только бы не утратить по истинѣ почетнаго мѣста и Божественнаго достоинства и чести?

Молиться, слѣдовательно, молиться должны мы объ особенныхъ, по истинѣ великихъ и небесныхъ, благахъ; а заботу о тѣневидныхъ тѣхъ вещахъ, которыми сопровождаются тѣ чрезвычайныя блага, должны мы представить Богу, Который *знаетъ вѣдь, еще прежде нашего прошенія у Него, оъ чемъ мы изъ за слабаго своего тѣла имѣемъ нужду* (Мѡ. VI, 8).

§ 18. Переходъ ко 2-й части. Изложенная у евангелистовъ Матѳея и Луки „молитва Господня“ одна ли и та же?

Доселѣ мы рассуждали (вообще) о молитвѣ, и въ мѣру благодати, съ отношеніемъ къ нашему пониманію дарованной намъ отъ Бога во Святомъ Духѣ чрезъ Помазанника Его, изслѣдовали этотъ предметъ достаточно. Дѣйствительно ли это такъ, вы **) обсудите, по прочтеніи этого моего творенія. Теперь обратимся къ другому труду: взвѣсимъ содержательность предложенной намъ „молитвы Господней“.

И прежде всего здѣсь нужно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно вѣры большинства, будто Матѳей и Лука передаютъ одинъ и тотъ же текстъ молитвы, котораго де и должно молясь придерживаться. У Матѳея мѣсто (съ молитвой Господа) читается такъ: *Отче нашъ,*

*) Выраженіе это нужно разумѣть о нравственной слабости.

**) Обращеніе это относится къ Амвросію и Татианѣ; см. § 5.

сущій на небесахъ! Да святится имя Твое; да придетъ царство Твое; да будетъ воля Твоя и на земль какъ на небь; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; и прости намъ наши долги, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ въ искушеніе, но избавь насъ отъ зла (Мѣ. VI, 9 — 13). — У Луки же (молитва Господня) читается такъ: *Отче! да святится имя Твое; да придетъ царство Твое; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; и прости намъ наши долги, потому что и мы прощаемъ всѣмъ нашимъ должникамъ; и не введи насъ въ искушеніе* (Лк. XI, 2 — 4). Полагающимъ, что обоими евангелистами переданъ одинъ и тотъ же текстъ молитвы, можно возразить во первыхъ, что хотя мѣста у евангелистовъ съ „Господнею молитвою“ и содержать между собою много общаго, все-же по другимъ пунктамъ они очевидно между собою различны, что при разборѣ ихъ мы и докажемъ. И во вторыхъ, невозможно, чтобы таже самая молитва была произнесена какъ на горѣ, куда Господь взошелъ, *увидѣвъ толпы народа, гдѣ слъзъ, гдѣ пристурили къ Нему ученики Его, и Онъ, отверзши уста Свои, училъ* (Мѣ. V, 1, 2): — потому что молитва та передается у Матоея въ связи съ возвѣщеніемъ блаженствъ и вслѣдъ за тѣмъ излагаемыхъ заповѣдей; — такъ и послѣ своей *молитвы въ одномъ мѣстѣ*, по окончаніи которой Онъ сообщилъ ту молитву одному изъ Своихъ учениковъ, желавшему наученія молитвѣ, *какъ и Иоаннъ научилъ своихъ учениковъ* (Лк. XI, 1). Статочное ли дѣло *), чтобы одни и тѣ же слова были высказаны, безъ предшествующаго вопроса въ ходу рѣчи, и по просьбѣ одного изъ учениковъ? Быть можетъ, кто-нибудь на это возразить, что обѣ молитвы суть одна и та же молитва съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ разъ она изложена была въ связи рѣчи, а другой разъ предъ однимъ изъ учениковъ по его просьбѣ, вызванной тѣмъ вѣроятно, что его тогда не было, когда Господь сообщилъ молитву, переданію

*) А почемужъ не статочное?

Матѳеемъ *); или быть можетъ отъ продолжительности времени онъ забылъ ее. А лучше принять, что обѣ тѣ молитвы одна отъ другой отличны, и только въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣютъ между собою нѣчто общее **).

А когда мы и къ Марку обратились доискиваясь, не передано ли имъ какой-нибудь молитвы, прежде нами недосмотрѣнной, то мы не нашли у него никакого и слѣда такой молитвы.

§ 19. Объясненіе словъ Господа о правомъ родѣ молитвы, сказанныхъ Имъ непосредственно предъ сообщеніемъ молитвы *Отче нашъ*. Прежде всего не нужно, по словамъ тѣмъ, при молитвѣ домогаться похвалы отъ людей; посему не должно молиться *на углахъ улицъ*.

Ранѣе (§ 8) сказано было, что молящійся первѣе всего долженъ быть въ извѣстномъ настроеніи и состояніи духа и уже только потомъ молиться; вникнемъ посему въ слова, сказанные о семъ нашимъ Спасителемъ предъ молитвой, приведенной у Матѳея, и читаемая такъ: *Когда вы молитесь, не должны походить на лицемеровъ, потому что они любятъ для молитвы останавливаться въ синагогахъ и на углахъ улицъ, чтобы видѣли ихъ люди. Истинно говорю вамъ, что они чрезъ это уже получаютъ награду свою. А ты для молитвы войди въ комнату твою, за собой замкни двери и помолись Отцу твоему втайнѣ; и твой Отецъ, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно. А молясь не многословьте подобно язычникамъ; они полагаютъ, что ради многословія будутъ услышаны (ср. 3 Царствъ XVIII, 26 и д.) ***). Не дѣлайте*

*) Онъ быть могъ ученикомъ Іоанна, и во время произнесенія нагорной проповѣди еще не принадлежать къ ученикамъ Христовымъ.

**) „Молитва Господня“ у евангелиста Луки въ существенномъ, конечно, та же, что и у евангелиста Матѳея; все-же нужно принять, что столь важное наставленіе относительно молитвы Господь преподавалъ ученикамъ въ два раза: первый разъ въ нагорной проповѣди, при началѣ Своего общественного служенія (Мѳ. VI, 9—13), а во второй разъ при концѣ его (Лк. XI, 2—4).

***) Этими словами Господь не продолжительность молитвы осуждаетъ, потому что Самъ же Онъ цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, а порицаетъ губную лишь молитву, о которой ничего не знаетъ сердце.

какъ они, ибо знаетъ Отецъ вашъ, еще прежде чѣмъ вы просите Его, въ чѣмъ вы нуждаетесь. Молитесь же должны вы такимъ образомъ (Мѡ. VI, 3—8).

Извѣстно, что нашъ Спаситель часто возставалъ противъ честолюбія какъ противъ страсти губительной (Мѡ. XXIII, 5—12; Лк. XIV, 7—11); отъ нея же отклоняетъ Онъ и здѣсь, не совѣтуя въ молитвѣ перенимать образъ дѣйствій у лицемѣровъ. Эти своимъ благочестіемъ и своею щедростію кичатся предъ людьми. Мы же, помня изреченіе: *Какъ можете вы отравать, когда гонитесь за почестями отъ людей, а славы исходящей лишь отъ Бога не домогаетесь* (Іоан. V, 44), всѣми человѣческими почестями должны пренебрегать, хотя бы тѣ почести были воздаваемы намъ и за добродѣтель; а должны мы стремиться къ истинной, и въ собственномъ смыслѣ, славѣ, отъ Того лишь получаемой, Который одинъ украшаетъ славою достойнаго славы, и къ тому же превыше заслугъ украшаемаго. И добродѣтель и похвальное дѣло, слѣдовательно, пятнаются, если мы отдаемъ имъ изъ за почестей отъ людей и для показу себя имъ; оттого и не получаемъ мы за то ни какой награды отъ Бога. Не ложно и всякое слово Іисуса; а если употреблено Имъ какое либо сильное выраженіе, въ связи съ обычной Его клятвою *), то становится оно еще истиннѣе. Но о тѣхъ, кто оказываетъ ближнему благодѣліе изъ за почестей отъ людей или кто молится по синагогамъ и на углахъ улицъ, чтобы людьми то было видимо, Онъ говоритъ елѣдующее: *Истинно говорю вамъ: они чрезъ это уже получаютъ награду свою* (Мѡ. VI, 5). Подобно тому какъ богачъ у Луки (XVI, 25: расточитель богатствъ), *доброе свое уже во временной этой жизни получившій*, именно потому что то доброе онъ уже получилъ, не могъ его получить по истеченіи настоящей жизни: подобно этому и за благотворительность или за молитвы награду уже получившій, какъ *сплотивъ въ плоть, а не въ духъ, пож-*

*) „Аминъ“ т. е. „вѣстико“ и у параллельно было увѣрительной формулой. Числѣ V, 22; Втор. XXVII, 15 и д.; Псѣм. V, 13.

нетъ тлѣніе, а не жизнь вѣчную (Гал. VI, 8). *Въ плоть же съетъ* тотъ, кто въ видахъ полученія отъ людей почестей, раздаетъ милостыню въ синагогахъ и на улицахъ, и тѣмъ заставляетъ ихъ трубить о себѣ;—или кто для молитвы любитъ останавливаться въ синагогахъ и на углахъ улицъ, чтобы видѣли его люди и распустили молву о немъ какъ о чловѣкѣ благочестивомъ и святомъ. Но и каждый, кто идетъ *широкою дорогою, ведущею къ гибели* (Мѣ. VII, 13), дорогою отнюдь не прямою, а изгибистою и овражистою, — потому что прямая линія тутъ часто прерывается, — ставить себя не на благополучнѣмъ пути и оказывается онъ *молящимся на углахъ улицъ*, потому что онъ при своей погонѣ за удовольствіями не на одной улицѣ является, а на многихъ; и такіе люди, показывающіе свое благочестіе на улицахъ, здѣсь прославляемы бываютъ и причисляются къ счастливымъ другими, которые *какъ чловѣчки умираютъ* (LXXXI, 7), вознедавъши о Божественномъ своемъ достоинствѣ (Пс. LXXXI, 6) *). Но много есть людей, которые при молитвѣ *болѣе удовольствія любятъ члѣмъ Бога* (2 Тим. III, 4), на пиршествахъ и попойкахъ, будучи въ пьяномъ видѣ, молитвою злоупотребляютъ, и такимъ образомъ по истинѣ *на уличныхъ углахъ столтъ и молятся*, потому что каждый, кто проводитъ свою жизнь среди удовольствій и любитъ *широкій путь*, уклоняется уже съ узкаго и скорбнаго пути Христова, не имѣющаго ни малѣйшихъ рывинъ и иалучинъ.

§ 20. Не должно *въ синагогахъ молиться*; не должно по примѣру лицедѣевъ лишь наружно быть преданными добродѣтели, напротивъ, въ комнатѣ затворенной должно молиться.

Если есть различіе между церковью и синагогой, (а оно есть),—потому что истинная *церковь не имѣетъ на*

*) Въ иносказательномъ смыслѣ на „углахъ улицъ“ молятся тѣ, которые ида иалучистымъ и овражистымъ путемъ грѣховнымъ ивѣютъ еще дерзость отводить глаза людямъ нѣкоторымъ вѣншими дѣлами благочестія. Подобно фарисеямъ они получаютъ награду, которой добавались; но ее получаютъ отъ такихъ людей, которые какъ *люди умираютъ*, похвалы которыхъ слѣдовательно не ивѣютъ никакого значенія.

себя никакого пятна, ни нестройности нѣтъ въ ней или чего нибудь подобнаго, но есть она свята и безупречна (Еф. V, 27); оттого не можетъ войти въ нее ни отъ блудницы рожденный (Втор. XXIII, 2) *), ни скопецъ или каженникъ (Втор. XXIII, 1), ни даже египтянинъ или иудемлянинъ (Втор. XXIII, 7), лишь потомство которыхъ и то въ третьемъ поколѣннн, со строгою разборчивостью можетъ быть принимаемо въ церковь (Втор. XXIII, 8); ни аммонитянинъ и моавитянинъ, доколѣ не настанетъ десятое поколѣнне ихъ и время не исполнится **); синагога напротивъ была построена сотникомъ во времена предъ пришествіемъ Іисуса (Лк. VII, 5), когда Сыномъ Божиимъ не было еще объ этомъ сотникѣ сказано, что *не нашелъ Онъ и во Израиль такой вѣры* (Мѣ. VIII, 10) ***),— итакъ если есть, говоримъ, различіе между церковью и синагогой, (а оно есть), то по истинѣ не далекъ отъ *уголовъ улицъ* тотъ, кто *любитъ молиться въ синагогахъ* ****).—Святой же *****) дѣлаетъ не такъ: онъ не для забавы молится, а изъ любви; и не въ синагогахъ, а въ церквахъ; и не на углахъ улицъ, а на пути прямомъ узкомъ и скорбномъ; и не для того, чтобы люди видѣли, а чтобъ предъ лицемъ Бога Господа себя поставить. Это мужъ, думающій о *мысли Господнемъ пріятномъ* (Лк. IV,

*) Во Второзаконіи здѣсь идетъ рѣчь объ „обществѣ Господнемъ“.

***) Вульгата и нашъ русскій переводъ, изданный отъ Св. Синода, въ согласіи съ еврейскимъ текстомъ передаютъ это мѣсто въ такомъ видѣ: *И десятое поколѣнне ихъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки.*

****) Сотникъ былъ тогда еще язычникомъ, но былъ расположенъ къ вѣрѣ израильтанъ и культу ихъ; не чуждъ былъ и Мессіанскихъ надеждъ.

*****) Что здѣсь Оригенъ разумѣетъ подъ синагогою, сказать трудно. Выраженіе, безъ сомнѣнія, нужно понимать фигурально, а не о молитвенномъ домѣ и іудейскомъ „обществѣ Господнемъ“. И такъ какъ главнѣйшимъ признакомъ синагоги поставляется здѣсь то, что она построена языческимъ сотникомъ, и притомъ прежде свидѣтельства Христа о вѣрѣ его; то смыслъ словъ Оригена конечно таковъ: „Въ синагогахъ молится тотъ лишь, кто не настолько безукоризненную жизнь ведетъ, чтобы онъ могъ быть причисленъ къ церкви, не имѣющей на себѣ никакихъ пятенъ и безупречной; но присоединяется онъ къ обществу тѣхъ, которые стоятъ на одной ступени съ благоумнѣйшими изъ язычниковъ. Такой человекъ не далекъ отъ *улицъ улицъ*, т. е. походить на *идушихъ широкимъ путемъ*, или *ведушихъ распушенную жизнь*“.

*****) Т. е. христіанинъ, который и живетъ согласно съ заповѣдями христіанства.

19; Ис. LXI, 2) *) и слѣдующій заповѣди: *Трижды въ годъ весь мужскій полъ долженъ являться предъ лице Господа Бога твоего* (Втор. XVI, 16).

Но нужно обращать строгое вниманіе на выраженіе „*φαινώσθαι*“ (чтобы видимыми быть), ибо наружная добродѣтель (*φαινόμενον*) не есть добродѣтель; она есть добродѣтель, такъ сказать, для виду, для показу, а не на самомъ дѣлѣ; ею духовный глазъ вводится лишь въ обманъ, а не предноситъ ему опредѣленнаго и дѣйствительнаго образа она. Подобно тому какъ извѣстныя дѣйствія, разыгрываемыя на театрѣ, въ дѣйствительности вовсе не то, за что выдаютъ ихъ; и лицедѣи въ дѣйствительности не тѣмъ состоятъ, за кого на театрѣ выдаютъ себя: точно такъ же и всѣ выставляющіе на показъ лишь наружную добродѣтель, не въ дѣйствительности правы, а лишь разыгрываютъ роль людей правыхъ подобно лицедѣямъ; и въ лицѣ ихъ являются на собственномъ ихъ театрѣ, въ синагогахъ и на углахъ улицъ, лишь скоморохи. Напротивъ, кто не накидываетъ на себя притворства, все несродное съ существомъ своей души отбрасываетъ и старается понравиться на зрѣлищѣ несравненно возвышеннѣйшемъ, тотъ входитъ *въ храмину* (Мѡ. VI, 6), въ которой онъ, — вообще свое богатство отдавши на сохраненіе, — заключилъ *сокровища мудрости и вѣдѣній* (2 Кор. II, 3), не стремится вонъ изъ нея, не жалѣетъ о внѣшнемъ мірѣ, замыкаетъ двери всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы не быть скованнымъ чувственными впечатлѣніями: ни самъ не навязываетъ своему духу такихъ представлений; а молится въ своей хранинѣ Отцу, Который изъ такого сокровеннаго мѣста не удаляется и онаго не оставляетъ, а присутствуетъ тамъ вмѣстѣ съ Единороднымъ. Ибо говорится: *Я и Отецъ придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). — И если мы такъ молимся, то очевидно, что тогда возносимъ молитвы свои къ Богу не какъ къ праведному только,

*) Намекъ на іудейскій „юбилейный годъ“ (Лев. XXV, 39 — 41), прообразъ благодатнаго времени, наступившаго съ явленіемъ Христа.

но и какъ къ Отцу, насъ, своихъ дѣтей, не оставляющему; — въ храминѣ, гдѣ укрылись мы, присутствующему; — свое око на насъ обращающему и сокровища въ храминѣ умножающему, если только двери мы замкнули за собой (Мѡ. VI, 6).

§ 21. Не должно молиться о предметахъ ничтожныхъ и многословить подобно язычникамъ.

Но предметомъ нашихъ молитвъ не должны быть вещи ничтожныя (матеріальныя, земныя). А о вещахъ ничтожныхъ молимся мы, если не обращаемъ вниманія при молитвѣ на себя самихъ или на слова молитвы, и оттого просимъ Господа или предстоимъ предъ Нимъ думаемъ о вещахъ преходящихъ и пошлыхъ, достойныхъ осужденія, съ вѣчностью Господа несогласимыхъ. И кто мыслить во время молитвы о вещахъ вздорныхъ, тотъ находится даже еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ только что упомянутые друзья синагоги; и стоитъ тотъ на пути опаснѣйшемъ, нежели стоящіе на уличныхъ углахъ, потому что нѣтъ въ немъ слѣдовъ даже и наружной добродѣтели. Потому что, по выраженію Евангелія, о вещахъ суетныхъ молятся лишь язычники, о предметахъ великихъ или возвышенныхъ не имѣющіе даже и понятія, и посему постоянно молящіеся лишь о тѣлесномъ и вѣшнемъ. Язычнику, слѣдовательно, молящемуся о суетномъ, уподобляется тотъ, кто у Господа, живущаго на небѣ и въ высотахъ неба, проситъ вещей земныхъ.

И, какъ кажется, молиться о предметахъ суетныхъ (*βαττολογεῖν*) то же самое значить, что и многословить (*πολλολογεῖν*). Ничто матеріальное и тѣлесное не имѣетъ въ себѣ единства и простоты; предметы вещественные и тѣлесные, коимъ мы усваемъ единство и простоту, на самомъ дѣлѣ представляютъ собою раздробленность, разъединенность и раздѣленность на многія части, не имѣющія между собой никакого единства. Просто и несложно лишь все доброе, а многообразно злое; проста и несложна истина, а многообразна лишь ложь; проста и несложна истинная справедливость, а многообразно лишь извращеніе ея; проста премудрость Божія, а многообразна

не созидающая души *мудрость міра сего* (1 Кор. II, 6); просто и несложно слово Божіе, многообразно же слово чуждающееся Бога. Поэтому *при многословіи никто не избыжитъ грѣха* (Прит. Сол. X, 19); и молитва того не можетъ быть услышана, кто *мечтаетъ, что за многословіе свое будетъ услышанъ* (Мѣ. VI, 7). Оттого въ молитвѣ мы не должны походить на язычниковъ (Мѣ. VI, 8), молящихся о суетномъ и о многомъ, дѣлающихъ и нѣчто иное *подобно змѣ* (Пс. LVII, 5) *); потому что знаетъ вѣдь Богъ, Отецъ святыхъ, въ чемъ Его дѣти нуждаются, что и соотвѣтствуетъ имени „Отца“. А кто Бога и Божественныхъ свойствъ на вѣдаетъ, тотъ не имѣетъ понятія и о своихъ собственныхъ потребностяхъ. Ибо то, въ чемъ, по ихъ понятію, они нуждаются, совершенно ошибочно. Напротивъ, кто понимаетъ, въ какой степени необходимо для него по опредѣленію Божію лучшее и превысеземное, тотъ сознанный въ качествѣ необходимаго и получаетъ отъ Бога и Отца, Которому уже и ранѣе о томъ молился.

Послѣ этого объясненія словъ, передаваемыхъ евангелистомъ Матѳеемъ (VI, 5—8) прежде „молитвы Господней“, обратимся къ разсмотрѣнію содержанія самой молитвы той.

§ 22. Объ обращеніи *Отче нашъ*, и первѣе всего о словѣ „Отецъ“: истинно сыновнія отношенія къ Богу, грѣхомъ исключаемая, извѣстны стали лишь въ новомъ завѣтѣ. Но кто не состоитъ истиннымъ чадомъ Божиимъ, долженъ страшиться называть Бога „Отцомъ“. Всѣ наши дѣла, слова и мысли должны быть непрерывнымъ „Отче нашъ“.

Отче нашъ, сущій на небесахъ (Мѣ. VI, 9).—Стоило бы разслѣдовать тщательнѣе, есть ли въ такъ называемомъ ветхомъ завѣтѣ гдѣ либо молитва, въ которой Бога кто-нибудь называлъ бы „Отцомъ“, потому что понимѣ, не смотря на всѣ наши изысканія, такой молитвы тамъ

*) Псалмопѣвецъ грѣшника, лишь лицемѣрно предавшаго добродѣтели, сравниваетъ со змѣей, которая всегда служила образцомъ хитрости и коварства.

мы не нашли. Мы не утверждаемъ того, что Богъ не называется въ ветхомъ завѣтѣ „Отцомъ“ или что считавшіеся за вѣрныхъ не называются тамъ чадами Божиими; мы утверждаемъ только то, что нигдѣ въ ветхомъ завѣтѣ мы не встрѣчаемся съ тѣмъ праводушнымъ дерзновеніемъ, провозглашеннымъ нашимъ Спасителемъ, которое уполномочиваетъ насъ въ молитвѣ называть Бога „Отцомъ“. Что Богъ называется въ ветхомъ завѣтѣ „Отцомъ“, а послѣдователи Божественнаго слова „сынами“, это открывается изъ многихъ мѣстъ. Такъ во Второзаконіи говорится: *Бога ты оставилъ, тебя родившаго и забылъ Бога, тебя питающаго* (XXXII, 18). И еще: *Не этотъ ли самый Отецъ твой тебя обрѣлъ, тебя создалъ и устроилъ тебя* (6)? И опять: *Невѣрные дѣти это* (20). И у Исаіи: *Сыновей я родилъ и возвысилъ, а они презрѣли Меня* (1, 2). И у Малахіи: *Сынъ чтитъ своего отца, и рабъ господина своего. Но если Я Отецъ, то гдѣ почтеніе ко Мнѣ? И если Я Господь, то гдѣ благоговѣніе предо Мною* (1, 6)?

Но хотя Богъ и называется (въ ветхомъ завѣтѣ) „Отцомъ“, а рожденные Богомъ чрезъ сообщеніе имъ слова вѣры „сынами“ Его, все-таки древніе не были проникнуты сознаниемъ постоянного и неизмѣннаго своего сыновства Богу *). По крайней мѣрѣ выше приведенныя мѣста, именно они-то, и свидѣлствуютъ, что называвшіеся сынами были привлекаемы за вину къ отвѣтственности. По апостолу *наслѣдникъ, доколѣ въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя онъ и господинъ, всего. Онъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ до срока, отцомъ назначеннаго* (Гал. IV, I, 2); съ пришествіемъ же Господа нашего Иисуса Христа открылась *полнота времени* (Гал. IV, 4) **), въ которое того же-

*) Сыновнія отношенія къ Богу въ ветхомъ завѣтѣ весьма легко было чрезъ грѣхи снова помрачить, что фактически и подтверждаютъ только что приведенные образцы грѣшниковъ.

***) Т. е. во время предопредѣленное небеснымъ Отцомъ; къ сему времени наслѣдникъ Отца, т. е. родъ человѣческой, долженъ былъ получить всѣ сыновнія права. Иудей въ ветхомъ завѣтѣ въ качествѣ дѣтей Авраама конечно былъ и наслѣдникомъ обитванія и чадами Божиими, но еще несовершеннолѣтними: они состояли подъ опекой закона и не различались отъ рабовъ.

дающіе получаютъ усыновленіе, какъ о томъ учить Павелъ словами: *Потому что вы получили не рабство духъ, дабы опять вамъ жить въ страхъ, а духъ сыновства, въ которомъ зываемъ: Авва, Отче* (Рим. VIII, 15). И въ Евангеліи по Іоанну говорится: *А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, этимъ Онъ далъ власть быть чадами Божиими* (1, 12). И изъ католическаго посланія Іоанна въ разсужденіи рожденныхъ отъ Бога мы научены, что въ слѣдствіе этого духа сыновства *всякій рожденный отъ Бога не грѣшитъ, потому что пребываетъ въ немъ сѣмя; и онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога* (1 Іоан. III, 3, 9) *).

Понимая посему, что означаетъ у Луки слово: *Когда вы молитесь, говорите: Отче* (XI, 2), мы помедлимъ обращаться къ Богу съ этимъ именемъ, въ случаѣ если не состоимъ истинными Его чадами, дабы къ прочимъ нашимъ грѣхамъ не обременить себя предъ Богомъ грѣхомъ еще святотатства. Я соединяю съ этими своими словами слѣдующія мысли. Въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ увѣряетъ: *Никто не можетъ сказать „Господи Іисусе“ какъ только Духомъ Святымъ; и никто, говорящій Духомъ Божиимъ, не произнесетъ анафемы на Іисуса* (1 Кор. XII, 3), при чемъ „Духъ Святой“ и „Духъ Божій“ у него выраженія равнозначительныя. А что значить это выраженіе *называютъ Іисуса Господомъ во Святомъ Духѣ*, это не совѣмъ ясно, потому что это слово „Господи Іисусе“ произносить и безчисленное множество лицемѣровъ и несмѣтное количество еретиковъ, иногда

* Новозавѣтныя чада Божіи своею безгрѣшностію слѣдовательно многозначительно отличаются отъ вѣтхозавѣтныхъ чадъ Божіихъ. Такъ по Оригену.—Между тѣмъ вышеприведенное мѣсто изъ посланія св. Іоанна нужно разумѣть конечно не о совершенной чистотѣ отъ грѣха и безусловной невозможности грѣшить, (иначе оно противорѣчило бы мѣсту изъ Іоанна I, 3: II, 1; Евр. VI, 4—6), а только о нравственной невозможности, чтобы человекъ отъ Бога рожденный грѣшилъ, потому что *пребывающее въ немъ Божественное сѣмя* т. е. содѣлствующая или спасающая благодать Божія или же и живущія въ душѣ Духъ Святой мощно его предохраняютъ отъ грѣха. Апостолъ хочетъ, слѣдовательно, сказать лишь слѣдующее: Кто постоянно поддерживаетъ въ себѣ сверхъестественную жизнь, тотъ не можетъ ее заявлять дѣятельностію грѣховной; оттого онъ долготѣ грѣшнѣ не можетъ, доколь не исчезнетъ та жизнь изъ души вмѣстѣ съ Божественнымъ сѣменемъ, не исчезнетъ вслѣдствіе грѣха къ смерти (1 Іоан. V, 16).

даже демоны, побѣждаемые силой этого имени. И, конечно, никто не осмѣлится утверждать, чтобы кѣмъ либо изъ нихъ „Господи Иисусе“ произносимо было во Святомъ Духѣ. Оттого можно принять, что въ ихъ устахъ это „Господи Иисусе“ такое имѣло значеніе, какъ если бы обращеніе то вовсе не было ими и произносимо *), и что только въ устахъ тѣхъ это „Господи Иисусе“ многозначительно, которые отъ всей души послушны слову Божию, во всей своей дѣятельности никого другого не исповѣдуютъ своимъ Господомъ кромѣ Христа Иисуса. А если только такіе люди съ полнымъ значеніемъ произносятъ „Господи Иисусе“, то и каждый грѣшникъ своимъ преступленіемъ закона, значитъ, прокликаетъ Божественное слово, а своими дѣлами какъ бы анаематствуетъ Господа Иисуса. Подобно тому, значитъ, какъ въ устахъ живущаго по заповѣдямъ Христовымъ это слово „Господи Иисусе“ многозначительно, а въ устахъ того, кто живетъ несогласно съ ними, оказывается проклятіемъ (1 Кор. XII, 3): точно такъ же и каждый, *рожденный отъ Бога и грѣха не творящій, потому что онъ состоитъ носителемъ Божественнаго стѣмени*, исключющаго всякій грѣхъ (1 Иоан. III, 9), самими своими дѣлами говоритъ: *Отче нашъ, сущій на небесахъ* (Мѣ. VI, 9; ср. Рим. VIII, 15); а также и другое слово (т. е. выражаетъ самую свою дѣятельностію): *Самъ Духъ свидѣтельствуемъ ихъ духу, что они чада и наследники Божіи, точно такъ же какъ сонаследники и Христу, поелику они съ Нимъ страждутъ*, а такимъ образомъ они имѣютъ и на твердыхъ началахъ обоснованную надежду *съ Нимъ и прославленными быть* (Рим. VIII, 16, 17). Но если, такіе (изъ христіанъ) должны произносить: „Отче нашъ“ съ полнымъ пониманіемъ значенія этого слова, то кромѣ дѣлъ имъ необходимо, чтобы и сердце ихъ въ качествѣ источника и первоосновы добрыхъ дѣлъ *отрихло въ оправ-*

*) И это объясненіе Оригена, совершенно правильное, вполне соответствуетъ мысли апостола. Св. Павелъ въ данномъ мѣстѣ ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду конечно не устами лишь называніе имени Христа Иисуса, а проникнутое вѣрою исповѣданіе Христа за Спасителя.

danis, а въ согласіи съ нимъ и уста то исповѣдыва.ти
ко спасенію (Рим. X, 10).

Итакъ, всѣ дѣла такихъ святыхъ, всѣ ихъ слова и мысли, едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ порождаемыя по Его собственному образу, представляютъ собою образъ невидимаго Бога *) и отражаютъ образъ Творца, Который *повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми, и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ* (Мѡ. V, 45). Удоботкрываемъ оттого въ нихъ образъ съ неба Сшедшаго (т. е. Христа; 1 Кор. XV, 49), Который съ своей стороны тоже есть образъ Бога Отца (Евр. I, 3; Фил. II, 6). Такъ какъ святые **) суть образъ образа Божія, то они носятъ въ себѣ по этому самому и признаки сыновства, по причинѣ жизни въ нихъ того образа, которымъ состоитъ Сынъ; они (святые) единообразны не только съ прославленнымъ тѣломъ Христа, но сообразны Ему. Самому, принявшему тѣло; а именно они въ томъ сообразны Ему, облеченному тѣломъ прославленнымъ, что *преобразуются обновленіемъ ума своего* (Рим. XII, 2) ***).

Если же такіе святые всѣми своими дѣлами и расположеніями говорятъ: *Отче нашъ, сущій на небесахъ*, то ясно, что *творящій грѣхъ* ****), какъ говоритъ Іоаннъ въ своемъ канолическомъ посланіи, *отъ діавола есть, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ* (I Іоан. III, 8) *****).

*) Божественный Спаситель содѣйствуетъ тому, чтобы вѣрующіе въ членіе всаѣ своей жизни были сообразны Ему, а слѣдовательно воплощали бы въ себѣ и образъ Божій, т. е. подражали бы въ своихъ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ свойствамъ Божиимъ. Этими они доказываютъ истинное свое сыновство по отношенію къ Богу; равно какъ съ другой стороны въ этомъ заключается и глубочайшее основаніе, почему мы, сыны Адама, можемъ быть принимаемы Богомъ вмѣсто дѣтей. Это усыновленіе есть не внѣшнее только отношеніе; оно производитъ въ человѣкѣ соотвѣтственный переворотъ, что теперь и доказывается Оригеномъ въ послѣдующемъ.

**) Разумѣются всѣ благочестивые христіане, представляющіе собою отобразъ Христовъ.

***) Этотъ переворотъ, или обновленіе, состоитъ въ томъ, что *всѣмъ членомъ съ его дѣлами христіанннхъ овлекается, а облается въ новое, обновляемо по образу Того, кто создалъ его* (Кол. III, 9, 10).

****) Не какой-нибудь одинъ грѣхъ адъе разумѣется, а грѣхъ обратившійся въ привычку и нзвратншій волю.

*****) Если праведный своими добрыми дѣлами являетъ о себѣ какъ о чадѣ Божиимъ, безусловно добромъ, то совершенно послѣдовательно, чтобы и грѣшникъ своими злыми дѣлами заявлялъ о себѣ какъ о чадѣ зла.

И подобно тому какъ пребывающее въ рожденномъ отъ Бога Божественное сѣмя причиной бываетъ того, что сообразный едиnorodному Сыну Божію не можетъ грѣшнить: такъ въ каждомъ грѣшникѣ есть сѣмя діавола, которое,—доколѣ оно существуетъ въ душѣ,—у него отнимаетъ возможность дѣйствовать добродѣтельно *). Но такъ какъ Сынъ Божій явился, *чтобы разрушить дѣла діавола* (1 Іоан. III, 8), то можетъ чрезъ возвращеніе въ насъ Божественнаго Слова (Христа) то происходитъ, что дѣла діавола (грѣхи) разрушаются, положенное въ насъ злое сѣмя исчезаетъ **), и мы становимся чадами Божіими.

Не должно думать, что только во времена назначенныя для молитвы намъ показано произносить слова молитвы. Правильно понимающій выше изложенное (§ 12) нами объясненіе изреченія: *Молитесь непрестанно* (1 Тес. V, 17) найдетъ, что во всю жизнь свою мы безъ устали должны молиться, говоря: *Отче нашъ, сущій на небесахъ*: должно быть наше жительство отнюдь не на землѣ, а всецѣло *на небесахъ* (Фил. III, 20), этомъ тронѣ Божіемъ, потому что царство Божіе укрѣпляется во всѣхъ въ себѣ носящихъ образъ *съ небесъ Сшедшаго* (1 Кор. XV, 49) ***) и ради того ставшихъ небесными.

§ 23. *Сущій на небесахъ*: подобно тому какъ вообще нельзя представлять себѣ Бога присутствующимъ на одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, подобно этому нельзя представлять себѣ пространственно присутствія Его и на небѣ. Пре-

*) „Божественному сѣмени“, или спасающей благодати, живущей въ праведномъ, соответствуетъ въ грѣшникѣ сѣмя діавола, или злое вождельніе. одерживающее перевѣсъ въ немъ, и добродѣтельную жизнь дѣлающее нравственно невозможною. Злыя пожеланія или труть грѣха, конечно остаются въ человѣкѣ и праведномъ, но подъ вліяніемъ „Божественнаго сѣмени“ имъ можетъ быть погашенъ труть тотъ гораздо легче.

***) „Злое сѣмя“, или злыя пожеланія, при оправданіи ея не исчезаютъ, а лишь ослабляются.

***) Такъ какъ царство Божіе, или небесное царство, уже внутри насъ (Лк. XVII, 21), то постоянно должны мы и жить небесными гражданами. Эта добродѣтельная жизнь и будетъ непрерывнымъ „Отче нашъ“.

бываніе Его тамъ нужно представлять себѣ подѣ образомъ жительства Его во святыхъ. О нѣкоторыхъ антропологізмахъ въ ветхомъ завѣтѣ.

Когда говорится, что Отецъ святыхъ пребываетъ на небѣ, то не нужно это такъ понимать, что Онъ тѣло имѣетъ (описуемъ въ какомъ-либо тѣлесномъ образѣ) и живетъ на небѣ; потому что если бы существо Божіе нужно было представлять себѣ въ извѣстныхъ границахъ или описуемъ въ какомъ-либо ограниченномъ образѣ, то Богъ оказался бы менѣе неба, Его объемлющаго; между тѣмъ какъ должно представлять себѣ, что Онъ невыразимою силою Своего Божества Самъ объемлетъ и поддерживаетъ всю вселенную. И вообще тѣ мѣста (Писанія), которыя по мнѣнію людей простодушныхъ въ буквѣ своей высказываютъ ту мысль, что Богъ обитаетъ на опредѣленномъ мѣстѣ, нужно понимать такъ, чтобы соотвѣтствовали они возвышеннымъ и духовнымъ понятіямъ о Богѣ. Таковы въ Евангеліи Іоанна слѣдующія мѣста: *Предъ праздникомъ Пасхи Іисусъ, зная что пришелъ часъ Его перейти изъ міра сего къ Отцу, (любилъ дѣломъ что) возлюбилъ Своихъ, которые были въ этомъ мірѣ, до конца ихъ возлюбилъ (XIII, 1).* И тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ: *Хотя Онъ зналъ, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога изшелъ и къ Богу отходитъ (XIII, 3).* И нѣсколько позднѣе: *Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: Иду отъ васъ и слова приду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то радовались бы, что Я къ Отцу отхожу (XIV, 28).* И еще нѣсколько далѣе: *А теперь иду къ Пославшему Меня и никто изъ васъ не спрашиваетъ: Куда идешь Ты (XVI, 5).* Если эти мѣста нужно понимать пространственно, то естественно и слѣдующее: *Іисусъ отвѣчалъ и сказалъ къ нимъ: Кто Меня любитъ, тотъ соблюдаетъ слово Мое и Отецъ Мой возлюбитъ его и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ (XIV, 23).* Но это мѣсто нужно понимать безъ сомнѣнія не пространственно же, какъ если бы Отецъ и Сынъ отправились къ тому, кто любитъ слово Іисусово; слѣдовательно, и тѣ мѣста нельзя понимать пространст-

венно *); а выражено ими то лишь, что Сынъ Божій, снизошедшій до насъ и во время Своего пребыванія между людьми сравнительно съ истиннымъ Своимъ достоинствомъ находившійся въ состоянїи уничтоженія, отходилъ изъ сего міра къ Отцу, чтобы, по возвращенїи Иисуса изъ земной, свободно избранной Имъ бѣдности, къ полнотѣ того, что Ему по истинѣ принадлежитъ, и мы Его зрѣли тамъ облеченнымъ въ совершенство, тамъ, гдѣ и мы все получимъ во владѣніе себѣ и отъ всѣхъ недостатковъ освободимся, если выберемъ Его въ путеводители. Это посему не смущаетъ насъ, что Сынъ Божій возвратился къ Отцу, Его пославшему; — что Онъ оставилъ міръ и отошелъ къ Отцу. — И мѣсто въ концѣ Евангелія отъ Иоанна: *Ис. прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Мою* (XX, 17) должны мы стараться понимать болѣе въ таинственномъ смыслѣ: восхождение Сына къ Отцу со священною прозорливостію должны мы понимать болѣе достойнымъ Божества образомъ, такъ, т. е. что это было восхождение болѣе духовное, нежели тѣлесное **).

Это, по моему мнѣнію, нужно было замѣтить по поводу словъ: *Отче нашъ, суицій на небесахъ*, въ опроверженіе несогласнаго съ истиннымъ понятіемъ о Божествѣ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что Онъ обитаетъ *ни небѣ* какъ бы въ какомъ-то опредѣленномъ мѣстѣ и чтобъ никого не ввестъ въ заблужденіе, будто Богъ обитаетъ въ физическомъ пространствѣ ***). Потому

*) Этотъ заключительный выводъ однако же нельзя считать совершенно вѣрнымъ. Между тѣмъ какъ по послѣднему мѣсту Отецъ и Сынъ, несомнѣнно, приходятъ въ душу человека духовно, ранѣе приведенныя мѣста все-таки должны быть понимаемы пространственно, такъ т. е. что вочеловѣчившійся Сынъ Божій по Своему тѣлесному составу и по Своей человѣческой природѣ хотѣлъ и могъ отойти изъ опредѣленнаго мѣста земли, (а въслѣдствїи и отошелъ), въ опредѣленное мѣсто неба.

**) Такимъ объясненіемъ приведеннаго здѣсь мѣста изъ Евангелія Иоанна, мѣста темнаго и толкуемаго разнообразно, Оригенъ нисколько не сдѣлалъ его яснѣе. — Впрочемъ въ данномъ мѣстѣ рѣчь, безъ сомнѣнїя, и ближайшимъ образомъ о восхожденїи на небо и съ тѣломъ.

***) Т. е. заключень въ пространствѣ. Безъ сомнѣнїя, Богъ наполняетъ Собою пространство и по причинѣ Своего вседѣприсутствїя находится на каждомъ мѣстѣ всецѣло; но по причинѣ Своей неизмѣримости Онъ не ограничиваетъ пространство.

что тогда должно было бы для послѣдовательности говорить, что Онъ и тѣломъ облеченъ *); но отсюда вытекаютъ безбожнѣйшія положенія, а именно то воззрѣніе, что Онъ дѣлимъ, матеріаленъ и подлежитъ тлѣнью, потому что каждое тѣло дѣлимо, матеріально и подлежитъ тлѣнью. Или же хвастающіеся ясностію познания и не позволяющіе себѣ опредѣляться лишь чувствами пусть скажутъ намъ, какимъ же еще инымъ условіямъ можетъ подлежать субстанція физическая кромѣ тѣхъ, какимъ подлежитъ матеріальная!

А такъ какъ и до тѣлеснаго явленія Христа многое въ Писаніяхъ повидимому на то указывало, что Богъ обитаетъ въ физическомъ пространствѣ, то нахожу я умѣстнымъ и объ этомъ немного замѣтить, чтобы вывести изъ сомнѣнія тѣхъ, которые въ своемъ непониманіи **) истиннаго содержанія тѣхъ выражений Бога все превосходящаго заключаютъ въ маломъ и тѣсномъ пространствѣ. И первѣе всего говорится въ книгѣ Бытія: *Адамъ и Ева услышали голосъ Господа Бога ходящаго въ рай во время вечерней прохлады и скрылись Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая* (Быт. III, 8). Въ сокровищницу этого мѣста войти не желающихъ, даже и въ двери его не толкающихся. (т. е. не озабочивающихся глубочайшимъ смысломъ этого мѣста), желаемъ мы спросить, могутъ ли они доказать, что Господь Богъ, Онъ, Который *небо и землю наполняетъ* (Иер. XXIII, 24), Онъ, Которому, (по мнѣнію приписывающихъ Богу тѣло), болѣе по тѣлесному Его составу *небо служитъ престоломъ, а земля подножіемъ Его ногъ* (Ис. LXVI, 1; Дѣян. VII, 49), могутъ ли они дока-

*) Это не совсѣмъ такъ, потому что безтѣлесные ангелы и души людей находятся же въ физическомъ пространствѣ и на опредѣленномъ мѣстѣ, хотя они пребываютъ въ немъ, конечно, иначе, нежели тѣла и существа тѣлесныя. Тѣло, находясь въ павѣстномъ мѣстѣ, описуемо, поелику оно сопоставимо сравнительно съ мѣстомъ; объ ангелѣ же нужно сказать лишь то, что онъ находится въ опредѣленномъ какомъ либо мѣстѣ такъ, что въ другомъ мѣстѣ въ это время нѣтъ его. Оттого изъ присутствія Божія на опредѣленномъ мѣстѣ еще не вытекаетъ съ необходимостью, что Богъ и тѣломъ облеченъ.

**) Т. е. антропоморфизмовъ встрѣчающихся во многихъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ Писаній, антропоморфизмовъ для ума не развитаго научнымъ образованіемъ болѣе понятныхъ, чѣмъ понятіи отвлеченныя.

зять, что Онъ по сравненію съ небомъ и цѣлой землей обитаетъ въ столь маломъ пространствѣ, что даже и чувственный *) рай Имъ не наполняется, но настолько превосходитъ Бога своей величиной, что Онъ въ немъ можетъ ходить и шумъ Его шаговъ по нему быть слышимымъ? Но еще нелѣпѣе въ ихъ образѣ пониманія то, что изъ страха предъ Богомъ, проходившимъ мимо, Адамъ и Ева на виду у Него скрылись между деревьями рая, потому что не говорится вѣдь, что хотѣли они скрыться, а говорится, что дѣйствительно скрылись; и потомъ, какъ по ихъ мнѣнію, нужно понимать то, что Богъ обращается къ Адаму съ вопросомъ: *Гдѣ ты* (Быт. III, 9)?

Впрочемъ мы распространились о семъ болѣе при объясненіи книги Бытія; а чтобы и тепѣрь столь важный предметъ не пройти полнымъ молчаніемъ, достаточно будетъ напомнить о словахъ Божіихъ во Второзаконіи: *Буду Я между ними жить и ходить межъ ними **).* Какъ между святыми свойственно Богу ходить, такимъ же, сказать это къ примѣру, хожденіе это было и въ раю, потому что великій грѣшникъ отъ Бога скрывается, отъ Его очей бѣжить и Его присутствія избѣгаетъ ***). Именно по этому и *Каинъ пошелъ отъ лица Господня и поселился въ землю Ноадъ ****), насупротивъ Едема* (Быт. IV, 16). Слѣдовательно, какъ между святыми (на землѣ среди праведныхъ) Богъ живетъ, такъ же точно живетъ Онъ и на небѣ, разумѣть ли подъ святыми cadaго свя-

*) Вместе съ Филономъ, Климентомъ Александрійскимъ и другими Оригенъ, какъ известно, понималъ библейское сообщеніе о раѣ аллегорически: дѣйствительнаго рая, какъ мѣста жительства людей, по этому толкованію, не существовало; а нужно де подъ „раемъ“ разумѣть нравственную природу человѣка.

**) Этого мѣста нѣтъ во Второзаконіи (ср. впрочемъ XXIII, 14), а приводится оно въ 1 Кор. VI, 16, Св. Павелъ заимствовалъ его, кажется, частью изъ Лев. XXVI, 12, частью изъ Иезек. XXXVII, 27. И Оригенъ въ другомъ мѣстѣ (въ комментаріи на Мо.) цитуетъ оное какъ заимствуемое изъ книги Левитъ.

***) По этому объясненію Оригена хожденіе Бога въ раю нужно понимать не такъ, какъ еслибы Богъ дѣйствительно ходилъ по раю и обращался среди прародителей въ видимомъ образѣ, въ принятомъ Имъ на Себя видимомъ тѣлѣ. Но и разсказъ свец. Писанія о томъ, что прародители *скрылись*, нужно понимать лишь о злой ихъ совѣсти и страхѣ ихъ предъ Богомъ.

****) Въ Еврейскомъ текстѣ *Ноадъ*, т. е. въ землѣ „бѣгства“, или „изгнанія“.

того, который *носитъ въ себѣ образъ Небснаго* (1 Кор. XV, 49), или Христа, въ Которомъ всѣ Имъ искупленные становятся свѣтлыми звѣздами неба, или такъ, что Онъ ради свѣтыхъ на небѣ и Самъ живетъ тамъ *). Если же говорится: *Изъ Тебѣ подымаю и очи, живущій на небесахъ* (Пс. СХХІІ, 1); и въ книгѣ Екклесіаста: *Нестыши языкомъ твоимъ слово произнести предъ Богомъ, потому что Богъ на небѣ, горѣ; а ты на землѣ, долу* (V, 1): то хочеть этимъ (Писаніе) указать на различіе существующее между тѣми, которые находятся *въ тьмѣ уничиженномъ* (Фил. III, 21) и Божествомъ, живущимъ среди ангеловъ, возвышенныхъ точно такъ же чрезъ Сына Божія **), и среди святыхъ силъ, или же и во Христѣ Самомъ (Который вѣдь и небомъ называется). Не вѣроятно, что Христосъ-то собственно и служитъ трономъ Отца ***); въ болѣе широкомъ аллегорическомъ смыслѣ Онъ называется вѣдь и *небомъ*, а Его Церковь, называемая *землей*, служитъ *подножіемъ ногъ Его* (Ис. LXVI, 1 и Дѣян. VII, 49).

Мы привели теперь нѣсколько мѣстъ и изъ ветхаго завѣта, лишь мнимо представляющихъ Бога присутствующимъ на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ; привели эти мѣста, чтобы, по мѣрѣ дарованной намъ способности, всѣми мѣрами побудить читателя къ пониманію тѣхъ мѣстъ Божественнаго Писанія, гдѣ оно повидимому учитъ, что Богъ обитаетъ на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, пониманію въ высшемъ и духовномъ смыслѣ.

Это нашли мы нужнымъ замѣтить по поводу словъ *Отче нашъ, сущій на небесахъ*, чтобы различить сущность Божества отъ всѣхъ твореній. Существамъ же,

*) Подъ *небомъ* по Оригену нужно, слѣдовательно, разумѣть или каждаго избраннаго, или Христа, (наравнѣ съ видимымъ небомъ нѣбшаго свѣтлую звѣзду), т. е. всѣхъ спасенныхъ, или, наконецъ, особое мѣсто, гдѣ пребываютъ ангелы и святые. По это мѣсто не есть мѣсто истиннаго присутствія Божія, потому что Богъ присутствуетъ тамъ только потому и потому, покоянику Онъ съ ангелами находится и со святыми.

**) Посредническое служеніе „Спасителя міра“, по Оригену простирается слѣдовательно и на ангеловъ.

***) Ср. Евр. I, 8 и Ис. XLIV, 7, гдѣ о Самомъ Мессіи говорится, что Онъ нѣдетъ престоль.

сущность которыхъ не тождественна съ Божеской, даруетъ Богъ блаженство принимать участіе въ Его славѣ и могуществомъ и, такъ сказать, изливаетъ на нихъ Свое Божество *).

§ 24. *Да святится имя Твое.* Что такое вообще „имя“? Что такое „имя Божіе“? Какъ можно святить „имя Божіе“? Прошенія въ молитвѣ „*Отче нашъ*“ выражены въ формѣ повелительной, употребляемой вмѣсто формы желательной.

Да святится имя Твое (Мѡ. VI, 19; Лк. XI, 2). — Молящійся выражаетъ въ своей молитвѣ частію то, чего еще не получилъ онъ; частію же тѣмъ онъ уже обладаетъ и желаетъ, чтобы то оставлено было за нимъ и на послѣдующее время; здѣсь же буквальный смыслъ словъ сего прошенія, переданныхъ Матѳеемъ и Лукой (согласно другъ съ другомъ), явно повелѣвается намъ просить, чтобы имя Божіе свяtilось, какъ еслибъ оно еще не свяtilось: *да святится имя Твое*. Но какимъ образомъ, быть можетъ спросить кто-нибудь, человѣкъ можетъ о томъ молиться, чтобы имя Божіе свяtilось, какъ если бы оно до того мгновенія не свяtilось? Въ отвѣтъ на сіе мы намѣрены разсудить, какое значеніе имѣетъ имя „отецъ“ и какъ можно „святить“ это имя?

Имя есть такое слово, которымъ обозначается по большей части преимущественное свойство лица, носящаго то имя. Такъ напр., апостоль Павелъ отличается особенными свойствами: частію души, по которымъ онъ таковъ и таковъ; частію же духа **), по которымъ онъ могъ постигать то и то; частію же и тѣла, по которымъ онъ былъ тѣмъ-то и тѣмъ-то. Отличительныя черты этихъ-то свойствъ, которыхъ въ другихъ людяхъ не встрѣчалось, — потому что каждый чѣмъ-нибудь да отли-

*) Оригенъ хочетъ сказать этимъ, конечно, слѣдующее: Хотя намъ и дано право называть Бога „отцомъ“, все-же природа наша и сущность не тождественны съ Божеской подобно какъ природа и сущность истиннаго и дѣйствительнаго Сына Божія; насъ возвышаетъ Богъ и дѣлаетъ причастниками *Своею естествомъ* (2 Петр. I, 4) лишь чрезъ усвоеніе; почему и оказывается необходимымъ различать твореніе отъ Бога.

**) Этимъ выраженіемъ опись очень опредѣлительно предполагается трихотоміи человѣческаго существа; ср. въ §§ 9 и 13.

чается отъ Павла, — и выражены въ словѣ „Павель“. Если же у людей отличительныя ихъ свойства, такъ сказать, измѣняются, то въ совершенномъ согласіи съ этимъ ему перемѣняется по Писанію и имя *). Послѣ измѣненія своихъ свойствъ напримѣръ Аврамъ получилъ имя Авраама (Быт. XVII, 5) **); Симонъ былъ названъ Петромъ (Мк. III, 16; Іоан. I, 42) ***), и Савль, бывший до того времени преслѣдователемъ Иисуса, сталъ называться Павломъ (Дѣян. XIII, 9) ****). Богу напротивъ, Который неколебимъ и неизмѣненъ, свойственно во вѣки нѣкоторымъ образомъ лишь одно и то же имя, встрѣчаемое въ книгѣ Исходъ; это имя: „Суицій“ (III, 14), толкуемое и инымъ подобнымъ образомъ.

Такъ какъ всѣ мы каждый разъ, какъ думаемъ о Богѣ, связываемъ съ этимъ именемъ какія либо опредѣленныя представленія, но представляемъ себѣ подъ этимъ именемъ далеко не все, чѣмъ Богъ есть, — потому что лишь немногіе изъ людей и даже, если я могу такъ выразиться, менѣе чѣмъ немногіе постигаютъ Его во всѣхъ отношеніяхъ особенное существо, — то, конечно, съ нашей стороны справедливо будетъ здѣсь высказать, что правильнѣйшимъ понятіемъ о Богѣ будетъ то, когда особенностями Его будутъ признаваемы творчество и промышленіе, то что Онъ судить, набираетъ и оставляетъ, принимаетъ и отвергаетъ, и каждого по заслугамъ награждаетъ и наказываетъ. Въ такихъ и подобныхъ чертахъ можетъ быть выражено такъ сказать то особенное свойство Божіе, которое по моему пониманію въ священ-

*) Этой перемѣной имени намекъ дѣлается на нѣкоторый родъ возрожденія.

***) Аврамъ, т. е. „возвышенный отецъ“, переименованъ въ Авраама, „отца множества“, когда на 99-мъ году своей жизни онъ избранъ былъ въ праотца многочисленнаго потомства какъ въ смыслѣ обыкновенномъ, такъ и духовномъ.

****) Т. е. „утесомъ“, когда проявилъ онъ ту вѣру, на которой имѣла быть основана Церковь.

*****) Въмѣсто іудейскаго имени „Савль“ (Саулъ) получилъ онъ римское имя „Павель“, чтобы выразить тѣмъ его призваніе быть „апостоломъ языковъ“. Обыкновенно впрочемъ поставляютъ эту перемѣну имени въ связь съ обращеніемъ проконсула Сергія Павла (Дѣян. XIII, 12). Другіе же изъ экзегетовъ полагаютъ, что имя Paulus (отъ pusillus малый) Апостолъ носилъ съ молодыхъ лѣтъ вмѣстѣ съ іудейскимъ своимъ именемъ.

номъ Писаніи означается *именемъ* Божиимъ. Такъ въ книгѣ Исходъ говорится: *Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно* (XX, 7). И во Второзаконіи: *Какъ дождя пусть ожидаютъ слезы моихъ; да возникнетъ росою рѣчь моя; какъ проливной дождь на траву, какъ мятель на луга, потому что я имя Господа призвалъ* (XXXII, 2, 3). И въ Псалмахъ: *Они будутъ вспоминать Твое имя въ родъ и родъ* (XLIV, 18). Кто съ понятіемъ о Богѣ соединяетъ неподобающія вещи, тотъ произноситъ имя Бога Господа напрасно; а кто подобно дождю умѣетъ рѣчью своей оплодотворять души слушателей и предносить имъ слова утѣшенія подобныя росѣ; и въ дальнѣйшемъ назиданіи слушателей изливаетъ на нихъ дождь словъ и возбуждаетъ ими весьма потребную мятель, тотъ можетъ это дѣлать лишь при посредствѣ этого (имени). Признавая, что безъ Бога произвестъ сего онъ не въ состояніи, призываетъ онъ на помощь имя Божіе (что равносильно съ призываніемъ Его Самого), и Богъ даруетъ ему силы для совершенія всего того, о чемъ мы только что сказали. Каждый, наконецъ, объясняющій и Божественное (т. е. свойства Божіи, по Пс. XLIV, 18, равнозначительныя съ именемъ Божиимъ), воспроизводитъ въ своей памяти о семъ предметѣ большее, нежели чему онъ учитъ, хотя бы и казалось, что тайнамъ религіи онъ отъ кого либо научился или хотя бы и думалъ, что самъ дошелъ до нихъ *).

Но прося о томъ, чтобы святилось имя Божіе, молящійся долженъ наблюдать какъ то, что здѣсь сказано (т. е. онъ долженъ быть проникнутъ при молитвѣ пра-

*) Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новымъ важнымъ заблужденіемъ Оригена, съ его вѣрой въ предуществованіе душъ, даже и души Христа. Первоначально всѣ духовная существа,—ангелы, алые духи и души людей,—были совершенно равны другъ другу; только вслѣдствіе добровольнаго отпаденія отъ Бога духи сдѣлались нравственно различными и по степени своей вины заключены были въ различныя матеріальныя тѣла;—человѣческая душа, слѣдовательно, лишь въ наказаніе и для очищенія изгнана въ тѣло; и если при смерти она оказывается еще не вполне чистой, то отсылается въ другое тѣло (это уже душепреселеніе!), впрочемъ не въ тѣло какого либо животнаго. Посему все, что въ настоящей жизни человѣкъ содержитъ изъ высшихъ истинъ, все то есть припоминаніе о томъ, что душѣ было уже извѣстно прежде соединенія ея съ тѣломъ.

вой идеей о Богѣ и понятіе имѣть объ Его свойствахъ), такъ равнымъ образомъ и то, о чемъ въ псалмахъ говорится: *Превознесемъ имя Его вѣмъсть* (XXXIII, 4). Требуемъ симъ (пра)отецъ (Давидъ), чтобы мы предварительно въ полномъ согласіи, *въ однолѣ душь и въ однихъ мысляхъ* (1 Кор. I, 10), возвышались до истиннаго пониманія существенной особенности Божескаго существа, ибо въ этомъ. конечно, состоитъ *превознесеніе имени Божія вѣмъсть*. Если *) кто либо сталъ чрезъ это причастникомъ изліянія Божества, такъ что принятымъ оказался подъ Божественную защиту и такимъ образомъ сталъ побѣждать враговъ, которые теперь не могутъ болѣе радоваться его паденію, то именно превозноситъ онъ это могущество Божіе, котораго онъ сталъ участникомъ, что и выражено въ 29-мъ псалмѣ въ словахъ: *Превознесу Тебя, Господи, что Ты принялъ меня подъ Свою защиту и не далъ возможности врагамъ моимъ торжествовать надо мною* (XXIX, 2). Но Богъ превозносимъ бываетъ, если Ему внутренность наша освящается въ жилище, почему и надписаніе псалма того таково: *Хвалобная пѣнь при освященіи дома Давидова* (XXIX, 1) **).

О прошеніи: *Да святится имя Твое* и о послѣдующихъ, поставленныхъ въ формѣ повелительной, здѣсь нужно замѣтить еще слѣдующее. И переводчики (Семьдесятъ толковниковъ) повелительную форму обыкновенно употребляли вмѣсто желательной, напр. въ Псалмахъ: *Да омьмьютъ (ὀμμήντω) уста живыхъ, которыя противъ праведники говорятъ злое* (XXX, 19) вмѣсто: „о, если бы онѣмъбли (ὀμμήντεν). А также: *Да захватитъ (ἐξερωνήσῃτω) заимодавцу все, что есть у него; да не найдется (βκρηξῆτω) помогающаго ему* (CVIII, 11; 12), какія фразы въ

*) Начиная съ сего слова говорителъ прииѣрнымъ образомъ о Божескихъ свойствахъ, о которыхъ мы должны составить себѣ понятіе прежде чѣмъ прославлять Бога; такъ напр. должны знать нѣчто о Его всемогуществѣ.

** По Оригену смыслъ перваго прошенія „молитвы Господней“ слѣдовательно таковъ: „Дай мнѣ, Господи, и всѣмъ людямъ со мною разумѣть право Твои свойства и совершенства, дабы вслѣдствіе этого познанія мы могли въ храмѣ нашего сердца Тебѣ воздвигнуть алтарь и тамъ Тебѣ поклониться и Теби прославлять“.

псалмъ 108-мъ высказаны объ Иудѣ, потому что весь псаломъ есть не что иное какъ молитва, чтобы на Иуду обрушились то такія, то иныя несчастія.

А такъ какъ Татіанъ *) не зналъ, что чрезъ γενηθήτω (да будетъ) не каждый разъ обозначается желаніе, а часто и повелѣніе, то пришелъ онъ къ весьма нечестивому мнѣнію, будто словами: *Да будетъ* (γενηθήτω) *свѣтъ* (Быт. I, 3) не повелѣніе выражено, а желаніе, чтобы произошелъ свѣтъ; потому что, — говоритъ онъ въ своемъ нечестивомъ образѣ мыслей, — Богъ былъ до того времени во тьмѣ. На это ему можно возразить: Какъ же онъ будетъ толковать потомъ слѣдующія выраженія: *Да произраститъ* (βλαστήσάτω) *земля траву на кормъ* (Быт. I, 11); и: *Да соберется* (συναχθήτω) *вода, которая подъ небомъ* (Быт. I, 9); и: *Да произведетъ* (ἐξαγαγέτω) *вода живыхъ пресмыкающихся животныхъ* (Быт. I. 20); и: *Да произведетъ* (ἐξαγαγέτω) *земля живыя существа* (Быт. I, 24)? Оставаясь себѣ самому послѣдовательнымъ, Татіанъ не желаетъ ли ужъ утверждать, что и къ водѣ, что подъ небомъ Богъ предъявлялъ желаніе, чтобы она собралась въ одно мѣсто? Или не для того ли ужъ выражалъ Онъ желаніе: *Да произраститъ земля* (Быт. I, 11), чтобы отъ произрастений ея вкушать? И если свѣтъ Богу необходимъ былъ, то что за необходимость надлежала Ему желать отъ земли произведенія ея водныхъ животныхъ, воздушныхъ и на сушѣ? Но если (Татіанъ) навязывать Богу желаніе такихъ вещей сочтетъ, конечно, нелѣпостью. хотя выраженія эти стоятъ тоже въ повелительной формѣ, то почему же и о словахъ: *Да будетъ свѣтъ* (Быт. I, 3) нельзя утверждать подобнаго же, т. е. что здѣсь не желаніе выражено, а повелѣніе?

Это счелъ я за необходимое, — такъ какъ „молитва Господня“ предложена намъ въ повелительной формѣ, —

*) Сирининъ и ученикъ св. Иустина философа, род. 130 г. по Р. Хр. Въ качествѣ апологета христіанства онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность; къ сожалѣнію еще большую извѣстность получилъ по смерти своего учителя (+ 166) явивши въ гностицизмъ и сдѣлавшись основателемъ собственной гностической секты съ ригористическими правилами, получившей названіе Энkratитовъ, или Гидропарастовъ.

напомнить о ложномъ толкованіи (нѣкорыхъ мѣстъ Писанія Татіаномъ) ради тѣхъ, которыхъ и мы нѣкогда знали, но которые имъ введены были въ заблужденіе и приняли его нечестивое ученіе.

§ 25. *Да придетъ царствіе Твое.* Подъ этимъ царствомъ нужно разумѣть царство Божіе внутри праведнаго, гдѣ властвуетъ Богъ (Отецъ и Сынъ), подобно тому какъ въ сердцѣ грѣшника господствуютъ сатана и грѣхъ.—Это и предшествующее прошенія должны бы мы постоянно повторять, потому что имя Божіе на землѣ никогда совершеннымъ образомъ не святится, и царство Божіе никогда въ соверщенствѣ не наступаетъ. А такъ какъ царство Божіе и царство грѣха одно подлѣ другого существовать не могутъ, то должны мы неутомимо бороться противъ грѣха.

Да придетъ царствіе Твое (Мѡ. VI, 10; Лк. XI, 2).—Если *царство Божіе*, по слову нашего Господа и Спасителя, *приходитъ не съ внешней пышностью и нельзя сказать: вотъ оно здѣсь, или вотъ тамъ; если царство Божіе въ нашей внутренности* (Лк. XVII, 20, 21),—потому что *очень близко къ намъ слово сіе; оно въ нашихъ устахъ и въ нашихъ сердцахъ* (Втор. XXX, 14; ср. Рим. X, 8—10),—то молящійся о царствѣ Божіемъ очевидно съ правомъ молится о томъ, чтобы востало въ немъ царство Божіе, принесло бы плодъ и развилось до совершенства. Каждый свитой находится подъ властію Божіей и послушенъ духовному закону Божію (въ противоположность закону плоти; ср. Рим. VII, 23), и Богъ обитаетъ въ немъ какъ бы въ хорошо устроенномъ гусударствѣ: пребываетъ въ немъ Отецъ, а вмѣстѣ съ Отцомъ владычествуетъ въ совершенной душѣ и Христось; какъ свидѣтельствуютъ о томъ выше приведенныя слова Его: *Прійдемъ къ нему и обитель у него соорудимъ* (Іоан. XIV, 23). По моему мнѣнію подъ царствомъ Божіимъ *) нужно разумѣть то счастливое состо-

*) Т. е. собственно царствомъ Отца; но какъ святи. Писаніе, такъ и преданіе Отца со Христомъ любятъ отождествлять подъ однимъ именемъ „Бога“.

лпіе разума, когда его мысли упорядочены и проникнуты мудростію; а подѣ царствомъ Христовымъ нужно разумѣть слова, высказанныя для спасенія слушателей и исполненныя дѣла праведности и прочихъ добродѣтелей: ибо Сынъ Божій есть *слово* (Іоан. I, 1) и *праведность* (1 Кор. I, 30) *). Каждый грѣшникъ, напротивъ, находится подѣ властію князя сего міра, потому что каждый грѣшникъ принадлежитъ къ настоящему злomu міру какъ не предающій себя Тому, *Который предалъ Самого Себя за насъ грѣшниковъ, чтобы спасти насъ отъ настоящаго злого міра, спасти по волю Бога и нашего Отца*, какъ говорится о семъ въ посланіи къ Галатамъ (I, 4). Но кто чрезъ умышленное пребываніе во грѣхахъ остается подѣ властію князя этого міра, тотъ находится во власти и грѣха. Посему наставляемые Павломъ не будемъ работать грѣху, приглашаетъ же апостоль насъ къ этому словами: *И такъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ васемъ тѣлѣ, чтобы вы не повиновались ему въ похотлѣхъ* (Рим. VI, 12).

Все-же относительно обоихъ прошеній: *Да святится имя Твое* и: *Да придетъ царствіе Твое* (Мѣ. VI, 9; Лк. XI, 2), быть можетъ кто нибудь возразить: Если молящійся молится въ надеждѣ услышаннымъ быть и разъ выслушивается, то послѣ только что сказаннаго очевидно, что имя Божіе, значить, уже святится молящимся и даруется ему часть въ царствѣ Божіемъ. А если онъ успѣваетъ въ этомъ, то удобно ли ему послѣ сего молиться снова о томъ, что онъ уже имѣетъ, какъ если бы того опъ еще не имѣлъ,—молиться и говорить: *Да святится имя Твое; да придетъ царствіе Твое?* Потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сообразнѣ ли эти прошенія; *Да святится имя Твое; да придетъ царствіе Твое* оставлять?

На это отвѣчаемъ. Подобно тому какъ тотъ, кто молится о *словѣ мудрости и знанія* (1 Кор. XII, 8), съ

*) Владычество въ царствѣ Божіемъ,—въ человѣческой думѣ,—Божескимъ лицамъ, приписывается слѣдовательно по закону апроприации, или присвоенія: Отцу, какъ первоисточнику Сына, приписывается владычество надъ разумомъ и надъ мыслями, этимъ первоисточникомъ словъ и дѣлъ.

удобствомъ и всегда о томъ молиться можетъ, потому что въ случаѣ исполненія его молитвы постоянно онъ болѣе понятій приобрѣтаетъ о мудрости и наукѣ, а все, постигаемое здѣсь на землѣ, *познается* имъ лишь *отчасти* (1 Кор. XIII, 9),—потому что *совершенное*, предъ которымъ несовершенное исчезнетъ, откроется только тогда, когда духъ узритъ духовное *лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12) помимо чувственного воспріятія:—точно такъ же и каждому изъ насъ невозможно святить имя Божіе совершеннымъ образомъ и совершенное же принимать участіе въ Его царствѣ, если уже въ наукѣ и мудрости, но безъ сомнѣнія и въ прочихъ добродѣтеляхъ, *совершенное* только еще *настанетъ* (1 Кор. XIII, 10). Къ совершенному мы стремимся, если того *домогаемся что предъ нами, а что позади насъ то если забываемъ* (Фил. III, 13). Слѣдовательно, если мы неутомимо простираемся впередъ, то царство Божіе своего высшаго пункта тогда въ насъ достигнетъ, когда исполнится слово апостола, что Христосъ послѣ покоренія всѣхъ Своихъ враговъ *передастъ царство Богу Отцу, да будетъ Богъ все и во всемъ* (1 Кор. XV, 24, 28).—Потому будемъ въ неустанной молитвѣ, въ душевномъ состояніи чрезъ Сына Божія обожествленномъ *), взывать къ нашему небесному Отцу: *Да святится имя Твое; да придетъ царствіе Твое.*

Далѣе относительно царства Божія нужно еще и слѣдующее имѣть въ виду. Подобно тому, какъ *праведность и беззаконіе не имѣютъ между собою ничего общаго, святъ несоединимъ со тьмою, и Христосъ не единомысленъ съ вельмаромъ* (2 Кор. VI, 14, 15) **): точно такъ же не можетъ существовать рядомъ съ царствомъ Божіимъ и царство грѣха. Оттого, если мы состоимъ подъ властію Божіею, то *грѣхъ* никакимъ образомъ *не можетъ царствовать въ смертномъ тѣлѣ нашемъ* (Рим. VI, 12)

*) Чрезъ посредуемое Христомъ возрожденіе мы нѣкоторымъ образомъ ствновимся *причастниками Божескаго естества* (2 Петр. I, 4) и „обожествляемся“, такъ что по истинѣ мы въ состояніи тогда бываемъ называть Бога нашимъ „Отцомъ“.

**) Обыкновенно пишется „Беліаль“, какіе звуки свойственны этому слову я въ еврейскомъ языкѣ (2 Царствъ XXII, 5).

и уже не имѣемъ мы права слѣдовать его повелѣніямъ, какъ скоро онъ хочетъ склонить нашу душу къ плотскимъ и Богопротивнымъ дѣламъ: напротивъ, должны мы *земные чины умерщвлять* (Кол. III, 5), и такимъ образомъ приносить *плоды духа* (исчисленные въ посл. къ Гал. V, 22, 23), при чемъ Господь въ насъ ходитъ какъ бы въ духовномъ раѣ и одинъ только Онъ надъ нами владычествуетъ со Своимъ помазанникомъ, въ насъ сѣдящимъ одесную той духовной силы *), которую мы желаемъ получить; Онъ и будетъ возсѣдать тамъ, доколѣ всѣ Его враги въ насъ **) не падутъ *къ подножію ногъ Его* (Ис. СІХ, 1; 1 Кор. XV, 25; Евр. X, 12, 13) и не *упразднится въ насъ всякое начальство и всякая власть и сила* (1 Кор. XV, 24). Возможно, что и въ каждомъ изъ насъ *послѣдній врагъ*, т. е. *смерть, истребитя* (1 Кор. XV, 26), такъ что и въ насъ Христосъ будетъ говорить: *Смерть, гдѣ твоо жало? Адъ, гдѣ твоа побѣда* (1 Кор. XV, 55; Ос. XIII, 14).—Уже теперь тлѣнное въ насъ должно, слѣдовательно, облекаться святостью и нетлѣніемъ, состоящими въ цѣломудріи (Мѡ. XXII, 30) и полной чистотѣ; и смертное, по уничтоженіи смерти, должно облекаться безсмертіемъ Отца (1 Кор. XV, 53), такъ что, состоя подъ владычествомъ Божиимъ, мы уже теперь располагаемъ преимуществами возрожденія ***) и воскресенія.

§ 26. *Да будетъ воля Твоя и на землю, какъ на небо.* Въ этихъ словахъ выражается прошеніе: 1) чтобы воля Божія нами, жителями земли, точно такъ же была исполняема, какъ и небожителями, (къ которымъ злыхъ духовъ въ небесныхъ странахъ однакоже нельзя причислять); или 2) чтобы она была исполняема сочленами Церкви, какъ и Христомъ; или, наконецъ, 3) чтобы она была исполняема на

*) Т. е. одесную всемогущаго Бога Отца (Евр. X, 12).

**) Т. е. различныя злыя пожеланія, которыя остаются въ человѣкѣ и по оправданіи его. Они называются врагами Христа, потому что они соблазняютъ людей ко грѣху, и такимъ образомъ отъбѣгаютъ Христа съ Его владычествомъ надъ душой.

***) Подъ «возрожденіемъ» разумѣется здѣсь полное преображеніе и очищеніемъ слѣдовать нѣкогда воскресеніи (Мѡ. XIX, 28).

землѣ какъ тѣми изъ людей, которые небесно построены, такъ и тѣми, которые думаютъ лишь о земномъ.

Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ (Мѣ. VI, 10).—Лука, опуская эти слова, послѣ *Да придетъ царствіе Твое*, переходитъ прямо къ *Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день* (XI, 3). Вышеприведенныя же слова передаются только Матѳеемъ; здѣсь мы рассмотримъ ихъ въ связи съ предшествующими.

Такъ какъ мы, моляшіеся, пребывающіе еще здѣсь на землѣ, знаемъ, что воля Божія исполняется всѣми небожителями, то и молимся о томъ, чтобы она и на землѣ во всемъ была исполняема точно такимъ же образомъ. А это будетъ тогда, когда ничего мы не будемъ дѣлать вопреки волѣ Божіей. Если же воля Божія и нами на землѣ столь же точно будетъ исполняема, какъ это происходитъ на небѣ, то будемъ мы походить на небожителей, потому что подобно имъ тогда мы будемъ носить въ себѣ *образъ Небеснаго*, (1 Кор. XV, 49; т. е. Христа, Который во всемъ послушенъ былъ волѣ небеснаго Отца, (Іоан. IV, 34; V, 30), и наслѣдуемъ *небесное царство* (Мѣ. VII, 21); а когда (нѣкогда) мы переселимся на небо, тогда опять наши потомки на землѣ будутъ молиться, чтобы имъ походить на насъ.

Впрочемъ, это выраженіе *какъ на небѣ, такъ и на землѣ* можетъ быть принято,—конечно только у Матѳея,—и за общее, (т. е. за относящееся къ каждому изъ трехъ первыхъ прошеній), такъ что молясь мы могли бы говорить такъ: *Да святится имя Твое и на землѣ, какъ на небѣ; да придетъ* (къ намъ) *царствіе Твое и на землѣ, какъ на небѣ; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ*. Небожителями имя Божіе вѣдь уже святится; царствіе Божіе для нихъ вѣдь уже наступило; воля Божія ими вѣдь уже исполняется. Намъ же на землѣ еще недостаетъ всего этого; мы можемъ принимать участіе во всемъ этомъ лишь въ томъ случаѣ, если оказываемся того достойными, чтобы Богъ выслушивалъ наши молитвы о всемъ этомъ.

Но кто нибудь по поводу выраженія: *Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ*, быть можетъ, предложитъ такой вопросъ: Какъ можетъ быть исполняема воля Божія на небѣ, когда тамъ *духи злобы* (Еф. VI, 12) есть, изъ за которыхъ *мечъ Божій и на небѣ* (кровію) *упивается* (Ис. XXXIV, 5) *)? И если мы молимся, чтобы воля Божія и на землѣ точно такъ же была исполняема, какъ и на небѣ это происходитъ, то не молимся ли тогда мы и о томъ, сами того не сознавая, чтобы враждебныя намъ силы пребывали и на землѣ, куда онѣ приходятъ съ неба, потому что на землѣ многіе именно изъ за того порочно и живутъ, что попадаютъ подъ власть небесныхъ духовъ злобы?—Но кто *небо* (въ мѣстѣ изъ Ис. LXVI, 1) понимаетъ образно и разумѣетъ подъ нимъ Христа, а подъ *землею* Церковь,—ибо какой же *тронъ* можетъ быть достойнѣе Отца, какъ не Христосъ; и чему естественнѣе быть *подножіемъ ногъ Божиихъ* какъ не Церкви,—тотъ съ легкостію разрѣшитъ этотъ вопросъ и скажетъ: поэтому-то и должно молиться, чтобы каждый сочленъ церкви такъ же исполнялъ волю Отца, какъ исполнялъ ее Христосъ, Который пришелъ *творить волю Своего Отца* (Іоан. VI, 38) и *совершилъ ее вполне* (Іоан. XVII, 4). Кто Ему (Христу) преданъ, тотъ проникнуть будетъ единымъ духомъ съ Нимъ, и вслѣдствіе этого будетъ исполнять волю (Отца), такъ что тогда она и на землѣ подобнымъ же образомъ будетъ исполняться, какъ и на небѣ, потому что *преданный Господу становится*, по Павлу, *одинъ духъ съ Нимъ* (1 Кор. VI, 17). И я полагаю, это объясненіе не покажется тому невѣрнымъ, кто обсудитъ его тщательнѣе **). А къмъ оное будетъ отринуту, тому можно указать на то, что въ заключеніи этого Евангелія, (въ которомъ находится

*) Духи, исполняющіе волю Божію далеко не точно, такъ что вызываютъ своимъ непослушаніемъ кровавую месть со стороны Бога.

**) Это объясненіе Оригеномъ Ис. LXVI, 1 въ примѣненіи къ 3-му прошенію „молитвы Господней“ вкороткѣ можетъ быть передано такъ: *Да исполняется воля Твоя какъ на небѣ*, т. е. Христомъ, Который можетъ быть принимаемъ за престоль, или тронъ Божій (у Ис. LXVI, 1 тронъ=небо); *такъ и на землѣ*, т. е. церковію, или послѣдователями Христа, которые единого духа съ Нимъ.

обсуждаемое прошеніе молитвы „Отче нашъ“, т. е. Евангелія отъ Матѳея), Господь сказалъ по воскресеніи Своимъ ученикамъ: *Дана Мнѣ всякая власть на небѣхъ *) и на землѣ* (Мѳ. XXVIII, 18). „Ко власти надъ небожителями, говоритъ Онъ, получилъ Я власть и надъ жителями земли“. Небожители просвѣщены были Сыномъ Божиимъ ранѣе **); но *въ по.тому времени* (Еф. I, 10; Гал. IV, 4), вслѣдствіе данной Сыну Божию власти, и жители земли подражать стали господствующему на небѣ нравственному порядку, на восстановленіе котораго Спаситель получилъ полномочіе. Онъ принимаетъ къ Себѣ учениковъ нѣкоторымъ образомъ, слѣдовательно, въ качествѣ соработниковъ, Его поддерживающихъ своими молитвами къ Отцу о томъ, чтобы по силѣ данной Ему, Христу, власти какъ надъ небомъ, такъ и надъ землею, Ему дано было полномочіе привести въ порядокъ и земное подобнымъ же образомъ, какъ покорено Ему небесное; и такимъ образомъ могъ бы Онъ привести дѣло къ счастливой для покорившихся Ему цѣли ***). Но кто подъ *небомъ* разумѣетъ Спасителя, а подъ *землей* Церковь, и утверждать будетъ, что небо есть *Первородный всѣхъ твари* (Кол. I, 15), на которомъ Отецъ покоится какъ на тронѣ, тотъ скажетъ, что человѣкъ, (т. е. человѣчская природа Христа), Котораго Онъ (первородный или едиnorodный Сынъ небснаго Отца) принялъ и ради Своего уничтоженія и Своего послушанія (во образѣ Котораго) даже до смерти (Фил. II, 8) надѣленъ былъ тѣмъ могуществомъ, тотъ скажетъ, что именно этотъ человекъ въ Немъ говорилъ по воскресеніи: *Дана мнѣ всякая власть на небѣхъ и на землѣ* (Мѳ. XXVIII, 18), по-

*) Но здѣсь-то именно *небо* и различается отъ Христа.

**) Подъ этимъ „просвѣщеніемъ“ нужно разумѣть, конечно, всю дѣятельность Спасителя въ отношеніи ангеловъ. И дѣятельность Его въ отношеніи людей часто называется *просвѣщеніемъ*, какъ напр. у Іоан. I, 9; III, 19; Евр. VI, 4 и X, 32.

***) Другими словами: Подобно тому какъ исполняется воли Божія небожителями, благодаря дѣятельности Сына Божія, такъ она должна быть людьми исполняема и на землѣ, благодаря посредству вочеловѣчившагося Спасителя, дѣло Котораго мы поддерживаемъ молясь: *Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ*.

тому что въ качествѣ человѣка Спаситель получилъ власть надъ небожителями равную власти надъ ними Единороднаго, такъ что человѣкъ въ Спасителѣ эту власть раздѣляетъ съ Единороднымъ, тотъ человѣкъ, который тѣснѣйшимъ образомъ соединился съ Его Божествомъ и образуетъ съ Нимъ только одно лицо *).

А такъ какъ другое объясненіе, (по которому небо не аллегорически должно быть понимаемо, а буквально), еще не разрѣшаетъ сомнѣнія, какъ воля Божія можетъ исполняться на небѣ, когда *духи злобы* въ странахъ *неба* состоятъ въ борьбѣ съ жителями земли (Еф. VI, 12), то вопросъ съ этой точки зрѣнія можетъ быть разрѣшенъ и слѣдующимъ образомъ: Подобно тому какъ тотъ, кто еще на землѣ пребываетъ, имѣя свое *отечество на небѣ* (Фил. III, 20), *себѣ сокровища собираетъ на небѣ* (Мѡ. VI, 20), имѣетъ сердце на небѣ и *носитъ въ себѣ образъ Небснаго*, (т. е. становится Христу сообразнымъ; 1 Кор. XV, 49), подобно тому какъ такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не въ разсужденіи мѣста на землѣ не относится и не принадлежитъ къ міру низшему, а, конечно, по направленію жизни принадлежитъ небу и относится къ лучшему, небесному міру: точно такъ же и духи злобы, пребывающіе въ странахъ неба, свое же отечество имѣющіе на землѣ, чрезъ преслѣдованіе людей борющіеся съ ними, *собирающіе себѣ сокровища на землѣ* (Мѡ. VI, 19) и *нослящіе въ себѣ образъ земнаго* (1 Кор. XV, 49), — который есть *начало творчества Божьяго, созданный на поспѣшище ангеламъ* (Іов. XL, 14) **), — не небесные суть духи, и по причинѣ злыхъ своихъ расположеній еще не могутъ быть считаемы за живущихъ на небѣ ***). Посему если говорится: *Ди будетъ воля Твоя*

*) "Καὶ ἐνοόμενος αὐτῷ". Замѣчательное свидѣтельство о внѣстасномъ соединеніи двухъ естествъ (природъ) во Христѣ.

**) Подъ „земнымъ“, или „перстнымъ“ Оригенъ здѣсь разумѣетъ вѣронтно бегемота или левиаана (Іов. XL, 10—27; XLI, 1—26), которые многими отцами церкви и истолкователями Писаній считаются за образъ сатаны.

***) По этому мнѣнію Оригена падшіе ангелы, „духи злобы“ на небѣ, лишь изъ за своего извращеннаго образа расположеній не могутъ быть причисляемы къ небожителямъ. Это, несомнѣнно, должно. Злые ангелы тотчасъ по своему паденіи съ неба были свергнуты (2 Петр. II, 4; Іуд. 6; Апок. XII,

и на землю, какъ на небо, то тѣхъ духовъ злобы, которые чрезъ гордость отпали (отъ Бога) вмѣстѣ со *снадимъ съ неба подобно молнии* (Лк. X, 18) (сатаню), не нужно причислять къ небожителямъ.

Можетъ быть и нашъ Спаситель заповѣдію о томъ молиться, чтобы воля Отца исполнялась и на землѣ такъ же, какъ она исполняется на небѣ, не за живущихъ въ какомъ либо мѣстѣ земли повелѣлъ молиться, чтобы они сдѣлались подобными находящимся въ какомъ либо мѣстѣ неба, но хотѣлъ молитвѣ лишь тотъ предметъ указать, чтобы все земное, т. е. злое и земнымъ вещамъ сродное, походило на доброе, имѣющее свою отчизну на небѣ (Фил. III, 20), дабы все стало небомъ *). Грѣшникъ есть земля, которой онъ всегда и останется; и возвратится онъ нѣкоторымъ образомъ къ своему происхожденію, если не обратится, (т. е. превратится въ пыль, если не покается: и останется въ состояніи не преображенномъ); а кто волю Божию творитъ и слѣдуетъ спасительнымъ духовнымъ законамъ, тотъ есть небо.—Пусть по причинѣ грѣховъ своихъ оказываемся мы землей; по этому-то и должны молиться, чтобы и на насъ воля Божія относительно нашего улучшенія точно такъ же простиралась, какъ она начала уже дѣйствовать въ тѣхъ, которые прежде насъ небомъ стали или оказываются небомъ; или положимъ, что мы числимся у Бога принадлежащими уже къ небу, а не къ землѣ: въ такомъ случаѣ молиться мы должны о томъ, чтобы какъ на небѣ исполняется воля Божія, точно такъ же она исполнялась бы и на землѣ; я разумѣю, въ злыхъ людяхъ, которые могли бы, такъ сказать превратиться въ небо, такъ что на землѣ

7—9). Конечно не всѣ они находятся постоянно въ аду; но по свидѣтельству апостола (Еф. II, 2; VI, 12) и окружающая нашу землю атмосфера служитъ мѣстопребываніемъ для злыхъ духовъ, хотя это и не единственное или не обычное и не естественное мѣстопребываніе ихъ.—Занимающая Оригена трудность всего проще можетъ быть разрѣшена конечно такъ: Дуки злобы находятся не на небѣ, а подъ небомъ, на землѣ.

*) Пониманіе Оригеномъ 3-го прошенія „молитвы Господней“ посему вкороткѣ можно передать такъ: Да исполняется воля Твоя на землѣ, т. е. грѣшными на ней людьми, такъ же, какъ она исполняется и на небѣ, т. е. живущими на землѣ добрыми людьми.

не было бы болѣе и земли, а все стало бы небомъ. Если бы по этому истолкованію воля Божія и на землѣ точно такъ же была исполняема, какъ исполняется она на небѣ, то земля не осталась бы и землей, потому что,—уясняя сіе другимъ примѣромъ,—если бы воля Божія, безпутнымъ человѣкомъ была такъ же исполняема, какъ она исполняется воздержнымъ, то безпутные обратились бы въ воздержныхъ; или если бы воля Божія, какъ она исполняется праведнымъ, исполнялась и неправеднымъ, то неправедные превратились бы въ праведныхъ. Оттого если воля Божія исполняется и на землѣ такъ же, какъ и на небѣ, то всѣ мы станемъ небомъ; потому что хотя *плоть, которая не пользуетъ ни мало* (Іоан. VI, 63), и сродная ей *кровь царства Божія наслѣдовать не могутъ* (1 Кор. XV, 50), все-же то должно быть сказано, что оно и тѣми наслѣдуется, кто свой плотъ и землю, персть и кровь превратили въ субстанцію небесную *).

§ 27. *Хлѣбъ нашъ насущный, дай намъ на сей день.*—Подъ *хлѣбомъ* здѣсь слѣдуетъ разумѣть не тѣлесную пищу, а пищу души. Этой пищей для души служитъ слово Божіе и святая евхаристія. Конечно не годится одинаковая душевная пища какъ для несовершенныхъ, такъ и для совершенныхъ. Но даже и простѣйшія истины Божественнаго откровенія составляютъ для души пищу превосходнѣйшую, нежели остроумнѣйшія лжеученія.—Этимъ хлѣбомъ души, который называется также „древомъ жизни“ и „мудростію“, поддерживаются основы человѣческаго существа, (субстанція его);—потому что имъ поддерживается здорова и сильною духовная сущность человѣка, а именно душа. Эта душевная наша пища обща намъ съ ангелами; оттого и ангелы могутъ отъ насъ получать эту пищу, подобно тому какъ и мы въ свою очередь можемъ быть духовно питаемы добрыми и злыми ангелами и нашими ближ-

*) Поколицу чувственныхъ стремленія и плотскія пожеланія (Гал. V, 16, 17 въ себѣ: подавляютъ, и такимъ образомъ преобразуются во образъ *Небеснаго* (1 Кор. XV, 49). Ср. родственныя сей мысли въ концѣ предшествующаго §.

ними.—Посему мы молимъ Бога, чтобы Онъ только что названный *хлѣбъ* далъ намъ *на сей день*, т. е. на настоящую жизнь, или на текущій періодъ времени, и чтобы Онъ подавалъ намъ оный *ежедневно*, т. е. въ періоды времени послѣ этой земной жизни, когда Богъ окажется чрезвычайно милосерднымъ и отпустить грѣхи даже противъ Святого Духа. Наконецъ мы называемъ этотъ хлѣбъ *нашимъ*, потому что святымъ все принадлежитъ.

Хлѣбъ нашъ насущный *) дай намъ на сей день (Мѡ. VI, 11), или, какъ Лука передаетъ: *хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на каждый день* (Лк. XI, 3).—Такъ какъ многіе держатся того мнѣнія, будто въ этихъ словахъ намъ предложено молиться о хлѣбѣ тѣлесномъ, то дѣло стоитъ того, чтобы въ послѣдующемъ показать лживость **) этого мнѣнія и развить правильное относительно *насущнаго хлѣба*.

Можно имъ на это такъ возразить: Какимъ же образомъ Повелѣвшій молиться Отцу о небесномъ и великомъ (ср. въ §§ 14 и 16) могъ заповѣдь дать молиться Отцу о земномъ и о пустякахъ, какъ если бы, по ихъ пониманію, забылъ Онъ то, чему училъ, потому что ни подаваемый намъ (обыкновенный) хлѣбъ, необходимый для поддержанія въ насъ тѣлесной жизни, не есть хлѣбъ небесный, ни молитва о немъ не есть молитва о чемъ

*) Ἐπιούσιος. — Трудно опредѣлять въ точности значеніе этого слова, потому что за исключеніемъ двухъ мѣстъ, у Мѡ. VI, 11 и Лк. XI, 3 во всей греческой литературѣ его не встрѣчается нигдѣ; къ тому же оно допускаетъ различныя производствъ. Оттого и переводятъ это слово и объясняютъ различно. Особенно явно сказалось затрудненіе при переводѣ сего слова въ Вулгатѣ, гдѣ оно, будучи однимъ и тѣмъ же, одинъ разъ (Мѡ. VI, 11) передано чрезъ *supersubstantialis* (сверхъестественный), а другой разъ (Лк. XI, 3) чрезъ *quotidianus* (ежедневный). Удобнѣе всего это слово, конечно, считать сложеннымъ изъ ἐπί и οὐσία (родственнаго съ εἶναι) и переводить: „хлѣбъ, имѣющій соотношеніе съ нашимъ существованіемъ, бытіемъ, жизнью“; это хлѣбъ существенно необходимый для жизни какъ тѣлесной, такъ и душевной, подъ которымъ должно разумѣть первѣе всего тѣлесную пищу, потомъ слово Божіе и наконецъ св. евхаристію. Наше русское слово *насущный* точно соответствуетъ подлинному слову.

**) Что же тутъ лживаго: молиться словами этого прошенія „молитвы Господней“ о дарованіи намъ и тѣлеснаго пропитанія?

либо великомъ? Слѣдуя за Учителемъ, поэтому мы обстоятельно разслѣдуемъ, какъ Онъ училъ о хлѣбѣ.

Къ тѣмъ, которые пришли въ Капернаумъ, чтобы отыскать Его, у Иоанна говоритъ Онъ такъ: *Истинно, истинно говорю вамъ: Вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, а потому что яли хлѣбъ и насытились* (Иоан. VI, 26). Кто отъ благословенныхъ Иисусомъ хлѣбовъ ѣлъ и насытился, тотъ чувствуетъ въ себѣ сильнѣйшее желаніе ближе узнать Сына Божія и спѣшнѣе къ Нему. Оттого даетъ Онъ превосходную заповѣдь въ словахъ: *Старайтесь не о преходящей пищѣ, а о пищѣ остающейся для жизни вѣчной, которую даетъ вамъ Сынъ Человѣческій* (Иоан. VI, 27). А когда затѣмъ слушатели, спрашивая Христа, говорили: *Что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи*, (т. е. дѣла Богу угодныя), *то Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: Вотъ дѣла Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ* (Иоан. VI, 28, 29) *). Но послалъ Богъ, какъ написано въ псалмѣ, *Свое Слово и ихъ исцѣплялъ* (Пс. CVI, 20), т. е. больныхъ; и тѣ, кто вѣритъ этому Слову, тѣ творятъ дѣла Божіи, представляющія собою *пищу* **) *остающуюся для вѣчной жизни* (Иоан. VI, 27). *И истинный хлѣбъ небесный*, (который долженъ быть различаемъ отъ манны, бывшей лишь прообразомъ дѣйствительнаго небеснаго хлѣба), говоритъ Онъ, *даетъ вамъ Мой Отецъ, ибо хлѣбъ Божій есть Тотъ, Который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь міру* (Иоан. VI, 32, 33). Но этотъ истинный хлѣбъ есть тотъ, которымъ питается истинный, созданный по образу Божію, человекъ (Кол. III, 10, т. е. главнѣйшая составная часть человѣческаго существа,

*) Ветхимъ завѣтомъ требовалось отъ человека добросовѣстное исполненіе разнообразныхъ дѣлъ закона; новый завѣтъ требуетъ ближайшимъ образомъ открытой, свободной вѣры въ Спасителя; это первое предъ Богомъ доброе дѣло.

**) „Дѣла Божіи“, или добрыя дѣла, потоліку могутъ быть названы „пищей для вѣчной жизни“, потоліку мы будемъ ими питаться въ вѣчности, такъ сказать, подобнымъ же образомъ, какъ здѣсь, на землѣ, поддерживаемъ свое существованіе нажитыми деньгами. Каждое доброе дѣло собою обуславливаетъ намъ высшую степень блаженства на цѣлую вѣчность.

созданная по образу Божию, душа); питающийся этимъ хлѣбомъ становится подобенъ Творцу *).

А если такъ, то чему приличнѣе быть душевной пищей, какъ не слову Божию? Или для разума того, кто постигаетъ Божественную мудрость, что можетъ быть драгоценнѣе ея? И что иное, какъ не истина, болѣе соотвѣтствуетъ духовной природѣ?

А если кто-нибудь возразить противъ этого и скажетъ, что Онъ (Христосъ) не учитъ вѣдь молитвѣ объ ежедневномъ хлѣбѣ, какъ о чемъ-то (отъ Него Самого) отличномъ **), тотъ пусть выслушаетъ, какъ Онъ и въ Евангеліи по Іоанну говоритъ о семъ хлѣбѣ то какъ о чемъ-то отъ Него Самого отличномъ, то такъ, что Онъ-то и есть этотъ самый хлѣбъ. Какъ о чемъ-то (отъ Него самого) отличномъ говоритъ Онъ о семъ хлѣбѣ въ словахъ: *Не Моисей далъ вамъ хлѣбъ съ неба, а Отецъ Мой дастъ вамъ истинный хлѣбъ съ неба* (Іоан. VI, 34) ***). А къ тѣмъ, кто Ему отвѣчалъ: *Подавай намъ такой хлѣбъ всегда* (Іоан. VI, 34), говоритъ Онъ о семъ хлѣбѣ, отождествляя оный съ Самимъ собою: *Я емъ хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и верующій во Меня не будетъ жаждать никогда* (Іоан. VI, 35). И нѣсколько позднѣе: *Я хлѣбъ живой; сподвигъ съ неба; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я далъ ****), есть плоть Моя, которую Я отдалъ за жизнь міра* (Іоан. VI, 51, 52).

*) Оригенъ вмѣстѣ со многими отцами Церкви различаетъ образъ Божій (εἰκών) отъ подобія (ὁμοίωσις): образъ Божій свойственъ человеческой душѣ по естественному ея свойству; подобіе же ея Богу заключается въ сверхъестественныхъ качествахъ ея и достигается оправданіемъ, въ особенности же принятіемъ въ себя небеснаго хлѣба.

**) т. е. подъ пасушимъ хлѣбомъ нужно де разумѣть только Богочеловѣка Самого, а не и слово Божіе вмѣстѣ съ тѣмъ, или истину.

***) Приведенное здѣсь мѣсто, строго понимаемое, впрочемъ, не можетъ здѣсь того собой доказывать, что оно должно бы доказывать; потому что подъ этимъ истиннымъ хлѣбомъ, который данъ небеснымъ Отцомъ, совершенно правильно будетъ разумѣть и едиnorodнаго Сына Божія, Котораго Отецъ отдалъ для спасенія міра (Іоан. III, 16).

****) Говорящій самъ есть хлѣбъ; но образъ сообщенія его отдѣльнымъ лицамъ въ таинствѣ св. причащенія былъ тогда еще нѣчто предстоящее; оттого Господь говорилъ: *хлѣбъ, который Я дамъ*.

Такъ какъ въ Писаніи всякая пища называется *хлѣбомъ*, какъ это ясно изъ написаннаго Моисеемъ: *Сорокъ дней онъ хлѣба не ѣлъ* (т. е. и вообще никакой пищи) *и воды не пилъ* (Втор. IX, 9); и такъ какъ слово, служащее пищею, разнородно и разнообразно, потому что вѣдь не всѣ могутъ быть питаемы твердыми и трудно постигаемыми Божественными ученіями: то поэтому-то вотъ Онъ, желая предложить болѣе совершеннымъ приличествующую борцамъ пищу *), и говорить: *Хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра* (Іоан. VI, 51). И непосредственно вслѣдъ за тѣмъ: *Если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть жизни въ себѣ. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную; и Я воскресну его въ послѣдній день. Ибо плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питье. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Какъ послалъ Меня живой Отецъ и Я живу Отцомъ: такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною* (Іоан: VI, 54—7). Эта плоть Христова есть потому истинная пища; она содѣлалась плотію въ качествѣ Слова по выраженію: *И Слово стало плотію* (Іоан. I, 14). Когда мы вкушаемъ отъ нея, (т. е. отъ Слова ставшаго плотію), тогда она и *въ насъ обитаетъ* (Іоан. I, 14). А когда она раздѣляема бываетъ **), тогда исполняется слово: *И мы видѣли славу Его*

*) Греческіе атлеты, или борцы, наблюдали относительно своей пищи особенныя правила, которая въ различныхъ времена были различны, смотря по точкѣ зрѣнія на нее, а эти точки зрѣнія въ различное время были противоположны: между тѣмъ какъ въ первый столѣтіе отъ употребленія въ пищу мяса атлеты совершенно воздерживались, позднѣе думали, что именно мясо, особенно козье, увеличиваетъ силу. Оригенъ намекаетъ здѣсь, очевидно, на послѣдняго рода пищу, потому что плоть Сына Человѣческаго онъ называетъ пищею свойственной борцамъ, или атлетамъ. Святое причастіе, слѣдовательно, есть истинная душевная пища для христіанскихъ атлетовъ, которые борются здѣсь, на землѣ, *противъ плоти и крови*, равно какъ *противъ духовъ злобы, что въ воздухѣ* (Еф. VI, 12). И въ самомъ дѣлѣ, они искони укрѣпляли себя трапезою Господнею и достигали такой степени мужества и такой душевной крѣпости, что не страшились жесточайшихъ мукъ и низлагали всѣхъ враговъ спасенія.

**) Т. е. подъ видомъ пресуществленныхъ чрезъ освященіе хлѣба и вина она раздѣляется между вѣрными.

(Иоан. I, 14) *). *Сей-то есть хлѣбъ, спедившій съ небесъ. Не такъ, какъ отцы ваши ѣли манну и умерли; ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во вѣкъ* (Иоан. VI, 58).

Напротивъ, обращаясь къ несовершеннолѣтнимъ и дѣйствовавшимъ еще человѣчески **) Коринтянамъ, Павелъ говоритъ: *Я питалъ васъ молокомъ, а не твердою пищею; ибо вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ, потому что вы еще плотскіе* (1 Кор. III, 2, 3). И въ посланіи къ Евреямъ: *Для васъ нужно молоко, а не твердая пища. Всякій, питаемый молокомъ, не свѣдуещъ въ словъ правды*, (т. е. въ высшихъ христіанскихъ ученіяхъ), *потому что онъ младенецъ. Твердая же пища свойственно совершеннымъ, которыхъ чувства*. (главнымъ образомъ судительная способность), *навыкомъ приучены къ различенію добра и зла* (Евр. V, 12—14) ***). А также изреченіе: *Иной утврещъ, что можно ѣсть все, а немощной ѣсть овощи* (Рим. XIV, 2) относится, по моему мнѣнію, ближайшимъ образомъ не къ тѣлесной пищѣ ****), а къ слову Божию, питающему душу. Сильный

*) Очевидный намекъ на Исх. XI, 34, гдѣ говорится: *И слава Господни наполнила скинью*. Эта слава Господня, имѣвшая видъ свѣтлага облака надъ ковчегомъ и служившая символомъ благодатнаго присутствія Іеговы, зрима была первосвященникомъ, когда онъ въ великій день очищенія вступалъ во святое святыхъ. А такъ какъ во святой евхаристіи, въ которой дѣйствительно присутствуетъ вочеловѣчившійся Сынъ Божій, тѣлесный глаазъ ничего не привѣщаетъ изъ славы Господней, то подъ зрѣніемъ славы Его при раздѣленія святого причастія Оригенъ могъ разумѣть или зрѣніе духовными очами или зрѣніе поклоненія и прославленія, какое видимымъ образомъ поздаваемо было вѣрующими являющемуся въ таинственномъ видѣ Богочеловѣку и въ какомъ поклоненіи и прославленіи слава Божія подобнымъ же образомъ являлась, какъ нѣкогда въ ветхомъ завѣтѣ она представляема была облакомъ.

**) Т. е. къ коринтянамъ, которые въ духовной жизни были еще столь же беспомощны, какъ и малыя дѣти беспомощны въ своей естественной жизни. Часто они слѣдовали влеченіямъ и склонностямъ человѣческой своей природы вмѣсто того чтобы началомъ жизни поставлять Божественное откровеніе. Ихъ-то, слѣдовательно, противопоставляетъ здѣсь Оригенъ ранѣ упомянутымъ долѣе совершеннымъ борцамъ*.

***) Несовершеннолѣтніе во Христѣ могутъ лишь молоко переваривать, а не твердую пищу, т. е. они могутъ постигать лишь начальныя основанія христіанской вѣры, а не высшія ученія, какъ напр. только что затронутое о святой евхаристіи. Оттого это ученіе въ первыхъ христіанскія столѣтія, какъ извѣстно, предъ оглашенными еще не было излагаемо, а сообщалось лишь крещенымъ.

****) Это мнѣніе Оригена во всякомъ случаѣ невѣрно. Изъ связи понятій очевидно, что у апостола рѣчь идетъ о Моисеевскихъ законахъ о пищѣ, и

вѣрою и вполне совершенный можетъ постигать все; и къ нему примѣнимо слово: *Иной вѣритъ, что можно ѣсть все* (Рим. XIV, 2); менѣе же сильный и несовершенный удовлетворяется простѣйшими и не особенно трудными ученіями, и такого онъ, (т. е. апостоль), имѣетъ въ виду, говоря: *А немощной ѣсть только овощи* (Рим. XIV, 3) *). Но потомъ и что у Соломона въ книгѣ Притчей встрѣчается, то наставляетъ, по моему мнѣнію, тому же, т. е. что не постигающій въ своей простотѣ ученій труднѣйшихъ и высшихъ, но не питающій и ложныхъ какихъ либо мнѣній, преимуществуетъ предъ тѣмъ, который хотя и разсудительнѣе и проницательнѣе и способнѣе къ пониманію тѣхъ вещей, но не въ состояніи уяснить себѣ основъ міра и согласія во вселенной **). Изрѣченіе Соломона читается такъ: *Лучше зеленью быть угощаемымъ съ любовію и благорасположенностью, нежели ѣсть откормленнаго телъца у недоброжелательнаго* (XV, 17). Часто оттого пиршество бѣдное и простое, но устроенное отъ чистой совѣсти людьми не могущими предложить намъ большаго, мы принимали, будучи къ нимъ позваны въ гости, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ высокія, но съ познаніемъ Бога не мирящіяся слова, въ которыхъ со лживой убѣдительностію предлагаемо было иное ученіе, нежели какое открыто Отцомъ Господа нашего Іисуса, виновникомъ закона и пророковъ (Мо. XXII, 40) ***).

апостоль хочетъ сказать: „Одинъ вѣритъ, что можно ѣсть все, что въ іудействѣ запрещено было ѣсть; а слабый, т. е. мнительный, вѣритъ, что не нужно ѣсть никакого мяса изъ страха, что съѣстъ онъ по невѣднію мясо принесенное въ жертву богамъ или иное какое, ѣсть отъ котораго еврейскіе было запрещено, чтобы чрезъ вкушеніе отъ него не оскверниться“ (Исх. XXXIV, 15; Лев. XI, 4 и д.; Втор. XIV, 7 и д.).

*) Это аллегорическое толкованіе можетъ быть и умно, но подлинная мысль апостола при немъ передана невѣрно.

**) Другими словами: Обыкновеннаго вѣрующаго съ ограниченной силой разумнія нужно цѣнить выше, нежели философа, который хотя и многое знаетъ, но Бога въ Его дѣлахъ не находитъ: изъ прекрасной гармоніи, т. е. изъ стройности, одному другому соответствія, во всемъ равновѣрности, изъ общаго равновѣсія, согласія всего другъ съ другомъ, заключать къ премудрому Творцу не можетъ.

***) Смысль: наставленіе отъ посредственнаго учителя истины было для насъ болѣе дорогой духовной пищи, нежели остроумнѣйшія созерцанія какого-нибудь даровитаго и властвующаго словомъ лжеучителя.

Послѣдуемъ посему наставленію нашего Спасителя и, пребывая въ вѣрѣ и праведной жизни, будемъ молить Отца о живомъ хлѣбѣ, который то же, что и хлѣбъ насущный (ἐπιούσιον); будемъ молиться, чтобы не заболѣть отъ недостатка душевной пищи или чтобы не умереть для Бога съ голоду по словѣ Господнемъ (Ам. VIII, 11). А теперь должны мы рассмотретьъ значеніе слова ἐπιούσιον (Мѡ. VI, 11 и Лк. XI, 3).

Прежде всего слѣдуетъ знать, что слово ἐπιούσιον ни у греческихъ писателей, ни у кого не встрѣчается, ни въ языкѣ обыденнаго общенія оно не употребляется, а образовано, кажется, самими евангелистами. Матѳеѣй и Лука, введшіе это слово, оба употребили оное совершенно между собой согласно въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Подобнымъ же образомъ поступали при переложеніи съ еврейскаго другихъ мѣстъ (Писанія) и переводчики *). Потому что какой же грекъ когда либо выражался такъ: ἐνὸς ἑτάριον (у Семидесяти напр. въ Ис. I, 2; Ис. V, 2; XVI, 1; XXXVIII, 13 и вообще часто) или ἀκούσιον (конечно должно было бы стоять: ἀκούσιον, потому что отъ этого глагола у Семидесяти встрѣчается лишь дѣйствительный залогъ, напр. въ Пѣс. пѣс. II, 14; VIII, 13) вмѣсто: εἰς τὰ ὦτα δεῖξαι (внимай, прими въ уши) и ἀκούσαι ποῖαι (слушай)? Выраженіе совершенно схожее съ ἐπιούσιος, изреченное устами Божиими, передано Моисеемъ, у котораго написано: *Вы будете для Мня λαὸς περιούσιος* (Исх. XIX, 5) **). И очевидно, что оба слова образованы отъ οὐσία ***); первымъ (ἐπιούσιον) собственно обозначается хлѣбъ соединяю-

*) Т. е. такъ называемые „Семьдесятъ толковниковъ“, короче называемые просто „Семьдесятъ“. Во многихъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ Писаній они подобнымъ же образомъ образовывали свои греческія слова, какъ здѣсь евангелисты; въ другихъ случаяхъ тѣ слова были неупотребительны. Подобнымъ образомъ и въ языкѣ латинскихъ церковныхъ писателей и отцовъ первны мы встрѣчаемъ много словъ и выраженій въ классической латыни не встрѣчающихся. Новыя идеи часто требовали и новыхъ выраженій.

**) Народомъ, Моею собственностію. Съ еврейскаго (по Мандельштаму): „Вы будете Мнѣ сокровищницею“; по переводу, изд. отъ Св. Синода: „будете Моею удѣломъ“; Вулгата: „Вы будете собственностію Мнѣ“.

***) Которое означаетъ какъ „субстанцію“, или „сущность“, такъ и „собственность“.

щійся съ нашимъ существомъ (субстанціей, οὐσία *) ; а чрезъ послѣднее (περιούσιον) обозначается тотъ народъ, который становится собственностію (οὐσία) (Бога) и образуетъ достояніе Его.—Субстанціи (οὐσία) въ собственномъ смыслѣ **) тѣми, по увѣренію которыхъ безтѣлесныя существа прежде существуютъ ***) , впрочемъ понимаются какъ существа безтѣлесныя, которыя въ своемъ существованіи неизмѣнны и ни къ размноженію неспособны, ни умаленія не испытываютъ, что составляетъ особенность лишь тѣлесныхъ вещей, испытывающихъ увеличеніе и уменьшеніе, потому что при своемъ переходящемъ бытіи онѣ для поддержки себя и питанія постоянно нуждаются въ новомъ матеріалѣ. Если въ извѣстное время этого вещества въ нихъ болѣе прибавляется, чѣмъ теряется, то слѣдуетъ увеличеніе; если же прибываетъ его менѣе, то слѣдствіемъ того бываетъ уменьшеніе тѣхъ вещей. Многія изъ вещей, быть можетъ, не получаютъ и вовсе никакого добавленія, и оттого, такъ сказать, неудержимо стремятся къ уменьшенію.—Тѣ, напротивъ, по мнѣнію которыхъ существованіе безтѣлесныхъ вещей развивается лишь послѣ (тѣлесныхъ) ****) и которымъ предшествуютъ тѣлесныя вещи, понятіе о ней (т. е. субстанціи), опредѣляютъ такъ: Субстанція (οὐσία ****) есть первая матерія (materia prima схоластики) вещей,

*) „(Ὁ εἰς τὴν οὐσίαν συμβαλλόμενος α' ρος“: таково данное Оригеномъ истолкованіе понятія ἐπιούσιος. Но слово это допускаетъ много толкованій. Его можно переложить напр. такъ: „хлѣбъ соединяющійся съ субстанціей“, или: „превращающійся въ субстанцію“; или: „для субстанціи полезный“; или: „относящійся до бытія и жизни“; или: „для пропитанія, для существованія необходимы“.

**) Здѣсь Оригенъ составляетъ метафизическое разсужденіе о столь важномъ вопросѣ касательно субстанціи, или существа вещей. Онъ приводитъ двѣ различныя теоріи, не рѣшаясь открыто прістать ни къ той, ни къ другой изъ нихъ.

***) По Платону и другимъ душа существовала ранѣе тѣла.—Впрочемъ подъ τὰ ἀνόρατα у него могутъ быть разумѣмы преимущественно „идеи“ вещей, или „всеобщія понятія“, которымъ приписывалось реальное бытіе ранѣе, чѣмъ начали существовать физическія вещи;—по извѣстному положенію: *Universalia ante rem*.

****) Что съ отношеніемъ ко всеобщимъ понятіямъ выражается въ словахъ: *Universalia post rem*.

*****) Словомъ *substantia*, родственнымъ съ *substare*, означаетъ существующее подъ именемъ какой либо вещи, или въ (видѣ) извѣстной вещи; это такъ

изъ которой онѣ и произошли: матерія тѣлъ, а изъ этой произошли тѣла отдѣльныхъ вещей, а изъ этихъ тѣлъ отдѣльныя вещи; или иначе: она есть не имѣющая никакихъ свойствъ перво-основа *); или: то что существуетъ прежде (реальныхъ) вещей; или: что принимаетъ всякія формы и измѣненія, само же по своему понятію неизмѣнно; или: что допускаетъ всякое себя измѣненіе и преобразованіе. По этимъ (философамъ **) субстанція по своему понятію, значить, безкачественна и безформенна; она не имѣетъ даже опредѣленной величины, а служитъ предуготовленнымъ мѣстомъ, основой для всякаго качества.—Формой ***) называютъ въ этой связи (въ связи съ субстанціей)всякій родъ дѣйствительности ****) вообще, къ которой относятся и движенія и состоянія (особенныя отношенія и свойства вещи, напр. величина и т. д.); все-же ни одной изъ этихъ (формъ), какъ утверждаютъ, субстанція не обладаетъ какъ такой; но постоянно и необходимо связана съ какой-нибудь одной изъ нихъ; однако же такъ, что при своей пассивности форма тѣмъ не менѣе доступна всѣмъ воздѣйствіямъ со стороны образозавателя (τοῦ ποιητοῦς), такъ что этотъ можетъ ее образозывать и измѣнять. Въ субстанціи живущая и всю все-

называемая сущность явленій,—того что является и остается въ пещахъ тѣмъ же самымъ, себѣ самому равнымъ (въ противоположность акциденціямъ).

*) По схоластическому выраженію „primum subjectum“, или потенція, становящаяся дѣйствительностію, или опредѣленной реальностію только чрезъ форму.

**) Къ числу этихъ философовъ принадлежала большая часть, и притомъ знаменитѣйшихъ, греческихъ философовъ, какъ напр. стоикъ Зенонъ, Пифагорейцы Оцеллъ и Тимей, потомъ Платонъ и особенно Аристотель. Еще и по сего дня „субстанція“, по примѣру схоластики, обыкновенно оцѣдляется совершенно согласно съ этимъ. Такъ Геттингеръ опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Матерія, или, какъ ее называетъ Аристотель, первома-терія (ὑλη, вещество), есть основа всего бытія; она существуетъ въ видѣ: совершенно простомъ, неопредѣленномъ; возможность же всякаго опредѣленнаго бытія обусловливается присоединеніемъ формы, которая отдѣляетъ ее слѣдующимъ дѣлаетъ, чѣмъ оно есть (Apol. I Bd. 1 Abt. 2 Aufl. S. 171). „Субстанція... есть субъектъ акциденцій, на немъ существующихъ; она есть носитель акциденціальныхъ явленій“ (Apol., II Bd. 2 Abt. S. 183).

***) Такъ называется проявленіе субстанціи, потому что, будучи сама въ себѣ неопредѣленною, чрезъ форму субстанціи получаетъ опредѣленный видъ, образъ.

****) Actus (ἐνέργεια) есть дѣйствительность въ противоположность потенціи (δύναμις), или возможности (матеріи).

ленную проникающая сила *) должна быть причиною производящею всякую форму и всё измененія въ ней. И она (т. е. субстанція), говорятъ, сплошь измѣнчива и сплошь дѣлима и каждая субстанція можетъ съ каждой (другой) соединяться въ одно единство **).

Поселику мы теперь изъ за ἐπιούσιος ἄρτος (насущенный хлѣбъ) и περίουσιος λαός (народъ-собственность) вошли въ это разслѣдованіе слова οὐσία (субстанція) и для различенія значеній οὐσία изложили здѣсь это разслѣдованіе; а въ предшествующемъ хлѣбъ, о которомъ мы должны молиться, былъ духовный (ср. начало сего §): то должны мы ту субстанцію мыслить родственною хлѣбу, (слѣдовательно духовною), чтобы подобно тому какъ тѣлесный хлѣбъ при перевариваньи его (буквально: при раздѣленіи его въ тѣлѣ) переходитъ въ субстанцію тѣла, точно также и живой, съ неба шедшій, духомъ и душою переваренный, хлѣбъ могъ сообщить нѣчто отъ своей силы тому, который имъ питаться будетъ. Такого рода *есть тотъ* насущенный (ἐπιούσιος) хлѣбъ, о которомъ мы молимся ***). И опять: подобно тому какъ смотря по свойству пищи, т. е. будетъ ли она твердою и приличествующею борцамъ, или молочною и растительною, получаетъ и различную силу питающійся ею: точно такъ же и питаніе словомъ Божиимъ, которое раздается то въ качествѣ молока приличествующаго дѣтямъ, то въ качествѣ овощей свойственно слабымъ, то въ качествѣ мяса прилично борцамъ, точно такъ же, говоримъ, и вкушеніе отъ слова Божія имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что каждый имъ питающійся, по мѣрѣ личнаго своего отношенія къ нему, дѣлается способнымъ

*) Мировая душа Стоиковъ, которая была ими принимаема за абсолютное, — эфирная сила, проникающая безформенную матерію и отдѣляющая ея частицы формующая въ тѣла.

**) Это философское воззрѣніе, изложенное Оригеномъ пространно, Цицеронъ снимаетъ въ немногихъ словахъ такъ: Subjectam putant omnibus sine ulla specie, atque carentem omni qualitate materiam quandam, ex qua omnia expressa atque elicta sint; quae tota omnia accipere possit, omnibusque modis mutari atque ex omni parte* (Acad. I, 8).

***) Т. е. слово Божіе, которое подобно вещественному хлѣбу очень различнаго питательнаго содержанія, что далѣе Оригеномъ и доказывается.

или къ этому или къ тому и становится такимъ или такимъ. Впрочемъ есть многое, что считается за пищу, а вредно; есть многое другое, чѣмъ порождаются болѣзни; и опять другое есть, что не можетъ быть даже и перевариваемо: все это переносимо и на различіе ученій, считаемихъ за пищу (духовную).

Насущный (ἐπιούσιος) хлѣбъ слѣдовательно есть тотъ, который духовной (λογική) природѣ совершенно соотвѣтствуя и самой субстанціи будучи сроденъ, доставляетъ душѣ вмѣстѣ здоровье, благодущіе и силу, и ядущему отъ него сообщаетъ нѣчто отъ собственного непреходящаго бытія, потому что слово Божіе вѣчно (Мѡ. XXIV, 35; V, 18; Мк. XIII, 31).

Этотъ насущный хлѣбъ называется въ Писаніи, какъ мнѣ кажется, и другимъ именемъ *древа жизни*; и кто руку къ нему простираетъ и беретъ отъ него, тотъ будетъ жить вѣчно (Быт. III, 22). Это дерево у Соломона называется и третьимъ именемъ *премудрости Божіей*. Она (т. е. премудрость) *есть дерево жизни для всѣхъ, которые твердо держатся ея и даруютъ безопасность тѣмъ, кто на нее опирается какъ на Господа* (Притч. Сол. III, 18).

Но и ангелы питаются, только не вещественнымъ хлѣбомъ, а Божіею премудростью, созерцаемъ истины и премудрости *), чѣмъ они и укрѣпляются къ совершенію возложенныхъ на нихъ дѣлъ. Въ псалмахъ говорится, что ангелы именно питаются и что при этомъ чада Божіи **), какъ называются евреи, вступаютъ въ общеніе съ ангелами и становятся какъ бы ихъ сотрапезниками. Таково слѣдующее изреченіе: *Хлѣбъ ангельскій ѡлѣдъ челоуѣкъ* (Пс. LXXVII, 25). Потому что не въ такой же мѣрѣ ограниченъ нашъ разумъ, чтобы думать, будто ангелы получали всегда нѣкоторый вещественный (σωματικός) хлѣбъ, какой по свидѣтельству (Писанія) съ

*) Т. е. зрѣніемъ Бога не въ зеркаль, а непосредственно (1 Кор. XIII, 12), зрѣніемъ истинны съ премудростію.

**) Буквально: „люди Божіи“, т. е. люди въ силу особеннаго завіта маходившіеся къ Богу въ отношеніяхъ сыновства.

неба падалъ ишедшимъ изъ Египта, и какъ будто бы они питались имъ, и будто евреямъ именно этотъ хлѣбъ ^ипосылался, какой употребляется ангелами, служащими Богу духами *)).

При нашемъ изслѣдованіи, что это за „насущенный хлѣбъ“, что это за „древо жизни“ и что за „Божественная мудрость“ и какая это такая пища свойственна святымъ людямъ и ангеламъ, умѣстно обратить вниманіе и на тѣхъ трехъ мужей, что останавливались, по изображенію книги Бытія, у Авраама и ѣли хлѣбы, замѣшенные изъ трехъ мѣръ тончайшей пшеничной муки и испеченные въ горячемъ пеплѣ (Быт. XIII, 2 и д.): можетъ быть исключительно и только образно **) этимъ выражено то лишь, что святые не только людямъ, но разсудку и разуму и высшихъ силъ могутъ сообщать пищу частію для пользы ихъ ***), частію же для доказательства, какою могутъ они пользоваться чрезвычайно питательною пищею. Такимъ доказательствамъ (людской состоятельности) ангелы лишь радуются и ими питаются и тѣмъ болѣе готовности изъявляютъ быть помощниками человѣку и всячески ему въ томъ содѣйствовать, чтобы, услаждаясь такой пищею и, такъ сказать, питаясь ею, получалъ онъ еще большее и высшее, чѣмъ то, что при прежнихъ своихъ познаніяхъ онъ предложилъ имъ, ангеламъ, въ качествѣ пищи. Тому, впрочемъ, не нужно удивляться, что человѣкъ и ангеловъ питаетъ, потому что даже

*) Когда манна называется ангельскимъ хлѣбомъ, то выражено этимъ конечно лишь превосходство его (Прем. Сол. XVI, 20), и сказано какъ бы слѣдующее: „Если бы ангелы питались вещественнымъ хлѣбомъ, то походить бы онъ на манну“.—Изъ дальнѣйшихъ словъ Оригена, что ангелы питаются не вещественной какой либо пищей, а Божіею премудростію, ясно его мнѣніе о бестѣлесности ангеловъ.

**) Т. е. этотъ рассказъ въ книгѣ Бытія будто бы нужно понимать единственно въ переносномъ, яносказательномъ значеніи, и будто бы онъ не есть фактъ историческій; событія этого будто бы въ дѣйствительности никогда не происходило, а подъ покровомъ разсказа предложена лишь такая то истина. Это рѣшительно несправда. Ср. примѣчаніе 2-е въ столбцѣ 47-мъ.—Впрочемъ греческій текстъ представляетъ здѣсь и другое чтеніе: οὐ γινώσκω, ἀλλὰ τρεπίσκω.

***) Т. е. для наставленія ангеловъ, чѣмъ они въ прямомъ смыслѣ бывають питаемы духовно.

Христось объвляеть, что Онъ *стоитъ предъ дверьми и стучится*, дабы къ тому, кто отворить, войти и вмѣстѣ съ нимъ вкушать отъ собранныхъ у него запасовъ и чтобы потомъ и отъ своихъ запасовъ надѣлать того, который предъ тѣмъ въ мѣру силъ своихъ Сына Божія угощаль (Апок. III, 20).

Тотъ слѣдовательно, кто насущнымъ хлѣбомъ питается и укрѣпляетъ чрезъ оный свое сердце, тотъ становится сыномъ Божиимъ; напротивъ, питающийся хлѣбомъ зминымъ есть не иной кто какъ духовный Эеіопъ и по кознямъ змія точно такъ же превращается въ змія *), такъ что хотя бы и крещенія домогался, услышитъ онъ отъ Сына Божія **) упрекъ: *Вы зми, вы ехидны; кто опушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва* (Мѣ. III, 7; Лу. III, 7)† О зминомъ тѣлѣ, которое служитъ пищею для Эеіоповъ, говоритъ Давидъ ***): *Ты раскрылъ головы змиевъ въ воды; Ты раздробилъ, разможилъ голову дракона, отдалъ его въ пищу жителямъ Эѳіопіи* (Пс. LXXIII, 13, 14) ****).

И хотя какъ Сынъ Божій есть личность, такъ и врагъ нашъ драконъ, змѣй, сатана, злой врагъ нашъ), есть тоже личность: все-же возможнымъ оказывается,

*) Смыслъ въроатно таковъ: кто вмѣсто слова Божія питается лжеученіями, происходящими отъ діавола, *отца лжи* (Іоан. VIII, 44), и пищею грѣховною, тотъ въ духовномъ смыслѣ питается змиемъ, *который называется иначе діаволомъ и сатаною* (Апок. XII, 9), в такомъ образомъ относится въ духовномъ смыслѣ къ еѳіоплянамъ, которые дѣйствительно ѣдятъ змѣй. И тотъ, кто попалъ въ сѣти адекаго змія (2 Тим. II, 26), тотъ постепенно становится все лядвѣй и превратнѣй и мало по малу обращается въ змія, яля — иначе сказать — дѣлается подобнымъ сатанѣ; между тѣмъ какъ тотъ, кто питается *насушимъ хлѣбомъ*, становится чадомъ, сыномъ Божиимъ.

**) Отъ Бога Слова. Впрочемъ въ ближайшихъ за тѣмъ словахъ говорится объ Іоаннѣ Крестителѣ.

***) Ивѣстно, что древніе обыкновенно всѣ псалмы приписывали Давиду; поэтому и изъ 73 псалма приводя нѣсколько словъ Оригенъ говоритъ о Давидѣ. На самомъ же дѣлѣ 73-й псаломъ въ славянской Библии надписывается такъ: „Разума Асафу“ т. е. разума Асафова, псаломъ Асафа; слѣдовательно, онъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ не Давиду, а написанъ гордадо поадиѣ, однимъ изъ потомковъ славной пѣвческой фамиліи Асафа.

****) Псалмистъ разумеетъ здѣсь подъ зміями крокодиловъ, которые изображались на птицахъ у египтянъ; а подъ дракономъ змія по преимуществу, т. е. Фарона (Исх. LI, 9). Египтяне погибли въ волнахъ Черзнаго моря и были ими выброшены на берегъ (Исх. XIV, 31), сдѣлавшись такимъ образомъ добычею и пищею хищныхъ животныхъ пустыни.

чтобы какъ тотъ, такъ и другой тому или этому изъ людей служили пищей; не невозможно, слѣдовательно, чтобы каждый изъ насъ въ частности былъ питаемъ какъ всѣми добрыми и злыми силами, такъ и людьми. Оттого, когда Петръ готовился вступить въ общеніе съ сотникомъ Корниліемъ и собравшимися въ Кесаріи, а слѣдовательно и язычниковъ допустить къ слушанію слова Божіа, то увидѣлъ онъ за четыре конца спускаемое съ неба полотно, въ которомъ находились всѣ четвероногія, пресмыкающіяся и дикія животныя земли; и было ему повелѣніе *встать, заклать и есть*; а когда онъ отъ сего отказывался словами: *Господи, Ты знаешь, что въ мои уста никогда не входило ничего сквернаго или нечистаго* (Дѣян. X, 14; XI, 8), тогда было ему внушено *никакого человека не называть сквернымъ или нечистымъ* (Дѣян. X. 28) *), потому что очищенное Богомъ Петръ не имѣлъ права объявлять презрѣнія достойнымъ. Подлинны слова: *Что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ* (9). Различіе пищи чистой отъ нечистой, дѣлалось въ законахъ Моисея при поименованіи многихъ животныхъ (Лев. XI, 2—47; Втор. XIV, 3—20) и имѣющее соотношеніе съ различными нравственными свойствами разумныхъ существъ, учить посему, что одни изъ нихъ (т. е. разумныхъ существъ) для насъ служатъ пищею полезною, другія, напротивъ, вредной, доколѣ Богъ всѣхъ ихъ или же по нѣскольку изъ каждаго рода, (т. е. изъ рода іудеевъ и язычниковъ), не очиститъ и чрезъ это не сдѣлаетъ ихъ здоровой пищей **).

*) Различныя животныя, отъ какихъ Петру предлагалось было ѣсть, равно какъ всѣ, которыя въ законахъ Моисея объявлены были за чистыхъ и нечистыхъ, означаютъ посему добрыхъ и злыхъ людей, т. е. іудеевъ и язычниковъ, такъ что, слѣдовательно, и люди для насъ могутъ быть пищей (душевною); со времени очистительной смерти Христа такой пищей могутъ быть и язычники.

**) Таково аллегорическое объясненіе Оригена, какое даетъ онъ различію между чистыми и нечистыми животными. Истинное, внутреннее основаніе для такого различія чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ, собственно говоря, намъ не извѣстно. Быть можетъ оно состояло въ томъ, что вещи считавшіяся за нечистыя, имѣли связь съ попрежденнымъ состояніемъ нашей грѣховной природы, и кромя того быть можетъ это различіе должно было приучать израильтянъ къ воздержности. Указывало это различіе, конечно, и на про-

Съ пищую дѣло обстоитъ такъ, и разнообразіе ея состоитъ въ сказанномъ; между тѣмъ какъ въ противоположность всему упомянутому есть еще истинно и единственно насущный хлѣбъ, о которомъ мы должны молиться, чтобъ его быть намъ достойными; словомъ должны мы питаться, которое уже вначалѣ было у Бога и Богомъ (Іоан. I, 1), и чрезъ это уподобляться Богу.

Кто - нибудь, конечно, можетъ возразить, что слово ἐπιούσιον образовано отъ ἐπιέναι (приближаться, наступать, слѣдовать), и слѣдовательно, тутъ намъ предлагается молиться, чтобы хлѣбъ свойственный будущему міру Богъ далъ намъ уже напередъ, такъ чтобы мы нѣкоторымъ образомъ уже сего дня получили то, что должно быть намъ дано еще завтра; *сего дня* должно быть понимаемо о настоящемъ мірѣ, а „завтра“, „утромъ“ о будущемъ *). Но такъ какъ первое пониманіе, (т. е. когда ἐπιούσιος производимо бываетъ отъ οὐσία), по крайней мѣрѣ по моему сужденію, лучше, то (не входя въ подробности, что это и какого рода этотъ свойственный будущему

клятвіе, съ грѣхопадениемъ отяготѣвшее надъ тварію. А такъ какъ это проклятвіе со времени искупительной смерти Христа идеально изглажено, то объективно уничтожено было вмѣстѣ съ тѣмъ и различіе между чистой и нечистой пищею; а, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ указано этимъ, что на будущее время должно прекратиться и бывшее до того времени въ ходу различіе между чистыми и нечистыми людьми, между іудеями и язычниками. Это послѣднее собственно и выяснено апостолу Петру въ выше упомянутомъ видѣніи.

*) По этому производству ἐπιούσιον стояло бы вмѣсто τῆς ἐπιούσης (т. е. ἡμέρας) и нужно было бы переводить: „Дай намъ сего дня хлѣбъ грядущаго (или наступающаго, приближающагося, завтрашняго) дня, т. е. будущей жизни.—О блажен. Иеронимъ сказываютъ, что въ Евангеліи евреевъ вмѣсто ἐπιούσιος онъ нашель стоящимъ слово „могоръ“, „утромъ“, „съ утра“, „по утру“, или „будущее“. Это было бы сильнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу правильности послѣдняго словопроизводства и объясненія. Если захвѣсить, что, къ сожалѣнію, потерянное неканоническое „Евангеліе евреевъ“, съ нашимъ каноническимъ Евангеліемъ Матоевъ во всякомъ случаѣ бывшее сроднымъ, было можетъ стать не инымъ чѣмъ, какъ поврежденною реченіемъ Евангеліи Матоеева, по чему св. Иринеиъ и блажен. Епифаніемъ и называется оно прямо „Матоеевымъ Евангеліемъ“; и если потомъ съ отношеніемъ къ единогласному почти свидѣтельству древности допустить, что Матоевъ наше каноническое Евангеліе первоначально написалъ на еврейскомъ языкѣ: то очень легко будетъ принять, что и въ нашемъ мѣстѣ (Мѣ. VI, 11) первоначально стояло „могоръ“, что потомъ это слово передано было на греческомъ языкѣ чрезъ ἐπιούσιος: тогда данъ былъ бы въ руки вѣрный ключъ и къ производству и пониманію слова ἐπιούσιος.

міру хлѣбъ) хотимъ мы (въ дополненіе къ изложенному) изслѣдовать кромѣ того значеніе прибавленнаго у Матѳея (VI, 11) слова *σήμερον* (сего дня) или вмѣсто этого поставленнаго у Луки (XI, 3) выраженія *καθ' ἡμέραν* (ежедневно) *).

Священному Писанію часто бываетъ обычно все продолженіе времени (*αἰών*) обозначать чрезъ выраженія: *нынѣ, сего дня*, какъ напр. въ мѣстѣ: *Онъ отецъ Моиситлянъ до нынѣ* (Быт. XIX, 37); и: *Онъ отецъ Аммонитлянъ до нынѣ* (Быт. XIX, 38); и: *И пронеслось слово сіе между Иудеями до сего дня* (Мѳ. XXVIII, 15) **); и въ псалмахъ: *Нынѣ, когда услышите голосъ Его, не ожесточитс сердцеъ вашихъ* (Пс. XCIV, 8) ***). Но всего опредѣленнѣе это выражено въ книгѣ Иисуса слѣдующимъ образомъ: „Не отступайте отъ Господа даже до настоящихъ дней“ ****). А если подѣ *нынѣ*, подѣ *сего дня* разумѣется весь настоящій періодъ времени то *вчера*, конечно, есть періодъ времени протекшій. Это по нашему мнѣнію выражено въ псалмахъ и у Павла, въ посланіи къ евреямъ, слѣдующимъ образомъ. Въ псалмахъ слѣдующимъ образомъ: *Предѣ очами Твоими тысяча лѣтъ какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ* (Пс. LXXXIX, 4) *****); и сравнивается здѣсь со вчерашнимъ днемъ въ отличіе отъ нынѣшняго (по мнѣнію иныхъ) извѣстное тысячелѣтіе *****); а у апостола написано:

*) Вульгата и это выраженіе передаетъ чрезъ „сего дня“.

***) Но всѣ эти мѣста вовсе не доказываютъ того, будто чрезъ *сего дня*, чрезъ *нынѣ* здѣсь обозначаются цѣлые періоды времени.

****) Это *нынѣ* здѣсь можетъ быть принимаемо за болѣе долгій періодъ времени, за продолженіе времени благодати и спасенія.

*****) Этого выраженія, которое, безъ сомнѣнія, имѣло бы доказательную силу, въ книгѣ Иисуса Навина не встрѣчается ни по переводу Семидесяти, ни по Вульгатѣ; встрѣчается здѣсь часто лишь выраженіе: *даже до нынѣшняго дни*.

*****) Чрезъ это *вчера* обозначенъ здѣсь не весь прошедшій періодъ времени, а въ противоположность вѣчности оно означаетъ здѣсь ускользящую отъ вниманія малую часть времени, меньшую чѣмъ день; „*день, который пронеслся*“, намъ кажется уже какъ бы мгновеніемъ, мигомъ.

*****) Разумѣется здѣсь иными та тысяча лѣтъ, въ которую по своему второму пришествію, но прежде всеобщаго воскресенія и всеобщаго суда, Христосъ откроетъ блестящее мессіанское земное царство, котораго при Его первомъ пришествіи на землю ожидали напрасно; по открытіи сего царства Онъ будетъ вмѣстѣ съ воскресшими праведниками управлять землей изъ

Иисусъ Христосъ вчера и сего дня и во отки (εἰς τοὺς αἰῶνας *) *тотъ же* (Евр. XIII, 8). Вовсе и нечому тутъ удивляться, что для Бога цѣлый періодъ времени въ относительномъ смыслѣ столько же продолжается, какъ у насъ одинъ день; я полагаю, что для Него онъ даже еще короче **).

Нужно также изслѣдовать ***) , не къ зонамъ ли ****) то относится, что сказано о предписанныхъ (израильтянамъ) на опредѣленные дни или мѣсяцы или времена или годы праздникахъ или религиозныхъ собраніяхъ. Если законъ имѣетъ тѣнь будущаго (Евр. X, 1), то многія изъ субботъ должны быть тѣнью многихъ дней *****); и вслѣдствіе того, что неизвѣстная мнѣ луна съ извѣ-

Іерусалима. Этотъ, такъ называемый, хилиазмъ возникъ ближайшимъ образомъ между христианами изъ іудеевъ; въ первыя три столѣтія считалъ между своими защитниками даже отцовъ церкви, какъ напр. Папія, Іустина, Иринея; время отъ времени онъ возникалъ въ церковной исторіи снова; въ наше время продолжаетъ жить въ сектѣ мормоновъ. Что то царство будетъ продолжаться именно тысячу лѣтъ, заключаѣла первоначально, конечно, изъ выше приведеннаго мѣста (Іс. LXXXIX, 4) въ связи съ исторіей творенія, рассказанной у Моисея. Ревностѣйшіимъ противникомъ хилиазма въ первыя столѣтія былъ Оригенъ.

*) Здѣсь вотъ *вчера и сего дня* дѣйствительно обозначаютъ собой извѣстные періоды времени.

**) Непремѣнно короче: предъ вѣчностью Божіей время совершенно исчезаетъ.

***) Чтобы еще точнѣе утвердить, что подъ *σήμερον* и *καθ' ἡμέραν* должны быть разумѣмы длиннѣйшіе періоды времени.

****) Ἐπί αἰῶνας, т. е. не къ будущимъ ли временамъ, продолженію ихъ, не къ періодамъ ли времени относится то-то и то-то. Но подъ „зонами“ могутъ быть разумѣмы и міры, особенно если съ этимъ словомъ соединить понятіе о различныхъ стадіяхъ въ развитіи видимаго міра. Въ противоположность нелѣпому, напоминающему языческія теогонія, ученію гностиковъ, а именно Валентиніанъ, о духовныхъ мірахъ зоновъ, въ безконечной постепенности истекшихъ изъ „Витоса“. Оригенъ развиваетъ въ послѣдующемъ свое, хотя и зачуждое, но ошибочное ученіе объ зонахъ, а именно ученіе о безчисленныхъ другъ за другомъ слѣдующихъ періодахъ времени или мірахъ.

*****) Между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ по своему аллегорическомъ способу пониманія свящ. Писанія Оригенъ буквальный смыслъ его отстраняетъ на задній планъ, а часто и совершенно исключаетъ (ср. 1-е прим. въ столбцѣ 119), здѣсь онъ придаетъ слишкомъ много значенія буквальному смыслу мѣста изъ посл. къ Евр. X, 1. Онъ слишкомъ насильственно понимаетъ слово *тѣнь*, полагая, что ветхозавѣтныя субботамъ какъ тѣнямъ въ будущемъ должны соотвѣтствовать собственно субботне дни, которыми тѣ тѣни такъ сказать и были отбрасываемы. Подобное же онъ думаетъ и о прочихъ ветхозавѣтныхъ праздникахъ и учрежденіяхъ, здѣсь имъ перебираемыхъ. Между тѣмъ, когда ветхозавѣтныя учрежденія называются *тѣнями*, то скъзывается зтѣмъ то лишь, что сами въ себѣ они ничтожны и безсодержательны, а получали

стнымъ солнцемъ въ опредѣленные періоды времени входитъ въ сочетаніе, возвращаются новолунія *). Но если и первый мѣсяцъ **) и отъ этого дни десятый до четырнадцатаго ***) и праздникъ опрѣсноковъ ****) отъ дня четырнадцатаго до двадцать перваго *имѣютъ тѣнь будущаго*, то кто послѣ этого столь мудръ и въ той мѣрѣ богоугоденъ, что онъ между столь многими мѣсяцами усмотритъ день первый и отъ этого десятый и т. д.? И что долженъ я сказать о праздникѣ семи недѣль *****) и о седьмомъ мѣсяцѣ *****)), котораго новолуніе было праздникомъ трубнымъ *****) и котораго десятый (день) былъ днемъ очищенія *****)), потому что они, (состоя тѣнью будущаго), Богу

смысль и значеніе отъ того, что собой указывали на нѣчто высшее въ царствѣ Христовомъ. Такъ напр. субботы израильтянъ указывали на субботу, что ожидаетъ насъ на небѣ, на вѣчное субботаствованіе (Евр. IV, 9).

*) Первый день новолунія въ каждомъ мѣсяцѣ былъ для евреевъ праздникомъ, въ который при трубномъ звукѣ была приносима жертва (Числ. X, 10; XXVIII, 11—15; Пс. LXXX, 4).

**) Первый мѣсяцъ, начало священнаго или церковнаго года іудеевъ, назывался *Нисанъ* и начинался по нашему счисленію времени около середины нашего мѣсяца марта.

**) Въ благодарное воспоминаніе объ освобожденіи израильтянъ первородныхъ по предписанію закона (Исх. XII, 2—6) въ 10-й день этого мѣсяца пасхальный агнецъ долженъ былъ отдѣляемъ быть, а въ 14-й день закалать.

****) Это первый изъ трехъ главныхъ іудейскихъ праздниковъ, называвшійся „пасхальнымъ“, или „Пасхой“, „Passah“ („Phase“); онъ продолжался семь дней, изъ которыхъ 1-й и 7-й были днями торжественными (Исх. XII, 16). Въ теченіе этихъ семи дней не позволено было ѣсть кислаго хлѣба и даже въ дому его держать (Исх. XII, 14—20).

*****) Буквально: „о праздникѣ семидневныхъ недѣль“.—Этотъ 2-й главный праздникъ іудеевъ долженъ былъ совершаться по истеченіи 7 недѣль или 50 дней постѣ 16-го Нисана (Втор. XVI, 10), въ какой день при началѣ жатвы приносимы были въ жертву первые омовенные снопы (Лев. XXIII, 15). Такъ какъ жатва въ теченіе 7 недѣль означивалась, то назывался этотъ праздникъ и „праздникомъ недѣль“ (Втор. XVI, 10), или „праздникомъ жатвы“ (Исх. XXIII, 16). А такъ какъ онъ былъ торжествуемъ въ 50-й день по Пасхѣ въ воспоминаніе Синайскаго законодательства, послѣдовавшаго въ 50-й день по исхоdѣ изъ Египта, то назывался онъ и „Пятидесятницей“ (пентекостъ) т. е. *ἡμέρα*, 50-й день) (Дѣян. II, 1).

*****) Называвшемся „Тисри“. Это былъ 1-й мѣсяцъ гражданскаго года іудеевъ, совпадавшій съ половиной нашего сентября и октября. На этотъ мѣсяцъ (субботній) падала большая часть праздниковъ.

*****) Іудейскій новый годъ былъ праздникомъ трубнымъ, потому что народу о немъ воевѣшали особеннымъ трубнымъ зовомъ въ воспоминаніе трубныхъ звуковъ при Синайскомъ законодательствѣ (Лев. XXIII, 24; Числ. XXIX, 1).

*****) Лев. XVI, 29, 30; XXIII, 27, 28.—Въ этотъ великій покаянный день (Лев. XVI, 29, XXIII, 29) первосвященникъ единственный разъ въ году входилъ во свитое святыхъ храма (Лев. XVI, 1—34; Евр. IX, 7—15).

лишь извѣстны, Который ихъ установилъ? И кто проникнуть духомъ Христовымъ въ той мѣрѣ, чтобы могъ онъ понять субботніе годы, назначенныя для освобожденія еврейскихъ рабовъ, для прощенія долговъ и для оставленія подъ паромъ священной земли *)? Еще выше чѣмъ праздникъ семилѣтія, такъ называемый, юбилейный годъ **); но какого рода этотъ или назначенные къ исполненію въ оный законы ***) , о томъ никто не можетъ составить себѣ хотя бы и въ нѣкоторой лишь мѣрѣ яснаго понятія кромѣ Того, Кто зрѣлъ въ совѣтъ Отца, (т. е. кромѣ единороднаго Сына Божія), такъ какъ Онъ по *непостижимымъ своимъ судамъ и своимъ неизслѣдимымъ путямъ* (Рим. XI, 33) для всѣхъ періодовъ времени установилъ свои порядки.

Но часто мнѣ при сравненіи между собою двухъ мѣствъ изъ апостола приходило на умъ сомнѣніе, что же это за *полнота временъ*, въ которую Іисусъ явился для изглаженія грѣховъ, когда послѣ этой полноты еще періоды времени должны слѣдовать. Слова апостола таковы: *Но теперь Онъ единожды явился, къ концу вѣковъ* (ἐπι συντελείᾳ τῶν αἰώνων) *для изглаженія грѣховъ Своєю жертвою* (Евр. IX, 26); и въ посланіи къ ефесеямъ: *Дабы въ грядущія времена* (ἐν τοῖς αἰῶσι τοῖς ἐπερχομένοις) *явилась въ благодати къ намъ прензобильная полнота благодати Его* (Еф. II, 7). И относительно столь трудныхъ вещей, если кому угодно знать, я питаю слѣдующее мнѣніе: Подобно тому какъ полноту, конецъ года составляетъ послѣдній мѣсяцъ его, и послѣ этого начинается другой мѣсяцъ: точно такъ же, можетъ быть,

*) Т. е. дабы понять, что за времена грядущія были прообразованы тѣмъ, что въ субботній годъ, или малый годъ прощенія (Втор. XV, 9), еврейскіе рабы безденежно должны были быть отпускаемы на волю (Исх. XXI, 2; Втор. XV, 4—7), что должны были быть прощаемы долги (Втор. XV, 1—4), равно какъ что земля должна была оставаться подъ паромъ (Лев. XXV, 4—7).

**) Онъ долженъ былъ торжествоваться послѣ седмижды семи лѣтъ, т. е. въ 50-й годъ (Лев. XXV, 8—10).

***) Въ противоположность ветхозавѣтнымъ опредѣленіямъ объ юбилейномъ годѣ (Лев. XXV, 8—71; XXVI, 17—24), которые лишь тѣнью были этихъ законовъ будущаго.

полноту многихъ періодовъ времени, образующихъ какъ бы годъ періодовъ времени, составляетъ настоящій періодъ времени; и послѣ этого періода времени, наступаютъ многіе будущіе періоды времени, начинающіеся съ ближайшаго къ нимъ; и въ эти будущіе (періоды времени) Богъ проявитъ во благоволеніи Своемъ богатство Своей благодати въ томъ, что и величайшій изъ грѣшниковъ, а именно тотъ, который оказался нечестивымъ противъ Святого Духа и который во весь настоящій періодъ времени и отъ начала до конца въ ближайшій къ нему отъ грѣха не освобождается (Мѡ. XII, 32; Мк. III, 29; Лк. XII, 10), послѣ сего содѣлается таинственнымъ образомъ участникомъ спасительной благодати (σὺχνομητομένου) *).

Тотъ, слѣдовательно, кѣмъ усматривается сіе въ духѣ и кто знаетъ, что такое недѣля эоновъ **), тотъ прозираетъ и въ святое торжество субботы; и кто постигаетъ, что такое мѣсяць эоновъ, тотъ проводитъ и священное новолуніе Божіе; и кто проникаетъ своимъ духомъ въ годъ эоновъ, тотъ знаетъ и праздники года, когда весь мужескій полъ долженъ явиться предъ Господомъ Богомъ (Втор. XVI, 16); а кто изъ столь великихъ періодовъ времени изслѣдовалъ и соотвѣтствующіе годы (отдѣльные годы эоновъ), тотъ понимаетъ, что такое и седьмой священный годъ; а кто доискался, что такое юбилейный годъ эоновъ, за который онъ прославляетъ Давшаго законы, объемлющіе столь отдаленное время: какъ можетъ тотъ придавать значеніе такой мелочи какъ малѣйшая частичка дневного часа такого періода времени; и ужели онъ всего не сдѣлаетъ, чтобы чрезъ добрую подготовку здѣсь на землѣ сдѣлаться того до-

*) Слѣдовательно, если Христосъ увѣрнетъ, что „грѣхи противъ Святого Духа“ не отпустятся ни въ этомъ мірѣ ни въ будущемъ (Мѡ. XII, 32), т. е. ни во время земной жизни, ни во время послѣ второго пришествія Христа на судъ, или въ вѣчность, то Оригенъ объясняетъ эти слова такъ, что въ настоящую и ближайшую къ ней эпоху міра, или періоды времени, тѣ грѣхи безъ сомнѣнія не отпустятся, но, конечно, отпущены будутъ въ эпоху послѣдующую. Этими съ достаточной опредѣлительностію отрицается вѣчность адскихъ мученій и подтверждается главное заблужденіе Оригена.

**) Недѣля состоящая изъ семи эоновъ, или великихъ періодовъ времени, вмѣсто обыкновенныхъ дней.

стойнымъ, чтобы получать *насущенный* хлѣбъ на „текущій день“ (Мѡ. VI, 11), а потомъ чтобы получать оный и *ежедневно* (Лк. XI, 3)

Итакъ, какое значеніе имѣеть слово *ежедневно*, это уже изъ прежде изложеннаго ясно *). Значеніе это таково, что кто вѣчному Богу молится не только о сегодняшнемъ, но и объ ежедневномъ, тотъ можетъ получать отъ Него, даже еще большее, отъ Него, Который можетъ давать преизобильно болѣе, нежели *чего мы просимъ или о чемъ помышляемъ* (Еф. III, 20), или,—выражаясь преувеличенно,—можемъ получать то, *чего никакой глазъ не видѣлъ и никакое ухо не слыхало* и даже еще большее, что и *на сердце ни одному человеку не входило* (1 Кор. II, 9; Ис. LXIV, 4) **).

Это разслѣдованіе, мнѣ показалось, было совершенно необходимо, чтобы понять выраженія *сегодня* и *ежедневно* въ молитвѣ къ нашему Отцу о насущномъ хлѣбѣ.

Наконецъ, если бы мы захотѣли еще разслѣдовать и добавку въ первомъ Евангеліи (по Маттею), добавку *нашъ*, такъ какъ говорится въ немъ: *Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ ни сей день* (Мѡ. VI, 11), то родился бы тутъ вопросъ: какъ можетъ быть называемъ тотъ хлѣбъ *нашимъ*, который по Лк. XI, 3 долженъ быть подаваемъ намъ ежедневно, т. е. и въ послѣдующіе періоды времени. Но на этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ уже апостоль, что святымъ принадлежитъ и будущее. Онъ говоритъ: *Или жизнь, или смерть: или настоящее, или будущее, все вамъ* (1 Кор. III, 22), т. е. принадлежитъ святымъ. Распространяться по поводу сей добавки, слѣдовательно, нѣтъ нужды.

§ 28. *И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.* На всѣхъ насъ

*) Т. е. если чрезъ *сею днѣ* обозначается все настоящее время, то подъ *ежедневно* должны быть разумѣмы всѣ послѣдующіе періоды времени.

**) Чрезъ *ежедневно* поэтому могла быть выражена такая мысль: мы тотъ хлѣбъ получаемъ въ теченіе нѣлаго ряда періодовъ времени, такъ мало подающихся обзорѣню и столь несонабѣримыхъ, что нѣкоторымъ образомъ мы еще болѣе получаемъ, нежели о чемъ повѣстивъ апостоль какъ о *премудрости Божіей тайной, сокровенной* (1 Кор. II, 6—10).

лежить много различныхъ обязанностей частію общихъ по отношенію къ ближнимъ, къ намъ самимъ, къ Богу и св. ангеламъ, частію особыхъ имѣющихъ соотношеніе съ званіемъ и состояніемъ; и если этихъ обязанностей мы хотя отчасти или и вовсе не исполняемъ, то становимся мы должниками. И по отношенію къ намъ самимъ въ свою очередь многіе состоятъ должниками. Но помня о собственной виновности мы должны къ нашимъ должникамъ относиться снисходительно и повторно прощать имъ, тѣмъ болѣе что и Богъ съ нами подобнымъ же образомъ поступаетъ, какъ и мы должны поступать съ нашими ближними. Значитъ всѣ мы въ извѣстной мѣрѣ власть имѣемъ прощать грѣхи, грѣхи противъ насъ содѣянные. Пресвитеръ же кромѣ того имѣетъ полномочіе во имя Божіе грѣшнику или прощать грѣхи или удерживать на немъ; но изъ этого полномочія онъ не можетъ дѣлать употребленія произвольнаго или легкомысленнаго, потому что многіе грѣхи не прощаемы.

И прости намъ долги наши, какъ и мы простили (αφ᾽ ἡμαρτων) должникамъ нашимъ (Мѡ. VI, 12)); или по Лукѣ: И прости намъ грѣхи наши, ибо и мы простили всѣмъ должникамъ нашимъ (Лк. XI, 4).* О долгахъ говоритъ апостолъ: *Отдавайте всякому должное; кому подать, подать; кому почтеніе, почтеніе; кому плату, плату; честь, кому приличествуетъ честь. Не оставайтесь должными никому ничѣмъ кромѣ взаимной любви (Рим. XIII, 7, 8)**).* Слѣдовательно, мы имѣемъ много обязанностей и обязаны не только къ вещественнымъ даяніямъ, но и къ дружественности отношеній и къ такого, а не другого рода дѣйствіямъ; мы обязаны даже тотъ, а не другой образъ расположеній питать къ другимъ. Эти наши долги мы или уплачиваемъ, исполняя предписанія Божественнаго

*) Потому мы должны приступать къ молитвѣ, предварительно простивши обидѣвшихъ насъ. Въ Русск. переводѣ, изд. отъ Св. Синода, въ согласіи съ Вульгатой: *прощаемъ.*

**) Отъ обязанности любви никогда себя нельзя освободить.

закона; или же презирая здравый разумъ не уплачиваемъ ихъ, и такимъ образомъ остаемся должниками.

Подобнымъ же образомъ должно судить объ обязанностяхъ къ тѣмъ изъ братій, которые вмѣстѣ съ нами въ религіозномъ отношеніи возрождены во Христвъ: къ нимъ мы должны относиться какъ къ имѣющимъ съ нами одну и ту же мать и одного и того же Отца *). И по отношенію къ согражданамъ имѣемъ мы обязанности; и потомъ другія обязанности общія по отношенію ко всѣмъ людямъ; частныя еще имѣемъ обязанности по отношенію къ чужеземцамъ и частныя же по отношенію къ тѣмъ, которые состоятъ въ возрастѣ родителей; и другія обязанности лежать на насъ относительно тѣхъ, которымъ по всей справедливости принадлежитъ честь причлествующая сынамъ или братьямъ. На томъ по сему, кто того не исполняетъ, что онъ обязанъ оказывать братьямъ, на томъ не исполненное остается долгомъ. Равнымъ образомъ если мы и то оставляемъ безъ исполненія, что нами должно было бы оказываемо быть нашимъ ближнимъ въ дружественномъ духѣ мудрости (въ духѣ христіанской любви къ ближнимъ), то долгъ отъ того лишь увеличивается.—Но и по отношенію къ себѣ самимъ мы имѣемъ обязанности. А именно, мы должны своимъ тѣломъ такъ пользоваться (какъ учать тому разумъ и откровеніе), и не истощать его въ удовольствіяхъ; обязаны мы заботиться и о душѣ, поддерживать остроту разсудка, равно какъ обращать вниманіе на слова, чтобы они не имѣли въ себѣ жала (которое могло бы уявлять ближняго), напротивъ, чтобы отличались назидательностію и не были бы праздно (какія слова подлежатъ суду Божію, МѠ. XII, 36). И обязанностей къ себѣ самимъ, если мы не исполняемъ, то долгъ нашъ чрезъ то лишь большей тяжестью ложится на насъ.— И такъ какъ мы излюбленнѣйшее Божіе твореніе и и ообразъ Божій, то въ довереніе всего обязаны мы

*) Къ христіанамъ, какъ къ нашимъ братьямъ во Христвъ, мы должны относиться безъ сомнѣнія такъ же, какъ къ родственникамъ своимъ по плоти.

поддерживать известное душевное настроеніе и по отношенію къ Богу, а именно *любовь ото всего сердца, ото всей силы, ото всей своей души* (Мк. XII, 30 и Втор. VI, 5); а если мы надлежащимъ образомъ этого не исполняемъ, то остаемся должниками предъ богомъ и погрѣшаемъ противъ Господа. И кто тогда будетъ за насъ ходатайствовать? Потому что *если согрѣшитъ человекъ противъ другого, то можно еще за него молиться **); а *если онъ противъ Господа погрѣшитъ, то кто за него будетъ молиться ***), какъ говоритъ Илій въ 1-й книгѣ Царствъ (II, 25). Но мы состоимъ должниками и Христа, Который искупилъ насъ Своею кровію (Дѣян. XX, 28; 1 Кор. VI, 20), подобно тому какъ каждый слуга состоитъ должникомъ того, кто его купилъ и за него заплатилъ известную сумму денегъ.— И по отношенію къ Святому Духу имѣемъ мы долги (1 Кор. VI, 19, 20), уплачиваемые если мы Его *не огорчаемъ* (грѣхами: потому что ими мы изгоняемъ Его изъ своего сердца), *Его, Которымъ знаменованы въ день искупленія* (Еф. IV, 30); и если мы Его не огорчаемъ, то приносимъ требующіеся отъ насъ плоды (Мѡ. III, 8; Лк. III, 8—11; VIII, 15; Іоан. XV, 16; Рим. VII, 4; Гал. V, 22, 23), поелику въ томъ Онъ способствуетъ намъ и даетъ нашей душѣ (сверхъестественную) жизнь, (потому что лишь при воздѣйствіи на насъ Святого Духа можемъ мы приносить любезные Богу плоды добродѣтели; ср. 1 Кор. XII, 3).—Но если мы и съ личнымъ нашимъ ангеломъ (хранителемъ; ср. конецъ § 11-го), который видитъ лицо Отца небеснаго (Мѡ. XVIII, 10), незнакомы коротко, то каждому изъ насъ при надлежащемъ размышленіи по меньшей мѣрѣ то становится яснымъ, что и по отно-

*) По Вулгатѣ: *то Богъ еще можетъ быть примиренъ съ нимъ; по русск. отъ Св. Синода изд. переводу: то помолитса о немъ Богу; съ еврейскаго точнѣе: то будетъ сію судити Богъ.*

**) За грѣхи израильтинъ ветхозавѣтные жрецы должны были приносить Богу жертвы и молитвы, и послѣ нихъ (за предполагавшіяся въ будущемъ заслуги Христа) грѣхи были прощаемы. Но чтобы и грѣхъ соблазна и безпутства (1 Царствъ II, 24) могъ быть изглаженъ жертвой и молитвой, въ этомъ отчаявается Илій. Подобнымъ образомъ сомнѣвается и Оригенъ, могутъ ли быть прощены величайшія изъ преступленій противъ любви Божіей.

шенію къ нему мы стоимъ крупными должниками,— Далѣе, если *мы стоимъ зрѣлищемъ для міра, для ангеловъ и людей* (1 Кор. IV, 9), то должны мы знать это: подобно тому какъ актеръ обязанъ предъ лицомъ зрителей то и это говорить или дѣлать и подлежить онъ наказанію, если должнаго не исполняетъ, потому что тѣмъ оскорбляетъ онъ всю публику: точно такъ же и мы всему міру, всѣмъ ангеламъ и человѣческому роду тѣмъ обязаны, чему при сохраненіи въ себѣ доброй воли можемъ научиться отъ Мудрости *).

Кромѣ этихъ болѣе общихъ (долговъ, или обязанностей) особенныя обязанности имѣетъ еще вдова, призрѣваемая церковію; другія обязанности имѣетъ діаконь; опять иные пресвитеръ; и особенно тяжелая обязанность лежитъ на епископѣ, за пренебреженіе которой Спаситель взыщетъ съ него именемъ всей церкви.

Наконецъ, апостоль упоминаетъ объ обязанностяхъ общихъ мужу и женѣ, говоря: *По отношенію къ женѣ мужъ долженъ исполнять (брачныя) обязанности, точно такъ же и жена по отношенію къ мужу* (1 Кор. VII, 3). Онъ прибавляетъ также: *И не уклоняйтесь другъ отъ друга* (1 Кор. VII, 5).

И къ чему перечислять, какъ много лежитъ на насъ обязанностей (соотвѣтственно нашему призванію и состоянію), потому что читатели этого сочиненія изъ сказаннаго прочее могутъ вывести вѣдь и сами? Этихъ обязанностей мы или не исполняемъ, и остаемся тогда связанными отъ нихъ; или мы ихъ исполняемъ, и тогда отъ нихъ свободны. Конечно, въ этой жизни невозможно на каждый часъ дня и ночи не имѣть какой либо обязанности **). Но обязаннымъ намъ можно или исполнять свои обязанности или пренебрегать ими; можно ихъ исполнять въ жизни, но можно ихъ и не соблюдать; потому

*) Отъ Божественной личной Мудрости. Ср. Еккл. XXIV, 40—44; XXXIII, 18, 19. — Приглаголю добродѣтелей мы должны полученный нами отъ Бога свѣтъ обнаруживать предъ всѣмъ міромъ (Мо. V, 16; 1 Петр. II, 12).

**) Хотя бы отъ какой либо изъ своихъ обязанностей мы и освободились чрезъ исполненіе ея, все-же не вполне бываемъ свободны, потому что другія обязанности послѣ того насъ связываютъ; и такъ на каждый часъ.

есть много людей, которые никому и ничѣмъ не обязаны; есть много людей исполняющихъ большую часть своихъ обязанностей и остающихся обязанными лишь за немногое; многіе оплачиваютъ лишь немногое, а за большую часть остаются должными, можетъ быть есть и такіе, которые ничего не платятъ, но за все остаются должными. А кто все исполняетъ такъ, что онъ никому и ничего не остается должнымъ *), тотъ получаетъ возможность къ этому, конечно, лишь со временемъ и оттого нуждается въ прощеніи ему раннихъ долговъ; все-же это прощеніе можетъ онъ навѣрное получить, если онъ съ опредѣленнаго времени старался такъ жить, что изъ своихъ обязанностей ни одной не оставлялъ безъ исполненія и не имѣлъ никакихъ (въ этомъ направленіи) долговъ. Законопреступныя же дѣйствія, напротивъ, пишутся въ душѣ и такимъ образомъ становятся тѣмъ *вспіюющимъ противъ насъ рукописаніемъ* (Кол. II, 14) по которому мы, какъ бы по книгѣ какой, такъ сказать собственно-ручно нами написанной, будемъ судимы и которая потомъ объявлена будетъ, когда *всѣ мы явимся предъ судомъ лица Христавиима, чтобы каждому получить соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или дурное* (2 Кор. V, 10; Рим. XIV, 10). Касательно этихъ долговъ въ Притчахъ написано: *Не будь изъ тѣхъ, которые изъ страха предъ лицемъ поручаются за долги другихъ. Если тебѣ нечѣмъ заплатить, то для чего доводитъ себя, чтобы взяли постелю твою изъ подъ тѣла твоего* (буквально: изъ подъ реберъ твоихъ) (Притч. XXII, 26, 27).

Но если по отношенію такъ ко многимъ мы состоимъ должниками, то многіе и намъ должны: одни состоятъ въ долгахъ у насъ какъ у своихъ ближнихъ, другіе какъ у своихъ согражданъ, иные какъ у отцовъ, еще иные имѣютъ обязанности къ дѣтямъ, и потомъ жены имѣютъ брачныя обязанности по отношенію къ своимъ мужьямъ, друзья по отношенію къ своимъ друзьямъ.

*) Но кому это удается и удается ли?

Въ случаѣ, если изъ великаго числа нашихъ должниковъ многіе въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ намъ оказываются нерадивы, то тѣмъ дружественнѣе по отношенію къ нимъ мы должны поступать, забывая ихъ несправедливости по отношенію къ намъ и помня о множествѣ собственныхъ обязанностей, во многихъ случаяхъ нами не исполненныхъ не только по отношенію къ нашимъ ближнимъ, но и по отношенію къ Богу Самому. Потому что если мы о томъ вспомнимъ, чего въ качествѣ должниковъ мы не исполнили, но что опустили, времени протечь позволивши, въ которое ближнему мы должны были оказать то и это, то будемъ мы снисходительны и по отношенію къ тѣмъ, которые намъ должны и не будемъ слишкомъ строго требовать уплаты намъ ихъ долговъ, особенно если мы того не забудемъ, чѣмъ погрѣшили мы противъ Божія закона и въ чемъ мы оказались преступными противъ Его величія, будетъ ли это изъ невѣдѣнія истины или по недовольству нашими судьбами. Если же мы по отношенію къ нашимъ должникамъ не хотимъ быть снисходительными, то и съ нами поступлено будетъ подобнымъ же образомъ какъ и съ тѣмъ, который не хотѣлъ своему сотоварищу по рабству простить ста динаріевъ: не смотря на то, что по притчѣ Евангелія предъ тѣмъ ему прощенъ былъ его долгъ, Господь повелѣваетъ наложить на него цѣпи *) и требуетъ съ него предъ тѣмъ прощенный ему долгъ, говоря ему: *Ты злой рабъ и лживый! **)* *Не надлежало ли и тебѣ смирноватся надъ товарищемъ твоимъ, какъ и Я помиловалъ тебя? Бросьте его въ темницу, доколь не уплатитъ всего своего долга* (Мѡ. XVIII. 32—34). Господь прибавляетъ: *Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если каждый изъ васъ не прощаетъ отъ сердца своему брату согрѣшеній его* (Мѡ. XVIII, 35). Слѣдовательно, если наши обидчики выражаютъ рас-

*) По чтенію: ἀπειθήσα: „Господь дѣлаетъ ему жестокіе упреки“.

**) Слова: и лживый Оригенъ, цитую по памяти, перенесъ въ это мѣсто изъ другой притчи Спасителя (Мѡ. XXV, 26). Но они не уйдутъ здѣсь, потому что не лживость раба порицается, а жестоносердіе.

каянiе, то мы должны прощать имъ даже и въ томъ случаѣ, если бы должникъ нашъ и часто причинялъ намъ это. Написано: *Если твой братъ согрѣшаетъ противъ тебя семь разъ на день и семь разъ въ день обратится и говоритъ „каюсь“, ты долженъ прощать ему* (Лк. XVII, 4). А противъ тѣхъ, которые не выражаютъ никакого раскаянiя, мы не должны быть жестоки, потому что такіе самими себѣ враги по написанному: *отвергающій наставленіе нерадитъ о душѣ своей* (Притч. XV, 32). Но, конечно, въ такихъ случаяхъ мы всячески должны заботиться и объ исцѣленіи того, который такъ всецѣло извратилъ себя, что не чувствуетъ даже собственной своей бѣдственности и пребываетъ во тьмѣ своей извращенности какъ бы въ опаснѣйшемъ хмелю, хмелю отъ вина.

Но такъ какъ грѣхи оттого происходятъ, что мы нашихъ обязанностей не исполняемъ, то словами: *И прости намъ грѣхи наши* Лука (XI, 4) выражаетъ то же самое, что и Матѳеѣй (въ словахъ: *Оставь намъ долги наши* (VI, 12); но, кажется, Лука исключаетъ (изъ числа достойныхъ прощенiя) того, который, (молясь о прощенiи своихъ грѣховъ, самъ) желалъ бы прощать лишь грѣшникамъ сокрушающимся о своихъ грѣхахъ, ибо онъ говоритъ о томъ, что повелѣлъ намъ добавлять въ молитвѣ Спаситель: *потому что и мы прощаемъ каждому изъ должниковъ нашихъ* (Лк. XI, 4) *).

Всѣ мы, слѣдовательно, властны прощать грѣхи противъ насъ учиненные **. Это ясно изъ словъ: *какъ и мы прощаемъ нашимъ должникамъ* (Мѳ. VI, 12) и изъ другихъ: *потому что и мы прощаемъ каждому изъ нашихъ должниковъ* (Лк. XI, 4). Но кто вдохновленъ Иисусомъ подобно апостоламъ (Іоан. XX, 22) ***) и по плодамъ

*) Если мы хотимъ получить отъ Бога прощеніе своихъ грѣховъ, то во всякомъ случаѣ должны въ сердцѣ прощать всѣмъ своимъ обидчикамъ, даже и нашимъ непримиримымъ врагамъ (Мк. XI, 25, 26).

**) Поколику чрезъ это причиняется несправедливость лично намъ независимо отъ оскорбленiя Бога, которое заключается въ каждой несправедливости нанесимой ближнему.

***) Въ послѣдующемъ предлежитъ тамъ совершенно опредѣлительное свидѣтельство Оригена о власти пресвитеровъ прощать грѣхи. Оставленію вѣны насъ касающейся противопоставляется здѣсь прощеніе, приличествую-

своимъ *) даетъ замѣтить, что онъ Святого Духа имѣеть въ себѣ и есть духовенъ, потому что онъ по образу Сына Божія во всѣхъ занятіяхъ своего призванія бываетъ руководимъ отъ Святого Духа **), тотъ отпускаетъ грѣхи во имя Божіе ***) и удерживаетъ отъ ненесціимыхъ, потому что онъ подобно пророкамъ, которыми возвѣщаемы были не ихъ личныя измышленія, а Божественные совѣты, дѣйствуетъ служба Богу, Который одинъ власть имѣеть (Самъ отъ Себя) прощать грѣхи.

Слова, касающіяся власти апостоловъ оставлять грѣхи, читаются въ Евангеліи по Іоанну такъ: *Пріимите Духа Святого. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся* (Іоан. XX, 22, 23). Если эти слова принять безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, то можно бы за нихъ апостоламъ упрекъ сдѣлать, что они не всѣмъ прощаютъ, дабы всѣ приняли участіе въ оставленіи грѣховъ (Богомъ), но что на нѣкоторыхъ грѣхи они удерживаютъ, такъ что ради ихъ грѣхи тѣ не снимаются съ человѣка и Богомъ. По-

шее лишь Богу, и наше, (т. е. на которое имѣютъ право всѣ люди), прощеніе Божію прощенію, которое во имя Божіе и по воли Божіей и раздается представляющимъ Его лицо священнослужителемъ (ср. послѣдній примѣчанія въ концѣ § 14).

*) Это не плоды добродѣтели; иначе изъ этихъ словъ Оригена могло бы выводимо быть начная со времени споровъ о крещеніи еретиковъ такъ часто поддерживавшееся (особенно гусситами) и столь часто осуждавшееся заблужденіе, что грѣшникъ не можетъ отцускать грѣховъ и вообще рпадать таинства. Первымъ и рѣшительнымъ моментомъ въ полномочіи оставлять грѣхи Оригенъ выставляетъ такой: если кто либо подобно апостоламъ влохновленъ Іисусомъ, т. е. если онъ посвященъ во пресвитера. Изъ добавка Оригена о *плодахъ* было бы ошибкой выводить заключеніе, будто власть оставлять грѣхи Оригенъ поставляетъ въ зависимость отъ особеннаго нравственнаго достоинства и духовной способности пресвитера: не въ зависимость отъ этихъ ту власть прощать грѣхи Оригенъ поставляетъ, а ставитъ оную лишь въ связь съ тѣми нравственными достоинствами, ибо никто, конечно, противъ того не будетъ спорить, что личная духовная просвѣщенность и направленіе воли пресвитера весьма много способствуютъ спасительному принятію таинства. Личныя достоинства пресвитера въ каждомъ конкретномъ случаѣ значить лишь цѣлесообразны и спасительны: но все-таки предполагается обладаніе полномочіемъ.

**) Въ нѣвѣстномъ смыслѣ и грѣхонный пресвитеръ при прохожденіи своего призванія руководимъ бываетъ Святимъ Духомъ, благодать Котораго онъ получаетъ при посвященіи.

***) Буквально: отпускаетъ грѣхи лишь Богомъ отпускаемые.

тому цѣлесообразнымъ становится заимствовать примѣръ изъ закона (Моисеева), дабы понять, какъ оставленіе грѣховъ людскихъ Богомъ посредствуется людямъ чрезъ людей же. Пресвитерамъ подзаконнымъ запрещено было за нѣкоторые грѣхи приносить жертву, изъ за которой преступленія тѣхъ, за коихъ она приносится, могли бы имъ оставлены быть. И хотя пресвитерь имѣлъ полномочіе приносить жертвы за многіе неумышленные грѣхи и преступленія (Лев. IV, 2 и д.), все-же не приносилъ оныхъ жертвы ни всесожженія ни очистительной за прелюбодѣяніе или за предумышленное убійство и за другія тяжкія преступленія. Точно также и Святымъ Духомъ наученные апостолы и тѣ, которые въ качествѣ пресвитеровъ по образу великаго Первосвященника на апостоловъ походятъ и божественную службу разумѣютъ, знаютъ, за какіе грѣхи должно приносить жертву *) и когда и какимъ образомъ; знаютъ же они и то, за кого этого не должно дѣлать. Оттого когда (перво) священникъ Илій узналъ, что его сыновья Офни и Финеесъ ведутъ грѣховную жизнь, и что онъ ничего не въ состояніи сдѣлать для прощенія имъ грѣховъ ихъ, онъ провозноситъ то, въ чемъ можно видѣть даже отчаяніе его; онъ говоритъ: *Если согрѣшитъ человекъ противъ другого, то можно за него молиться; если же человекъ согрѣшитъ противъ Господа, то кто будетъ за него молиться* (1 Царствъ II, 25 ср. выше стран, 250).

Для меня понятно, какимъ образомъ нѣкоторые присволяютъ себѣ то, что выходитъ за предѣлы пресвитерскихъ полномочій; и безъ сомнѣнія вслѣдствіе непониманія надлежащимъ образомъ богословской науки хвастаются они, что можно было бы и идослуженіе прощать и прелюбодѣяніе и блудодѣяніе, какъ будто бы силою ихъ молитвы **) могъ разрѣшаемъ быть для такихъ беззаконни-

*) Выраженіе это заимствовано отъ петховавѣтнаго аналогона таинству покаяній, отъ очистительной жертвы, и стоитъ вмѣсто: давать разрѣшеніе.

**) Силою разрѣшительныхъ словъ, которыя тогда имѣли форму молитвы: ср. послѣднее примѣч. въ § 13-мъ.

ковъ и *грѣхъ къ смерти* (1 Иоан. V, 16) *). Развѣ они не читали словъ: *Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ говорю чтобы за этихъ кто либо молился* (1 Иоан. V, 16) **).

*) Подъ *грѣхомъ къ смерти* Оригенъ разумѣеть кажется тяжчайш. паденія: убійство, идолослуженіе, прелюбодѣяніе и т. д., которыя по нему неисцѣльны подобно тому какъ въ ветхомъ завѣтѣ за грѣхи смертныя (ср. Числ. XVIII, 22) не могло быть приносимо никакой жертвы. Что разумѣль подъ *грѣхомъ къ смерти* св. Іоаннъ, объ этомъ мнѣніи экзегетовъ различны. Болѣе всѣхъ подходит къ мнѣнію Оригена Cornelius a Lapide, впрочемъ приводящій двѣнадцать различныхъ мнѣній. Подъ *грѣхомъ къ смерти* онъ разумѣеть всякій весьма тяжкій грѣхъ, который вслѣдствіе своего безобразія или привычки къ нему какъ бы не поддается леченію, исправленію и исцѣленію. Различается сей экзегетъ отъ Оригена въ томъ лишь, что признаетъ онъ эти грѣхи „какъ бы неисцѣльными“; а Оригенъ прямо называетъ ихъ „неисцѣльными“. Но хотѣлъ ли этимъ Оригенъ то сказать, что такіе грѣхи къ смерти безусловно неисцѣльны и ни подъ какимъ условіемъ не могутъ быть прощены, это дѣло спорное. Многіе изъ писавшихъ объ Оригенѣ полагаютъ, что выше приведенными словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы къ неисцѣльнымъ грѣхамъ пригнѣлена была подобная же строгость, какую обнаружили нѣкоторые изъ африканскихъ епископовъ или напр. соборъ отцовъ въ Иллоберіеѣ (въ 305 г.) которые подобнаго рода грѣшниковъ вообще не допускали до покаянія и даже на смертномъ одрѣ лишали принята св. таинъ: отношеніе не одобренное соборомъ Никейскимъ. Напротивъ de la Rue въ примѣчаніи къ выше приведенному мѣсту Оригена пишетъ: Я убѣжденъ, что Оригенъ здѣсь воспріимаетъ пресвитеръ только легкомысленное пользованіе своимъ полномочіемъ прощать всѣ грѣхи безъ различія и безъ выбора, когда бы ни было ему это угодно и потому что это ему такъ было угодно; отвѣтственности за нѣкоторые тяжкіе грѣхи, какъ напр. за идолослуженіе, прелюбодѣяніе и блудодѣяніе по Оригену пресвитеръ не долженъ съ виновнаго снимать, доколѣ грѣшникъ въ долговъ и затѣльно проходимо покаяніе не принесетъ достойныхъ плодовъ и не содѣлаетъ себя достойнымъ прощенія и примиренія (Ср. С. Ceisum III, 50). Подобно же говоритъ Меглеръ (Patrologie S. 563): „Оригенъ здѣсь самъ себѣ дѣлаетъ возраженіе: почему апостолы и пресвитеры, получившіе отъ Бога уполномоченіе прощать грѣхи и удерживать, не всѣмъ раздають это благодѣяніе, чтобы всѣ могли спастись?“ И отвѣчаетъ онъ на это возраженіе такъ: „Этимъ своимъ правомъ пресвитеръ не долженъ пользоваться произвольно, но по примѣру ветхаго завѣта согласно съ Божиимъ повелѣніемъ и въ его духѣ раздавать эту благодать лишь тѣмъ, которые надлежащимъ образомъ къ тому подготовлены и оказываются того достойными, потому что внутренно нераскаивныи, хотя бы внѣшнимъ образомъ отъ епископа и были приняты, внутренно предъ Богомъ своею виною осаеетъ все-таки связаннымъ. Поэтому то Оригенъ и ренуиетъ противъ многихъ легкомысленныхъ и невѣжественныхъ пресвитеровъ своего времени, которые имѣя одно-стороннее представленіе о широтѣ своихъ пресвитерскихъ полномочій или объ описъ эрегатицинизмъ думали, что такія преступленія какъ идолослуженіе, прелюбодѣяніе, коротко величайшія изъ нихъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей могутъ быть отпущаемы единственно простымъ ихъ разрѣшеніемъ. Въ этомъ выражалъ онъ то, что было на сердцѣ у вселенской церкви“. Не смотря на эти прекрасныя объясненія, врядъ ли у кого можно взглянуть въ мысли положительное впечатлѣніе отъ словъ Оригена въ предлежащемъ мѣстѣ; кажется вѣрнѣе будетъ думать, что упомянутыхъ грѣховъ по мнѣнію Оригена, пресвитеръ ни подъ какимъ условіемъ не долженъ прощать.

**) Апостолъ имѣлъ здѣсь въ виду однакоже не практику таинства ло-

И то не должно быть пройдено молчаніемъ, какъ доблестный Іовъ приносилъ за своихъ сыновей жертвы, говоря: *Могли сыновья мои въ своемъ сердце нѣчто злое помыслить противъ Бога* (Іов. 1, 5). Онъ приносить жертву за грѣхи неизвѣстные, еще не дошедшіе до устъ *).

§ 29. *И не введи насъ во искушеніе, но избавь насъ отъ зла.*—Вся земная жизнь наша полна искушеній, которыя, впрочемъ, не одинаковы для новичковъ въ духовной жизни и для совершенныхъ: Этому учить свящ. Писаніе въ изреченіяхъ и примѣрахъ; это же подтверждается и общимъ опытомъ: богатый и бѣдный, праведникъ и грѣшникъ, здоровый и больной, знатный и простолюдинъ, всѣ они подвергаются различнымъ искушеніямъ; даже изученіе свящ. Писанія имѣетъ свои опасности. Оттого, когда возлагается на насъ обязанность молиться, *какъ бы не впасть намъ въ искушеніе*, то это не тотъ смыслъ имѣетъ, какъ будто бы мы желать должны, чтобы намъ совсѣмъ не подвергаться искушеніямъ,—это невозможно,—но мы только того желать должны, чтобы не быть намъ побѣжденными отъ искушеній. Но обязаннымъ молиться: *Не введи насъ въ искушеніе*, запрашивается намъ на вниманіе вопросъ: Можетъ ли Богъ кого-нибудь искушать и въ несчастіе ввергать? Трудность не разрѣшается отличеніемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми еретиками жестокосердаго Бога закона отъ Бога евангелія, потому что и новозавѣтный Богъ вводитъ людей въ искушенія. Разрѣшеніе, по мнѣнію Оригена, должно быть слѣдующее. Подобно тому какъ нѣкогда въ пустынѣ Богъ подалъ народу мясо для пресыщенія, чтобы въ корнѣ исцѣлить его отъ беспорядочныхъ плотскихъ же-

каній конечно, а говорилъ лишь о молитвахъ христіанскаго общества за грѣшниковъ.

*) Оригенъ хочетъ сказать: Изъ этого можетъ быть выводимо заключеніе, что грѣхи противъ Бога, перешедшіе уже въ дѣло, Іовъ считалъ неисцѣлимыми.

ланій, подобнымъ образомъ Богъ и доннынѣ вводитъ превратныхъ людей въ искушенія, т. е. отдаетъ ихъ на жертву низкихъ ихъ пожеланій, дабы чрезъ безмѣрную преданность грѣховнымъ удовольствіямъ они получили отвращеніе ко грѣху, и въ послѣдующей своей жизни уже не такъ легко впадали бы въ грѣхи. Это бываетъ истиннымъ, величайшимъ за грѣхъ наказаніемъ; это какъ бы очищеніе въ огнѣ. Въ словахъ: *Не введи насъ въ искушеніе* потому молимся мы о благодати, чтобы не дѣлать намъ ничего такого, вслѣдствіе чего мы могли бы преданы быть грѣховнымъ пожеланіямъ своего сердца. Искушенія, впрочемъ имѣютъ ту пользу, что въ нихъ открывается истинное наше душевное состояніе. Памятованіе же о прежнихъ искушеніяхъ можетъ предупреждать побѣду надъ нами послѣдующихъ.

И не введи насъ въ искушеніе, но избавь насъ отъ зла (Мѣ. VI, 13; Лк. XI, 4) *). Слова: *Но избавь насъ отъ зла* у Луки опущены.—Если Спаситель повелѣваетъ намъ молиться не о чемъ либо невозможномъ, то нахожу я стоящимъ разслѣдованія, возможно ли было дать намъ заповѣдь о томъ молиться, чтобы не падать въ искушеніяхъ, когда вся человѣческая жизнь на землѣ есть время искушенія. Потому что доколѣ мы живемъ на землѣ, доколѣ состоимъ одѣтыми плотію, которая *противится духу* (Гал. V, 17) и которой *стремленіи суть вражда противъ Бога, потому что закону Божию она не покоряется, да и не можетъ* (Рим. VIII, 7), доколѣ мы подлежимъ искушеніямъ.

А что вся человѣческая жизнь на землѣ (дѣйствительно) есть время искушенія, этому учитъ насъ Іовъ въ словахъ: *Человѣческая жизнь на землѣ не есть мѣ*

*) Славословіе: *Потому что Твое есть царство и сила и слава во вѣки* встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ греческихъ изданіяхъ. Изъ нихъ рано оно вошло въ богослужбное употребленіе церкви, въ которомъ удерживается и понынѣ. Оригенъ какъ этого славословія въ концѣ «молитвы Господней», такъ и слова *Аминь* въ концѣ ея и славословія еще не зналъ.

время искушенія (Пов. VII, 1)? *). Подобное же открывается изъ словъ 17-го псалма: *Тобою буду избавленъ я отъ искушенія* (Пс. XVII, 30)**). Но и Павелъ пишетъ къ коринфянамъ, что благодать Божія не въ томъ состоитъ, чтобы не подвергаться искушеніямъ, а въ томъ чтобы не подвергаться намъ искушеніямъ свыше нашихъ силъ, ибо говоритъ: *Только человеческое* (т. е. соразмѣренное съ человѣческими силами) *искушеніе васъ постигало; Но Богъ впренъ: Онъ не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ вашихъ силъ; но при искушеніи дастъ вамъ и облегченіе, чтобы вы могли перенести оное* (1 Кор. X, 13). Никогда мы не свободны отъ искушеній; ни теперь, когда мы противъ плоти бороться должны, желающей противнаго духу, или ему противящейся (Гал. V, 17), или противъ души всякой плоти***), которая,—нося одно и то же имя съ тѣломъ, состоящимъ для нея сѣдалищемъ,—представляетъ изъ себя начало повелѣвающее, такъ называемое сердце****); ни тогда, когда въ качествѣ борцовъ впередъ движущихся и совершенныхъ уже не противъ плоти и крови бороться должны мы и не въ побѣжденныхъ уже человѣческихъ искушеніяхъ испытываемы бываемъ, а боремся уже *противъ властей и силъ, противъ миродержителя тьмы сего вѣка и духовъ злобы* (Еф. VI, 12).

Какъ же это, слѣдовательно, Спаситель повелѣваетъ молиться о томъ, чтобы не (попускалъ намъ Богъ) въ...¹ дать въ искушенія (Мо. XXVI, 41), когда нѣкоторымъ образомъ всѣхъ Богъ искушаетъ? Потому что не къ

¹) Такъ и по славянскому переводу. По русскому отъ Св. Синода изданному: *не опредѣлено ли время человеку на земль?* По Вульгатѣ: *Человѣческая жизнь на земль не есть ли воинская служба?*

***) Такъ и по слав. переводу. По русскому отъ Св. Синода изданному: *съ Тобою я поражаю войско.*

****) Т. е. противъ крови, потому что по Лев. XVII, 11 *душа всякой плоти кровь есть* (по Вульгатѣ и Русск. отъ Св. Синода изд. переводу: *отъ крови*).

****) „Душа“,—(или „сердце“,—состоящее главнымъ сѣдалищемъ крови, или главнымъ сѣдалищемъ желательной способности, или, по трихотомическому пониманію Оригена, сѣдалищемъ души (въ противоположность „духу“),—равнозначительно „душѣ“ и часто это слово употребляется въ такомъ смыслѣ),—грѣшными способами пожеланіями вызываетъ духъ на великую борьбу противъ себя.

старѣйшинамъ только своего времени, но и ко всѣмъ читателямъ своей книги говоритъ Юдиѣ: *Вспомните, какъ Онъ съ Авраамомъ поступалъ* (Быт. XII, 1; XXI, 12; XXII, 1 и д.), *какъ сильно Исаки испыталъ* (Быт. XXII, 9; XXVI, 1 и д.), *что было съ Иаковомъ, когда онъ въ Месопотаміи въ Сиріи пасъ овецъ дяди своего* (брата матери своей) *Лавана* (Быт. XXIX). *Какъ ихъ испыталъ Онъ не для испытанія сердца ихъ, такъ и намъ не мститъ, а только для оразумленія* *показываетъ Господь приближающихся къ Нему* (Юд. VIII, 26, 27). О всѣхъ же вообще праведныхъ говоритъ Давидъ въ такихъ словахъ: *Много скорбей у праведнаго* (Пс. XXXIII, 20); и апостоль въ Дѣянїяхъ: *Многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царствіе Божіе* (Дѣян. XIV, 22). И если молитвы о не введеніи насъ во искушеніе надлежащимъ образомъ мы не понимаемъ, чего большинству дѣйствительно и недостаетъ, то должны мы конечно утверждать, что молитва апостоловъ не была услышана, потому что во время своей жизни они столько ужаснаго терпѣли *въ безчисленныхъ трудахъ, въ многочисленныхъ оскорбленїяхъ*, (въ пребываніи) *сверхъ мѣры въ темницахъ, въ частыхъ смертныхъ опасностяхъ* (2 Кор. XI, 23); и Павелъ главнымъ образомъ изъ за іудеевъ пять разъ получилъ по 39 ударовъ, три раза степенъ былъ прутьями, однажды былъ побиваемъ камнями, трижды казнилъ крушеніе терпѣль, ночь и день пробылъ во глубинѣ морской (2 Кор. XI, 24, 25); этотъ человекъ вслѣдствіи притѣсненій, приводимъ въ отчаянныя обстоятельства, преслѣдуемъ и низлагаемъ (2 Кор. IV, 8, 9), ибо онъ и самъ признается: *Дажь до настоящаго часа терпимъ мы голодъ и жажду, обнаженность, кулачные побои, не имѣемъ постояннаго мѣстожительства и работаемъ до утомленія своими собственными руками; проклинаютъ насъ, а мы благословляемъ; преслѣдуютъ, а мы терпимъ; порочатъ насъ, а мы молимся* (1 Кор. IV, 1!—13). Но если уже апостолы своею молитвою не достигли никакого успѣха, то какую же надеждою быть услышаннымъ отъ Бога можетъ одушевляться кто либо изъ менѣе

мужественныхъ? Если въ 25-мъ псалмѣ потомъ говорится: *Испытай меня, Господи, и искуси меня; расплавь въ огнь внутренности мои и сердце мое* (Пс. XXV, 2), то не понимающій точно заповѣди Спасителя легко придетъ къ мысли, что противорѣчить это ученію нашего Спасителя о молитвѣ *).

Далѣе, когда кто либо, съ тѣхъ поръ какъ онъ вполне вошелъ въ разумъ, когда и кто вѣрилъ, что люди, которыхъ онъ зналъ, живутъ безъ искушеній? И какое это такое время можно указать, въ которое нечего было бы бояться грѣха, потому что не надлежитъ борьбы (съ нимъ)? Бѣденъ ли кто, тотъ пусть оберегается, *какъ бы не украсть и потомъ не употреблять имени Божія всуе* (Притч. XXX, 9). Если напротивъ богатъ кто, то и онъ страшиться долженъ, потому что среди изобилія онъ можетъ сдѣлаться лжецомъ и въ своей надменности сказать: *Что видитъ меня* (Притч. XXX, 9)? Не былъ ли уже и Павелъ при своемъ богатствѣ *во всякомъ ученіи и во всякомъ познаніи* (1 Кор. 1, 5) не совершенно свободенъ отъ опасности погрѣшить самопревознесеніемъ и не нуждался ли онъ при этомъ въ нѣкоторомъ жалѣ, которымъ сатана *удручалъ его, дабы онъ не превозносился* (2 Кор. XII, 7)? Но если кто и добрую совѣсть имѣетъ и возвышенъ надъ зломъ, читай тотъ во 2-й книгѣ Паралипоменонъ рассказываемое объ Езекин, о которомъ здѣсь повѣствуется, какъ онъ палъ чрезъ свое высокомеріе (2 Пар. XXXII, 25—31). Если же на томъ основаніи, что мы не распространились о бѣдныхъ, а особенно на томъ основаніи, что *бѣдный по Соломону никакой угрозы* (отъ разбойниковъ) *не слышитъ* (Притч. XIII, 8), кто либо предался бы беззаботности, какъ будто при бѣдности не бываетъ искушеній, то пусть знаетъ тотъ, что врагъ подстерегаетъ, чтобы *низложить и бѣднаго и щедраго* (Пс. XXXVI, 14: X, 9). Цѣль необходимости распространяться также и о томъ,

*) Псалмопѣвецъ молится: *Искуси меня*; а Господь молиться повелѣваетъ: *И не введи насъ въ искушеніе*.

какъ многіе вслѣдствіе безпутнаго пользованія богатствомъ наслѣдовали себѣ долю въ мѣстѣ мученія совместно съ евангельскимъ богачемъ (Лк. XVI, 22). И какъ многіе потеряли право надѣяться на небо, потому что они бѣдность переносили малодушно, вели себя при этомъ такъ, что поведеніе ихъ приличествовало болѣе рабамъ и людямъ изъ низшихъ классовъ общества, нежели себя вели какъ подобало то святымъ (Еф. V, 3). Между тѣмъ и средину занимающіе между богатствомъ и бѣдностію далеко не безопасны отъ того, чтобы и при своемъ посредственномъ имуществѣ не грѣшить. Здоровъ ли кто тѣлесно и силенъ и по причинѣ своихъ здоровья и силы считаетъ себя свободнымъ отъ всякаго искушенія: но кому болѣе какъ не здоровому и сильному свойственъ грѣхъ *осквернилъ храма Божіа* (1 Кор. III, 17)? Если никто не рѣшается ясно говорить о семъ *), то безъ сомнѣнія потому лишь, что и безъ того это всеѣмъ понятно. И какой большой избѣжалъ искушеній *осквернитъ храмъ Божій*, пребывая во время болѣзни въ праздности и весьма легко склоняясь къ мыслямъ о предметахъ нечистыхъ? Но къ чему говорить я буду и о томъ, что кромѣ тѣхъ нечистыхъ мыслей его тревожить, если онъ *со всею предусмотрительностію не охраняетъ своего сердца* (Притч. IV, 23)? Потому что страданіями осиливаемые и не въ состояніи будучи переносить болѣзней мужественно, уже весьма многіе признавались, что они болѣли тогда гораздо болѣе душою, чѣмъ тѣломъ; а многіе себя и вѣчнымъ стыдомъ покрыли, потому что изъ страха предъ безчестіемъ они устыдились благороднаго ношенія имени Христова (Лк. IX, 26).—Можетъ быть кто-нибудь полагаетъ, что онъ тогда отъ искушеній покой будетъ имѣть, когда будетъ въ почетѣ отъ людей, но не къ тѣмъ ли обращено это жесткое слово: *они уже получаютъ награду свою* (Мф. VI, 2), не къ тѣмъ ли, которые почетомъ своимъ у на-

*) Нѣжному христіанскому чувству противно нѣкоторые нечистые грѣхи даже и называть (Еф. V, 3).

родныхъ массъ гордятся какъ нѣкимъ благомъ? Ужели же полно укоризны это слово: *Какъ можете вы вѣр-
вать, когда другъ отъ друга принимаетъ славу; а славы,
которая отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. V, 44)? Нѣтъ
нужды перечислять и грѣхи высокоомѣрія, въ какіе впа-
даютъ считающіе себя благородными, равно какъ такъ
называемые простолюдины, въ своей безпомощности
практикующіе предъ мнимо знатными отдѣляющую отъ
Бога льстивую низость, на которую тѣ, не питая къ
низшимъ себя истинной дружбы, отвѣчаютъ лицемѣріемъ,
прикрывающимъ лишь недостатокъ благороднѣйшаго въ
человѣкѣ, любви?

Такимъ образомъ вся жизнь человѣческая на сей
землѣ, какъ выше упомянуто (ср. начало сего §; Іов.
VII, 1), есть время искушенія. Потому мы должны мо-
литъся объ освобожденіи отъ искушенія не въ томъ
смыслѣ, чтобы вовсе не быть искушаемыми, — потому что
это невозможно, особенно для жителей земли, — но
чтобы въ искушеніи намъ не падать. Побѣждаемый же
отъ искушенія по моему мнѣнію есть тотъ, кто впадетъ
въ оное и запутывается въ его сѣтихъ. Въ эти-
то сѣти ради уловленныхъ въ оныя и вошелъ Спаси-
тель; и *зря чрезъ сѣть, какъ говорится въ Пѣсни пѣс-
ней* (II, 9), отвѣчаетъ Онъ попавшимся въ оную и впа-
вшимъ въ искушеніе и взываетъ къ нимъ какъ къ своей
невѣстѣ: *Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя,
выйди* (II, 10) *).

Въ подтвержденіе, что всякое время для человѣка
есть время искушенія, хочу я добавить еще слѣдующее.
Даже и тотъ, кто занятъ закономъ Божиимъ день и ночь,
и слово: *Уста праведника истощаютъ мудрость* (Притч.
X, 31) кто старается исполнить въ совершенствѣ, даже
и тотъ не свободенъ отъ искушеній. Для чего потому

*) Спаситель принялъ человѣческую природу и началъ жить этою зем-
ною жизнью, которая со всѣхъ сторонъ какъ бы сѣтью окружена грѣхомъ.
Вступилъ Онъ въ эту сѣть, чтобы освободить попавшихъ въ узы грѣха. Къ
каждой плѣненной человѣческой душѣ посему Онъ обращается съ зовомъ,
чтобы она приблизилась къ Нему, потому что только Имъ она можетъ быть
спасена изъ своего плѣна.

буду я перебирать и все множество людей, которые, посвятивъ себя изученію божественныхъ писаній, ложно поняли изреченія въ законѣ и пророкахъ и стали питать мнѣнія нечестивыя и произвольно измышленныя или и вовсе глупыя и смѣшныя; что за польза произойдетъ отъ изложенія подобныхъ заблужденій, въ которыя впади вѣдь весьма многіе и изъ такихъ людей, которыхъ нельзя упрекнуть въ перадивомъ отношеніи къ изученію Писанія? Это же самое случилось со многими при изученіи ими апостольскихъ и евангельскихъ Писаній, потому что въ своемъ безразсудствѣ они создали въ своемъ воображеніи другого то Сына, то Отца, нежелая о конхъ учать и какихъ согласно съ истиной приемятъ (писатели священнаго Писанія) *). А кто о Богѣ и Его Помазаникѣ имѣетъ неправильное понятіе, тотъ отъ истиннаго Бога и Его едиnorodнаго Сына отпалъ; молитва же къ мнимымъ Отцу и Сыну, которыхъ его неразуміе измыслило, остается недѣйствительной. А это потому съ нимъ случилось, что не припялъ онъ въ соображеніе искушенія при изученіи свянц. Писанія, и къ борбѣ ему тогда угрожавшей не былъ приготовленъ.

Мы должны, слѣдовательно, молиться не о томъ, чтобы не подвергаться искушеніямъ,—потому что это невозможно,—а о томъ, чтобы не быть отъ искушеній осиливаемы, какъ происходитъ это съ тѣми, которые въ искушеніяхъ запутываются и ими побѣждаются.

Такъ какъ внѣ молитвы **) написано: *Молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе* (Мк. VI, 13; Лк. XI, 4), какое изреченіе послѣ всего сказаннаго, конечно, яснымъ будетъ для каждаго; и такъ какъ въ молитвѣ къ Богу Отцу, напротивъ, мы должны говорить: *Не введи насъ въ*

*) Оригенъ имѣлъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ, конечно, маркіонитовъ съ ихъ довольно широко распространеннымъ ученіемъ, что Богъ ветхаго завета совершенно другой, нежели Богъ завета новаго. А что Оригенъ именно это лжеученіе отличаетъ, и въ послѣдующемъ нѣсколько опровергаетъ, основаніемъ этого было особенно то, что по свидѣтельству блаж. Іеронима и Амвросія, для котораго Оригенъ писалъ это сочиненіе „О молитвѣ“, ранѣе былъ маркіонитомъ.

**) Т. е. въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ названа „молитва Господни“, а именно въ мѣстахъ называемыхъ въ текстѣ ниже.

искушеніе (Мо. VI, 13; Лк. XI, 4), то стоитъ того предметъ, чтобы обратить на него вниманіе, тотъ именно предметъ, какъ понимать это, что Богъ того вводитъ въ искушеніе, кто не молится или чья молитва не выслушивается. Такъ какъ въ искушеніе впадаетъ тотъ, кто имъ побѣждаемъ бываетъ, то мнѣніе будто Богъ кого либо вводитъ въ искушеніе, его какъ бы предавая на поражение, оказывается неумѣстнымъ. Ту же самую нелѣпость представляетъ первое вошедшее на умъ пониманіе мѣста: *Молитесь, чтобъ не впасть въ искушеніе* (Лк. XXII, 40; Мѡ. XXVI, 41). А именно, если нѣчто злое представляетъ собою подвергаться искушенію и если мы молимся, чтобы съ нами этого не случилось, то не бессмысленно ли думать, что добрый Богъ, Который не можетъ приносить злыхъ плодовъ (Мо. VII, 18), кого либо ввергаетъ во грѣхи? Здѣсь полезно будетъ привести то, что говоритъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ. *Выдавая себѣ за мудрыхъ они обезумѣли и слову истиннаго Бога измѣнили въ подобіе и образъ тлѣннаго человека, и птицъ, и четвероногихъ, и пресмыкающихся животныхъ. Потому и предалъ ихъ Богъ въ похотѣхъ сердца ихъ нечистотѣ, такъ что они взаимно сквернили свои тѣла* (Рим. I, 22—24). И нѣсколько далѣе: *Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ: женщины ихъ заимали естественное употребленіе противъ естественнаго; подобнымъ образомъ и мужчины, оставивъ естественное употребленіе женщины, разжигались* (Рим. I, 26, 27) и т. д. И опять нѣсколько далѣе: *И такъ какъ они не заботились Бога имѣть въ разумъ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму творить неподобающее* (Рим. I, 28).

Но все это можетъ быть тѣмъ противопоставлено, которыми Божество раздѣляется; и такъ какъ по ихъ мнѣнію добрый Отецъ нашего Господа отличенъ отъ Бога закона, то можно ихъ спросить: Добрый ли Богъ того *въ искушеніе вводитъ*, чья молитва безуспѣшна; и Отецъ ли Господа *передаетъ грѣшниковъ нечистотѣ въ похотѣхъ сердца ихъ, такъ что они взаимно скверняютъ*

свои тѣла; и Оно ли, который по ихъ увѣренію далеко отъ осужденія и наказаній, *предаетъ ихъ постыднымъ страстямъ и превратному уму творить неподобающее*: потому что они похотямъ своего сердца не подпали бы, если бы этимъ не предалъ ихъ Богъ *); и постыднымъ страстямъ они не предали бы, если бы и этимъ ихъ не предалъ тотъ же Богъ; и превратному уму предоставлены не были бы, если бы они не были осуждены и преданы на это Богомъ. И я хорошо знаю, что это приводитъ ихъ въ великое замѣшательство. Другого Бога, нежели Творецъ неба и земли, въ своемъ воображеніи они потому вѣдь и создали, что въ законѣ и пророкахъ многое нашли въ этомъ родѣ и потому они преткнулись о мнѣніе, будто бы Тотъ не благъ, Кто изрекаетъ такіа слова **).

Но изъ за изложеннаго сомнѣнія относительно мѣста: *Не вводи насъ въ искушеніе* (Мѡ. VI, 13; Лк. XI, 4), ради котораго мы привели слова апостола, теперь мы должны рассмотреть, не можемъ ли мы ***) найти разрѣшеніе противорѣчій, которое достойно было бы признанія.

Держусь я того мнѣнія, что Богомъ каждая разумная душа руководится съ отношеніемъ къ ея вѣчной жизни; а именно она постоянно сохраняетъ свободный выборъ и соотвѣтственно своимъ собственнымъ рѣшеніямъ или впередъ движется по пути добра, восходя даже на вершину добродѣтели; или же она по различнымъ ступенямъ, начиная съ невнимательности, сходитъ

*) Апостольское *παράδοξον* Оригенъ понимаетъ, следовательно, не въ смыслѣ лишь простаго доушемія.

**) Обращая вниманіе на массу зла въ мірѣ, Маркіонъ считалъ невозможнымъ, чтобы злотъ міръ созданъ быть добрымъ Богомъ; а такъ какъ свитц. Писаніе понимаетъ оное совершенно буквально, то ему казалось, что многое сообщаемое ветхимъ завѣтомъ о Богѣ, Бога недостойно. Оттого кромѣ „Бога сына“ или „Творца міра“, существа очень несовершеннаго и жестокаго, принималъ оное бытіе еще высшаго Бога, который открылся лишь въ новѣмъ завѣтѣ, чтобы разрушить дѣло ветхозавѣтнаго Бога. Поэтому-то Оригенъ задѣсь и противопоставляетъ Маркіону, что по приведеннымъ намъ апостола мѣстамъ Богъ и въ новомъ завѣтѣ дѣйствуетъ точно также жестоко-сердце, какъ и въ ветхомъ; какъ же Маркіонъ это объяснитъ?

***) Грѣзамъ маркіонитовъ Оригенъ противопоставляетъ въ послѣдующемъ также грѣзы.

въ очень глубокія пропасти порока *). Поелику теперь исцѣленіе быстрое, совершившееся въ теченіе времени вѣчень краткаго, многимъ даетъ поводъ пренебрегать болѣзнями, въ которыя они впали, какъ будто онѣ легко исцѣлимы, такъ что по своемъ выздоровленіи они снова въ оныя впадаютъ; то для Бога представляется въ этомъ твердое основаніе не дарить такихъ своимъ о нихъ промышленіемъ, и оставлять безъ онаго, чтобы порча въ нихъ возрастала, увеличивалась бы въ нихъ до высшей степени и становилась бы (въ этой жизни) неисцѣльною, дабы они долгой порочною жизнью и чрезмѣрнымъ удовлетвореніемъ чувственныхъ пожеланій пресытившись, замѣтили бы свою поврежденность и потомъ возненавидѣли бы то, что предъ тѣмъ съ радостью обнимали; и такимъ образомъ, по исцѣленіи, могли бы изъ снова возстановленнаго здоровья своей души извлечь болѣе продолжительную пользу. Подобнымъ образомъ тѣ, *которые къ израильтянамъ прильгались **), тогда возмѣтали страстное желаніе, сидѣли и плакали вмѣстѣ съ сынами Израіля и говорили: Кто накормитъ насъ мясомъ? Мы поимимъ рыбу, которую въ Египтѣ ѣли даромъ, огурцы и дыни ***), и лукъ (зеленый) и лукъ рѣпчатый и чеснокъ; а теперь мы исхудали. Ничего не видимъ кромѣ манны (Числь XI 4—6). Потомъ говорится нѣсколько далѣе: И услышалъ Моисей, что народъ плачетъ въ семействахъ своихъ, каждый у дверей шатра своего (Числь XI, 10). И опять нѣсколько далѣе Гос-*

*) Это восхождение и спусхождение души естественно нужно понимать метафорически.—По Оригену время дѣятельности и заслугъ со смертію слѣдовательно не кончается, но удерживаетъ человѣкъ *всегда* свободу выбора и можетъ въ теченіе своей *вѣчной*, постоянно продолжающейся жизни, т. е. въ теченіе безчисленныхъ однимъ за другимъ слѣдующихъ періодовъ міра (ср. въ § 27 столбца 125—9) какъ отъ прежнихъ грѣховъ, даже отъ величайшихъ освободиться (ср. въ § 27 столб. 128—9), такъ и новымъ предаваться или же добродѣтели приобретать. По православному ученію это мнѣніе совершенно ложно.

**) При исходѣ изъ Египта. Исх. XII, 38.—Съ еврейскаго: „многочисленная смѣшанная толпа“.

***) Пѣткою значить собственно: созрѣлый или сваренный плодъ. Дыни употребляемы были въ пищу только зрѣлыми, между тѣмъ какъ огурцы (αἰχόβοε) лишь незрѣлыми.

подъ говорить Моисею: *И ты долженъ сказать народу: освятите себя (очиститесь) на утро и будете ѣсть мясо. Такъ какъ вы плакали предъ Господомъ и говорили: Кто накормитъ насъ мясомъ; хорошо намъ было въ Египтѣ: то и дастъ вамъ Господь мясо и будете ѣсть мясо. Не одинъ день будете ѣсть, не два дня, не пять дней и не двадцать дней, цѣлый мѣсяцъ будете ѣсть, пока оно не пойдеть у васъ изъ носа и не сдѣлается для васъ отвратительнымъ за то, что вы презрѣли Господа. Который посреди васъ и не довѣряли Ему и плакали предъ Нимъ и говорили: зачѣмъ это мы вышли изъ Египта* (Числь XI, 18—20)? Теперь мы посмотримъ, цѣлесообразно ли привели мы этотъ разсказъ для разрѣшенія трудности, заключающейся въ мѣстѣ: *Не введи насъ въ искушеніе* (Мѡ. VI, 13; Лк. XI, 4) и въ словахъ апостола (Рим. I, 23—28).

Въ своемъ страстномъ желаніи чужеземцы плакали въ средѣ Израиля и сыны Израиля съ ними (Числь XI, 4). Ясно, что доколѣ желаннаго они не имѣли, то никакого отвращенія къ тому не получали и не могли заглушить въ себѣ своей страсти; а когда любвеобильный и милосердый Богъ желанное далъ имъ, то восхотѣлъ Онъ имъ дать то въ такой мѣрѣ, чтобы пожеланія болѣе не осталось. Потому говорить Онъ, что должны они не въ теченіе только одного дня мясо ѣсть (Числь XI, 19); страсть въ душѣ ея разгоряченной и воспламененной оставалась бы, если бы она получила мясо лишь на короткое время. Но и не на два лишь дни Богъ даетъ имъ желанное; Онъ хочетъ поселить въ нихъ отвращеніе къ нему; и потому въ словахъ, которыми, казалось бы, выражается къ нимъ благоволеніе, для способнаго судить какъ бы не содержится никакого обѣщанія, а угроза, а именно когда Онъ говорить: „И не только въ теченіе пяти дней будете вы мясо ѣсть или въ теченіе двойного количества этихъ дней или двойного количества этихъ усвоеннаго, но дотолѣ вы будете то мясо ѣсть,—потому что вы въ теченіе цѣлаго мѣсяца будете то мясо ѣсть,—доколѣ мнимое удовольствіе и предосудительное постыд-

ное желаніе мяса не пойдетъ у васъ ноздрями назадъ въ видѣ рвоты (Числь XI, 19, 20). Такимъ образомъ Я отзову васъ изъ этой жизни свободными отъ плотскихъ пожеланій; и если вы оставите жизнь въ такомъ состояніи, то чистые отъ тѣхъ пожеланій и помня великія страданія, чрезъ которыя отъ нихъ освободились, въ состояніи будете или вовсе не впадать въ нихъ снова, или если случатся будетъ когда либо чрезъ долгіе періоды времени, что вы забудете страданія, какія терпѣли изъ за своей похотливости; и въ случаѣ если не посмотрите за собой и разумъ въ совѣтника себѣ не пригласите, разумъ который совершенно и отъ всякой страсти освобождаетъ, снова въ порокъ впадете и потомъ изъ преданности временному повторно желать будете ваши пожеланія видѣть удовлетворенными, то въ состояніи будете предметомъ пожеланій тогда пренебечь, и такимъ образомъ снова обратится къ пищѣ доброй и небесной, которой вы пренебрегли, вмѣсто ея пожелавъ дурного^{*)}). Подобное, что происходитъ съ этими, происходитъ и съ тѣми, которые *славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ и подобіе преходящаго чловѣка и птицъ, и четвероногихъ, и пресмыкающихся животныхъ* (Рим. I, 23): *они оставлены (Богомъ) и преданы въ пожеланіяхъ ихъ сердца нечистотѣ, такъ что они скверняютъ свои тѣла* (Рим. I, 24), они до мертваго и безчувственнаго тѣла (т. е. идоловъ) унижившіе имя Того, Который всѣмъ существамъ одареннымъ чувствомъ и разумомъ даруетъ, что они не только чувствуютъ, но и разумно чувствуютъ, а въоторыхъ даже и то, что они чувствуютъ и мыслятъ совершенно и добродѣтельно^{**)}.

И по праву оставившіе Бога и Имъ оставляются и *преданы истиннымъ страстямъ* (Рим. I, 26): они получаютъ въ этомъ наказаніе за свое заблужденіе, въ которомъ они полюбили схожее съ чесоткой удовольствіе.

*) Если принять это, то значило бы принять, что чловѣкъ и послѣ этой временной жизни можетъ еще грѣшить и опять уаушиться.

***) За бездульное существо считали они Того, въ Кого исходить всякая жизнь и всякая духовная дѣятельность чловѣка.

Будучи предаваемы постыднымъ страстямъ (Рим. I, 26), они за свое заблужденіе несутъ высшее наказаніе, чѣмъ какое несли бы будучи очищаемы духовнымъ огнемъ *), и нежели какое несли бы принужденные въ темницѣ уплачивать всѣ свои долги даже до послѣдняго кодранта (Мѣ, V, 26). Потому что предаваемые постыднымъ страстямъ не только естественнымъ, но многимъ и противоестественнымъ, они себя оскверняютъ и плотію бываютъ притупляемы (толстѣютъ, жирѣютъ) до такой степени, какъ если бы теряли душу и разумъ, и становились какъ бы всецѣло плотію; въ огнѣ же и въ темницѣ въ формѣ спасительныхъ страданій, назначаемыхъ жаднымъ до удовольствій для очищенія ихъ пороковъ, котрымъ они предавались во время своего заблужденія, въ огнѣ же и въ темницѣ за свое заблужденіе они не несли бы никакого наказанія, а лишь благодѣяніе **), освобождаясь отъ всякой нечистоты и крови, которыми оскверняемые и безславливаемые не въ состояніи были даже подумать о своей гибели, чтобы себя предохранить отъ нея. *Омоетъ видѣ Богъ скверну сыновъ и дочерей Сиона и очиститъ кровавую огию изъ ихъ среды духомъ суда и духомъ огня* (Ис. IV, 4); *Онъ придетъ какъ огонь въ плавильной печи и какъ щелокъ очищающій* (Мал. III, 2) и омоетъ и очиститъ тѣхъ, для которыхъ такія цѣлебныя средства были необходимы, потому что они не позаботились о томъ, чтобы Бога илкнуть въ разумъ (Рим. I, 28). И если этимъ (т. е. спасительнымъ средствамъ) они отдаются съ готовностію, то безславный образъ

*) Буквально: „разумнымъ (ἄσφρα) огнемъ“. Этому огню въ ниже приводимомъ мѣстѣ изъ пророка Исаян (IV, 4), называемому *πνεῦμα καθαρῶς*, Оригенъ по примѣру Климента Александрійскаго усвоитъ зпигетъ „разумный“, потому что въ качествѣ орудія Божія онъ не безъ различія пожигаетъ, а по I Кор. III, 12—15 пожигаетъ лишь злое.

**) Это возвращіе Оригена, высказываемое имъ часто (ср. contra Cels V, 15), у него вытекаетъ изъ мнѣнія въ самыхъ своихъ основахъ ложнаго, что всѣ и во всякое время постигающія насъ наказанія за грѣхи имѣютъ характеръ лишь цѣлительный и очистительный, и никогда не имѣютъ характера отомщенія; наказанія тѣ будто бы суть лишь очистительное средство и средство улучшенія. По православному ученію Церкви наказанія въ адскихъ огнѣхъ и тѣмъ имѣютъ характеръ лишь возмездія, слѣдовательно, суть наказанія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

расположеній становится имъ ненавистенъ;—Богъ не хочетъ, чтобы кто либо былъ добродѣтельнымъ по принужденію, но чтобы такимъ былъ каждый по доброй волѣ;—многіе вслѣдствіе своей весьма долгой жизни во грѣхѣхъ гнусность его едва ли даже и знали, и они теперь отвращаются его, потому что они ложно считали его за добро.

Разсмотри далѣе, не для того ли Богъ и сердце фараона ожесточилъ (Исх. VII, 3; VIII, 15), чтобы онъ могъ говорить то, что уже не будучи ожесточеннымъ говорилъ: *Господь праведенъ, а я и мой народъ виновны* (Исх. IX, 27), Но надлежало его еще болѣе ожесточить (Исх. IX, 34, 36) и еще большія бѣдствія онъ долженъ былъ потерпѣть, чтобы презрѣлъ онъ ожесточеніе какъ зло именно вслѣдствіе не слишкомъ скорого прекращенія ожесточенія *), и такимъ образомъ, чтобы не нужно было ожесточать его еще чаще.

Потому, если *не справедливо птицамъ съѣти разставляются*, какъ объ этомъ говорится въ Притчахъ **), напротивъ, справедливо Богъ вводитъ въ сѣть по слову: *Ты ввелъ насъ въ сѣть* (Пс. LXV, 11); и если безъ воли Отца и малѣйшая между птицами, а именно воробей, не попадаетъ въ силки (Мѡ. X, 29; Лк. XII, 6),—потому что кто въ силки попадаетъ, тотъ потому въ нихъ попадаетъ, что значить не пользовался надлежащимъ образомъ данными ему для полета крыльями,—то должны мы молиться, чтобы намъ ничего такого не дѣлать, чѣмъ заслужили бы попущеніе отъ праведнаго суда Божія быть введенными въ искушеніе ***). Въ искушеніе вво-

*) Потому что, по Оригену, подобно выше упомянутому пресыщенію паразитицъ, оно должно было служить средствомъ къ основательному улучшенію.

**) По русскому отъ Св. Синода нѣд. переводу и по Вульгатѣ: *Напрасно ни малакъ птицъ съѣти или разставляются*.

***) Смысль: Подобно тому какъ птицы по божественному попущенію лишь тогда, и по справедливости, въ сѣть попадаютъ, когда онѣ не слѣдуютъ своему инстинкту и не залетаютъ вверхъ, подобнымъ образомъ и насъ Богъ вводитъ въ сѣти искушеній, т. е. предаетъ силѣ ала лишь тогда, когда сами, мы заслуживаемъ того своими винами. Оттого въ словахъ: *Не введи насъ во искушеніе* молится мы о благодати, которая поможетъ бы намъ не впасть ни въ какіе такіе грѣхи, вслѣдствіе коихъ бы Богъ могъ бы насъ оставить и предать беззащитными на волю страстей.

димъ бываетъ каждый, кто *предается Богомъ въ пожеланіяхъ своего сердца нечистотѣ* (Рим. I, 24); и каждый постыднымъ страстямъ предаемъ бываетъ (Рим. I, 26), и каждый подобнымъ же образомъ, какъ онъ отвергъ Бога въ себѣ (въ духѣ слѣд. Бога знать, въ разумѣ имѣть), оставляется превратному уму творить неподобающее (Рим. I, 28).

Польза же отъ искушеній слѣдующая. Что въ нашей душѣ ото всѣхъ кромѣ Бога, даже отъ насъ скрыто, въ искушеніяхъ это открывается, такъ что явнымъ дѣлается, каковы мы. Учимся мы тогда сами себя познавать, и такимъ образомъ при доброй волѣ примѣчать собственные недостатки, и за добро, какое открывается въ искушеніяхъ, благодарить. А что искушенія для той цѣли настаютъ, дабы открылось, кто мы, или для объявленія тайнъ нашего сердца, это доказывается изреченіемъ Господа въ книгѣ Іова и мѣстами во Второзаконіи, гласящими такъ: „Думаешь ли ты, что я съ тобою съ другою какою-нибудь цѣлю состязался, а не съ тою, чтобы явить твою праведность * *)? И во Второзаконіи: *Онъ испыталъ тебя несчастіемъ, томилъ тебя голодомъ и питалъ манною* (Втор. VIII, 3), и *Онъ былъ твоимъ путеводителемъ въ пустынь, гдѣ жалшица жтыи* (Числь XXI, 6) и *скорпіоны и жажда* (Втор. VIII, 15), дабы открылись расположенія твоего сердца (Втор. VIII, 2).— А если мы захотимъ и изъ исторіи себѣ нѣчто припомнить, то должны будемъ понять, что легковѣрность Евы и непостоянство ея духа не тогда только обнаружались, когда Богъ презрѣлъ ее и на змѣя обратилъ Свое вниманіе, но, очевидно, уже ранѣе существовали, потому что змѣй вѣдь потому къ ней и приблизился, что въ своей хитрости замѣтилъ ея слабость (Быт. III, 1—6) **). И въ Каинѣ его злое намѣреніе не тогда произошло, когда онъ своего брата убивалъ, потому что уже и ранѣе того

*) Такого изреченія нѣтъ въ книгѣ Іова (ср. впрочемъ XXXIX, 32—35).

**) О слабости Евы прежде паденія, слѣдовательно когда правая ея находилась еще въ первобытномъ состояніи невинности, вѣдь ли можно говорить.

сердцевѣдецъ Богъ зрѣлъ не на Каина и его жертву (Быт. IV, 5) *): открылась же его злоба, когда онъ Авеля убивалъ. Далѣе, если бы Ной не напился вина, имъ воздѣланнаго, и вслѣдствіе этого не охмелѣлъ и не обнажился, то не обнаружались бы ни Хама безразсудная дерзость и безстыдство противъ отца, ни почитательность и благоговѣніе его братьевъ (Быт. IX, 20—23). И преслѣдованія Іакова Исавомъ сдѣлались поводомъ къ отнятію благословенія (Быт. XXVII, 1 и д.); но уже и прежде того его душа содержала зерна любодѣя и презрителя святого (Евр. XII, 15, 16) **). И о блестящемъ цѣломудрїи Іосифа, которымъ онъ вооруженъ былъ, такъ что никакое положеніе не сковывало, мы не знали бы, еслибы его повелительница не сдѣлала ему любовныхъ предложеній (Быт. XXXIX, 7 и д.).

Потому въ промежутки времени, когда искушенія смѣняются, останавливаясь покойно будемъ вдумываться въ предстоящія и во всѣ возможные несчастія, дабы то, что всегда можетъ случиться, не застало насъ непритовленными, но оказаться намъ тщательно вооруженными. Ибо, чего вслѣдствіе человѣческой слабости еще недостаетъ намъ, когда мы все съ своей стороны дѣлаемъ, то дополняется Богомъ, Который *любимымъ Его во всемъ содѣйствуетъ къ добру* (Рим. VIII, 28) ***), имъ, о которыхъ Онъ въ Своемъ неложномъ предвѣдѣніи напередъ зналъ, чѣмъ они нѣкогда сами по себѣ будутъ

§ 30. *Но избавь насъ отъ зла.*—Это прошеніе, собственно говоря, содержится уже въ предшествую-

*) Грѣхъ Каина былъ паденіемъ совершенно иного рода, нежели паденіе Евы, потому что въ Каинѣ заявили уже свое дѣйствіе послѣдствія наследственнаго грѣха.

**) Любодѣй стоитъ здѣсь по ветхозавѣтному словоупотребленію вѣроятно вмѣсто „отсутшникъ“; „презрителемъ святого“ Исавъ оказался при продажѣ прародства (Быт. XXV, 31—34).

***) Препращая предложеніе: *Любимымъ Бога все содѣйствуетъ ко благу*, такъ что слово *Богъ* становится субъектомъ предложенія, Оригенъ, очевидно хотеть привести мѣсто не буквально, а только по смыслу и оттого за правильность чтенія *σοφροῦν ὁ θεός*; въ данномъ случаѣ нельзя ссылаться на Оригена, потому что въ комментаріи на посланіе къ Римлянамъ онъ ясно говоритъ, что мѣсто это читается такъ: *тѣмъ, которые Бога любятъ, все случится ко благу*.

щемъ. Богъ избавляетъ насъ отъ зла не такъ, что врагъ къ намъ вообще болѣе уже не приближается; но такъ, что ни чрезъ какое искушеніе и не чрезъ какое злосчастіе онъ не можетъ побѣдить насъ или мужества лишитъ. Это усматриваемъ мы изъ изреченій св. Писанія; особливо же мы видимъ это на примѣрѣ страдальца Іова. Потому должны мы молиться, чтобы злой врагъ нашъ не могъ своими разжженными стрѣлами ввергнуть души нашей въ пламень.

Кажется мнѣ, что Лука словами: *Не введи насъ во искушеніе* (Лк. XI, 4) по смыслу сказалъ уже и это: *Но избавь насъ отъ зла* *). Вѣроятно, что предъ ученикомъ, уже оказавшимъ нѣкоторые успѣхи, Господь выразился короче; а предъ великимъ собраніемъ народа яснѣе, потому что тотъ еще нуждался въ болѣе опредѣлительномъ наставленіи.

Но *избавляетъ насъ Богъ отъ зла* **) не тогда, когда вообще врагъ къ намъ приближается, чтобы побѣдить насъ разнообразными своими хитростями при посредствѣ своихъ сотрудниковъ, но когда мы мужественно противостоямъ несчастіямъ, и такимъ образомъ торжествуемъ побѣду. Тотъ именно смыслъ, по нашему пониманію, имѣетъ и мѣсто: *Много скорбей у праведнаго, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ его Господь* (Пс. XXXIII, 20). Богъ избавляетъ насъ отъ скорбей не такимъ образомъ, что болѣе не посѣщаютъ насъ никакія скорби;—вѣдь и Павелъ говоритъ: *мы терпимъ всякаго рода притѣсненія* (2 Кор. IV, 8), такъ, т. е. что никогда не остаемся безъ скорби;—но такъ, что, съ Божіею помощію, мы никогда не оказываемся въ скорбяхъ въ положеніи затруднительномъ. Выраженіе *быть стѣснелымъ* (ὀλιβωδαι), по еврейскому слово-

*) Седьмого прошенія молитвы «Отче нашъ» (Мф. VI, 13) Лука не приводитъ (ср. § 18), потому что оно и безъ того содержится уже въ 6-мъ прошеніи. По примѣру св. Златоуста слова: *Но избавь насъ отъ зла* реформатами, армянскими и соцініанами посему не принимаются за особое прошеніе; молитва Господня такимъ образомъ состоитъ у нихъ лишь изъ шести прошеній.

**) Выраженіе «ἀπό τοῦ πονηροῦ» Оригеномъ понимается, конечно, не какъ средній родъ («нравственное зло»), а въ родѣ мужескомъ, т. е. о дьяволѣ. Все-же обычный переводъ: *но избавь насъ отъ зла* можетъ быть удержанъ.

употребленію, обозначаетъ злосчастіе, постигающее насъ противъ нашей воли; напротивъ того выраженіе *находиться въ затруднительномъ положеніи* (στενοχωρεῖσθαι) употребляется о комъ либо, кто добровольно позволяетъ себѣ быть побѣждаемымъ стѣсненными обстоятельствами и имъ поддается. Оттого весьма хорошо говоритъ Павелъ: *Мы терпимъ всякаго рода притѣсненія* (ἐν παντί θλιβόμενοι), *и все-же ими не стѣснены* (ἀλλ' οὐ στενοχωρούμενοι) (2 Кор. IV, 8). Схоже съ этимъ выраженіемъ, по моему мнѣнію, мѣсто и въ Псалмахъ: *Былъ я стѣсненъ; но Ты давалъ мнѣ просторъ* (Пс. IV, 2). Черезъ просторъ (πλατυστός) обозначается здѣсь радостное и свѣтлое настроеніе души, какое во времена злосчастныя Богомъ намъ дается, потому что Божіе Слово тогда насъ ободряетъ и спасаетъ Своею помощію и Своимъ при насъ присутствіемъ. Подобнымъ же образомъ нужно понимать и *избавленіе отъ зла*.

Такъ Іова Богъ избавлялъ отъ зла не такимъ образомъ, что діаволу власти не было дано окружить его тѣми и этими искушеніями, — такую власть онъ получилъ въѣдь, — а такимъ, что при всѣхъ злключеніяхъ Іовъ ни въ чемъ не погрѣшилъ предъ Господомъ (Іов. I, 22), но оказался праведнымъ. Потому что сатана говорилъ: *Не даромъ Іовъ чтитъ Господа: Не окружилъ ли Ты валомъ все, что находится внѣ его (Іова), что внутри его дома и внѣ оного въ округъ его владѣній? Не благословилъ ли Ты рабовъ его, и его стада на землѣ не сдѣлалъ ли многочисленными? Но распростри руку Твою и коснись всего, чѣмъ онъ обладаетъ, ей же ей, онъ Тебя въ лицо проклянетъ* (Іов. I, 9—11), но оказался къ посрамленію своему клеветникомъ на Іова. Потому что этотъ, хотя и многое терпѣлъ, Бога въ лицо все-таки не проклялъ, какъ утверждалъ сатана, напротивъ твердо оставался при прославленіи Господа даже и тогда, когда онъ преданъ былъ искущенію. И когда его жена говорила: *Скажи слово ко Господу и умри* (Іов. II, 9) *) тогда

*) По еврейскому и Вульгатѣ: *Восхваляи Бога и умри*, т. е. какъ ты Бога ни восхвалялъ, ни прославлялъ Его, а все-таки долженъ будешь умереть.
20-4797

онъ осуждаетъ ее и порицаетъ словами: *Говоришь ты, какъ жесница изъ безумныхъ. Получивъ доброе отъ руки Господней, не должны ли мы и злое принять* (Иов. II, 10) И вторично говорилъ сатана объ Иовѣ: *Кожу за кожу и все, что имѣетъ человекъ, отдастъ за душу свою **). Но распростри Твою руку и коснись его костей и его плоти, ей же ей, онъ въ лицо Тебя проклянетъ (Иов. II, 4, 5). Побѣжденный же добродѣтельнымъ, и тутъ онъ оказался лжецомъ. Потому что и въ жесточайшихъ страданіяхъ Иовъ остался постояннымъ и *ни въ чемъ не погрѣшилъ своими устами предъ Богомъ* (Иов. II, 10).

А послѣ того, какъ Иовъ побѣдоносно выдержалъ двѣ борьбы, третьей подобной онъ уже не подвергался. Потому что та тройная борьба, въ трехъ евангеліяхъ изложенная (Мѡ. IV, 1—11; Мрк. I, 12, 13; Лк. IV, 1—13), должна была остаться для Спасителя: трижды нашъ Спаситель, по человѣчеству Своему, побѣждалъ врага.

Такъ какъ, чтобы съ разумѣніемъ молить Бога о томъ, дабы *не упасть намъ въ искушеніе* (Мѡ. XXVI, 41; Лк. XXII, 40) *и быть избавляемыми отъ зла* (Мѡ. VI, 13), мы вошли въ довольно тщательное разсмотрѣніе этихъ изреченій, высказавъ по поводу ихъ и нѣкоторыя соображенія; такъ какъ чрезъ послушаніе Богу мы и сами заслуживаемъ того, чтобы быть отъ Него слышимыми: то будемъ молиться, чтобы въ искушеніи не быть намъ умерщвленными (ср. 2 Кор. VI, 9) и чтобы когда *раскаленные стрѣлы лукавго* въ насъ попадаютъ (Еф. VI, 16) **) не быть намъ отъ нихъ воспламеняемыми. А воспаляются ими всѣ, *сердце которыхъ*, по выраженію одного изъ 12 пророковъ, *стало какъ пень ****) (Ос. VII, 6); не

*) Чтобы свою собственную кожу, собственную жизнь спасти, человекъ охотно отдаетъ даже кожу или жизнь своихъ дражайшихъ (Иов. I, 19—21).

**) Намекъ на такъ называемыя зажигательныя стрѣлы (palleoli) древнихъ, которыя начинены были горючимъ матеріаломъ, (состоявшимъ изъ сѣры, смолы, вара и масла), и предъ пускаемъ были зажигаемы. Поль этими особенно опасными стрѣлами нужно разумѣть главнымъ образомъ, конечно, искушенія изъ нечѣломудрїи, которыми лукавый хτῆρ ἐξ ὑψῆ (по преимуществу), обуреваемъ человекъ.

***) Если воспламеняются въ человекѣ страсти, особенно нечистыя пожеланія, то походить его сердце на раскаленную и вылающую огнемъ пень.—

воспламеняются ими напротивъ тѣхъ, которые *щитомъ стрѣлы тушатъ всю раскаленную стрѣлу* (Еф. VI, 16), бросаемыя на нихъ лукавымъ: они въ себѣ самихъ имѣютъ рѣки той воды, *которая течетъ за жизнь вѣчную* (Іоан. IV, 14). Отъ этихъ-то водъ раскаленные стрѣлы лукаваго остаются безъ дѣйствія; легко ими тѣ стрѣлы обезвреживаются: отъ прилива Божественныхъ спасительныхъ мыслей, какія чрезъ разсмотрѣніе истины панечатлѣваются на душѣ старающагося вести жизнь духовную, прираженіе тѣхъ стрѣлъ остается безъ дѣйствія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 31. О душевномъ настроеніи и положеніи тѣла при молитвѣ, равно какъ о мѣстѣ и времени для молитвы и т. д.—Что касается душевнаго настроенія, то въ особенности предъ молитвой нужно сосредоточиваться, а во время ея избѣгать разсѣянности. Положеніе тѣла при молитвѣ наилучшее то, когда молятся съ распростертыми руками и вверхъ обращенными глазами; должно также, если это возможно, колѣна преклонять подобно тому какъ и существа, не имѣющія человѣческаго образа, въ духовномъ смыслѣ все-же преклоняютъ свои колѣна предъ Богомъ. Что касается мѣста, то молиться, конечно можно и на всякомъ мѣстѣ; все-таки нужно выбирать для молитвы мѣста въ дому пристойнѣйшія, не оскверненныя никакимъ грѣхомъ. Самое же приличное и привлекательнѣйшее мѣсто для молитвы есть храмъ, гдѣ присоединяются къ вѣрнымъ и

Впрочемъ, говорятъ о „воспламененномъ сердцѣ“ при чрезвычайно возбужденныхъ благочестивыхъ чувствахъ любви и радости (ср. Лк. XXIV, 32).

*) Для защиты отъ зажигательныхъ стрѣлъ древнимъ служила шить, сдѣланная изъ легкаго дерева, обтянутаго воловьей кожей, которая смачивалась, чтобы отъ зажигательныхъ стрѣлъ она не могла воспламениться (ср. Lübker s. v. „асна“ и „Belagerung“). Такой шить, совершенно пропитанный водою священнахъ мыслей и оттого не допускающій въ душу огни „зажигательныхъ стрѣлъ“ отъ искушеній, есть вѣра.

ангелы, особенно ангелы-хранители ихъ, гдѣ сила и Господа нашего, равно какъ присутствуютъ гдѣ и души людей умершихъ и святыхъ. Если же большинство собравшихся во храмъ состоитъ изъ грѣшниковъ, сошедшихся не по святымъ побуждешиямъ, то вмѣсто ангеловъ и святыхъ примѣшиваются къ нимъ злые духи. Такимъ образомъ, въ храмѣ всегда собираются двоякаго рода люди: или благочестивые люди и святые ангелы, или же люди нечестивые и ангелы злые.

Чтобы полнѣе исчерпать тему о молитвѣ, кажется мнѣ приличнымъ обстоятельнѣе *) разсудить о настроеніи и держаніи тѣла, какія долженъ наблюдать молящійся, о мѣстѣ гдѣ должно молиться, о странѣ неба, къ которой должно взорами быть обращеннымъ, насколько это позволается обстановкой, о времени особенно приличномъ для молитвы и тому подобномъ.

Настроеніе относится къ душѣ, держаніе себя напротивъ къ тѣлу. Оттого, имѣя въ виду настроеніе, Павелъ, какъ выше упомянуто (ср. начало §§ 2 и 9-го) говоритъ, что молиться должно *безъ гнѣви и сварливости* (1 Тим. II, 8); и намекая на то, какъ при молитвѣ нужно держать себя, заявляетъ, что должно *воздѣлать чистыя руки* (1 Тим. II, 8). А это, какъ мнѣ кажется, заимствоваль онъ изъ Псалмовъ, гдѣ говорится: *Воздѣланіе рукъ моихъ какъ жертва вечерня* (Пс. CXL, 2). Относительно мѣста говоритъ онъ: *Желаю, чтобы молились мужи на всякомъ мѣстѣ* (1 Тим. II, 8). А касательно страны неба говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости: *Дабы извѣстнымъ стало, что должно предупредить солнце возношеніемъ благодарности Тебѣ и что предъ наступленіемъ дневного свѣта, должно общіе имѣть съ Тобою* (Прем. XVI, 28) **).

Посему кто готовится идти къ молитвѣ, тотъ, по

*) Послеъ того какъ ранѣе (см. § 8) объ этомъ нѣчто было уже сказано.

***) Манну должно было собирать предъ восходомъ солнца, потому что при первыхъ же лучахъ солнца она растоплялась. Этимъ, по Оригену, давалось понять израильтянамъ, что къ Богу должно обращаться еще прежде наступленія дня. Но этимъ указывалась не столько небесная страна, изъ которой должно обращаться при молитвѣ, сколько время ея.

моему мнѣнію, долженъ на нѣсколько мгновеній остано- виться и приготовиться, чтобы въ теченіе всей молитвы поддержать въ себѣ собранность духа и горячность; долженъ онъ отстранять отъ себя всякое искушеніе и разсѣянность мыслей и, на сколько то возможно, помнить о величіи, предъ которымъ онъ предстоитъ; долженъ онъ оставить все инородное (ср. § 20 со середины) и уже послѣ этого идти на молитву, потому что прежде рукъ молящійся самую душу долженъ распростирать; прежде, чѣмъ очами, сердцемъ къ Богу возноситься; прежде чѣмъ съ мѣста встать, разумомъ долженъ къ Богу воспарить и предъ Господомъ вселенной себя поставить, а точно также и всякую сварливость съ мнимыми обидчиками оставить, подобно тому какъ и отъ Бога онъ желаетъ прощенія себѣ всего того, чѣмъ онъ погрѣшилъ противъ Него и чѣмъ провинился предъ многими изъ своихъ ближнихъ или въ чемъ, по собственному своему сознанію, поступилъ онъ только противъ здраваго разума.

А именно *) мы не имѣемъ права и сомнѣваться, что изъ всѣхъ безчисленныхъ положеній тѣла положеніе съ распростертыми руками и поднятыми вверхъ очами заслужи- ваетъ предпочтенія **); потому что тогда и на тѣлѣ отпечатлѣвается какъ бы образъ того особеннаго свой- ства, которое приличествуетъ во время молитвы душѣ ***). Мы сказываемъ однакоже, что это положеніе тѣла пред- почитать должно лишь тогда, когда дозволяется это обстоятельствами: потому что при извѣстныхъ обстоя- тельствахъ часто пристойнѣе бываетъ молиться сидя, напр. при нѣкоторой, могущей быть очень важною, болѣзни ногъ; — или даже и лежа при состояніяхъ лихо-

*) Этимъ „именно“ далѣе излагаемое связывается, вѣроятно, съ тѣмъ, что ранее было сказано о распростирании рукъ и поднятіи очей вверху.

**) Это положеніе молящагося человека, возникающее изъ чувства нужды въ помощи, которое Тертуллианъ называетъ (Apol. с. 30) „положеніемъ молящагося христианина“, стозв. естественно, что оно всегда и вездѣ свойственно было и язычникамъ. „Мы люди, пишетъ напр. Аристотель (de mundo с. 6) распростираемъ руки къ небу, совершая молитвы“. Ср. Пом. П. VIII, 246, 247.

***) Поднятіемъ рукъ и глазъ суть выраженіе повышеннаго настроенія души.

радочныхъ и подобныхъ болѣзняхъ; а по обстоятельствамъ можно молиться и такъ, что не будутъ замѣчать того другіе; напр. если мы на кораблѣ, или если занятія не дозволяютъ намъ уединиться и предаться должной молитвѣ.—Должно далѣе знать, что и преклоненіе колѣнъ необходимо, когда кто собирается каяться предъ Богомъ въ своихъ грѣхахъ и молить Его объ исцѣленіи отъ нихъ и прощеньи ихъ; колѣнопреклоненіе есть символъ того, какъ Павелъ повергался, свою покорность выражая словами: *Для сего преклоняю колѣна мои предъ Отцемъ *)*, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ (Евр. III, 14, 15).

На духовное же колѣнопреклоненіе,—такъ названное потому, что все существующее преклоняется предъ Богомъ во имя Иисуса и предъ Нимъ смиряется,—мигъ кажется, намекаетъ апостоль въ словахъ: *Дабы предъ именемъ Иисуса преклонилось всякое колено существъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. II, 10). Потому что нельзя же допустить, что тѣла небесныхъ существъ такъ образованы, что они и тѣлесныя колѣна имѣютъ; основательно о семъ разсуждавшіе доказали, что тѣла ихъ шарообразны **) Тотъ же кто не хочетъ съ этимъ

*) Замѣчательно, что для критики очень подозрительной добавки въ Вулгатѣ, славянскомъ переводѣ и нашемъ русскомъ, отъ Св. Синода паданномъ, добавки: „Господа нашего Иисуса Христа“, которой, по свидѣтельству блажен. Иеронима, не было и ни въ одной греческой рукописи, нѣтъ здѣсь и у Оригена; она оспаривается и нѣкоторыми изъ новѣйшихъ издателей нов. Заветъа.

**) Такъ училъ напр. Тимей, Платонъ и Аристотель. Они утверждали, что міръ и всѣ небесныя тѣла шарообразны. Платонъ и стоики подобную форму приписывали даже и Творцу міра.—Подъ *существоами небесными* апостоль разумѣетъ во всякомъ случаѣ ангеловъ и святыхъ, которые на небѣ; Оригенъ напротивъ разумѣетъ въ апостольскомъ изреченіи подъ *существоами небесными* безъ сомнѣнія звѣзды на небѣ, такъ называемыя „небесныя тѣла“, въ которыхъ онъ видѣлъ существа одушевленные (ср. § 7). Конечно, было мнѣніе, что Оригенъ говоритъ здѣсь о состояніи человѣческаго тѣла по воскресеніи. Но это еще вопросъ, училъ ли Оригенъ, что преображенныя тѣла святыхъ шарообразны и существуютъ не имѣя множества членовъ, хотя на основаніи нѣкоторыхъ неточныхъ выраженій это ученіе и приписывалось ему и подъ его именемъ было осуждено; въ одномъ мѣстѣ, приведенномъ у мученика Памфила, говоритъ онъ совершенно противоположное: „Этотъ видъ, который нынѣ присутъ намъ, будемъ имѣть ми и въ вѣкѣ будущемъ“; или какъ приводитъ это мѣсто блаж. Епифаній „εἶδος ταῦτόν εἶναι τῷ μέλλοντι“. Но если и не обращать вниманія на эти

согласиться, тотъ поставляя себя предъ разумомъ въ иныхъ случаяхъ хотя бы и не долженъ былъ самого себя стыдиться, долженъ признать за каждымъ изъ членовъ и цѣль, чтобы ничего не было такого, что Богомъ было бы сотворено для тѣхъ (небесныхъ существъ) напрасно; а такимъ образомъ, онъ съ обѣихъ сторонъ будетъ наткаться на препинанія: какъ въ томъ случаѣ, когда онъ станетъ утверждать, что тѣлесные члены существамъ небеснымъ даны Богомъ напрасно и вовсе не для свойственнаго имъ отправления *), такъ и въ томъ если онъ будетъ говорить, что внутренности и прямая кишка **) и у небесныхъ существъ исполняютъ свойственные имъ отправления ***). И очень глупое было бы желаніе выпутаться изъ затруднительнаго этого положенія принятіемъ предположенія, что какъ въ статуяхъ такъ и у внѣмірныхъ существъ лишь внѣшность человѣкообразна, а не внутренность ****). — Это захотѣлось мнѣ замѣтить относительно преклоненія колѣнъ по по-

свидѣтельства въ пользу Оригена, во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы встрѣтившееся намъ мѣсто въ твореніи Оригена „о молитвѣ“ относить къ свойству человѣческаго тѣла по воскресеніи или же чтобы изъ этого мѣста доказательство выводить, что преобразеннымъ тѣламъ воскресшихъ Оригенъ усвоилъ форму шаровидную, сферическую. — Онъ хочетъ сказать по встрѣтившемся намъ мѣстѣ лишь слѣдующее: Звѣзды не могутъ преклонить колѣнъ въ смыслѣ буквально, потому что онѣ никакихъ колѣнъ не имѣютъ.

*) Потому что это неразумно: Богъ ничего не творитъ безцѣльно.

**) „Τὸ ἀπευθεμένον ἔντερον“ буквально: „прямая кишка“, потому что нижній конецъ толстыхъ кишокъ, такъ называемая конечная кишка, осадникъ, чрезъ который извергаются негодные для питанія матеріалы, въ противоположность прочимъ, разнообразно извивающимся и переплетающимся кишкамъ, оканчивается прямо. *Hujus vero intestini, справедливо замѣчаетъ утаившіи свое имя англійскій переводчикъ настоящаго творенія Оригена, quod sentinae instar ad excrementa corporis recipienda, et egeruda, comparatum est, mentionem facit Origenes, ut eos pudore afficiat, qui membra eadem omnia, quae terrestribus sunt necessaria, coelestibus quoque attribuit.*

***) Оригенъ это мнѣніе о существованіи у внѣмірныхъ существъ членовъ хочетъ довести до нелѣпости (ad absurda): „тогда, хочетъ сказать онъ, нужно было бы принять, что и у небесныхъ тѣлъ происходитъ выдѣленіе экскрементовъ“.

****) Это мнѣніе, что небесныя тѣла имѣютъ подобныя человѣческимъ внѣшніе члены, напр. колѣна, а не внутренніе, т. е. не имѣютъ, напр., системы кишокъ, потому оказывается нелѣпнымъ, что Оригенъ считаетъ тѣ тѣла за живыя и одушевленныя.

воду разслѣдованія и разсмотрѣнія того, какъ *предъ иже-
немъ Иисуса преклоняется всякое коленно существъ не-
бесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. II, 10). То же
самое написано и у пророка: *Предо Мною преклонится
всякое коленно* (Ис. XLV, 23; ср. Рим. XIV, 11).

И касательно мѣста молитвы должно знать, что на
всякомъ мѣстѣ пристойно молиться, лишь бы право мо-
литься *), *потому что на каждомъ мѣстѣ, говоритъ
Господь, Миръ приносить будете жертвы* (Мал. I, 11); и:
Желаю, чтобы мужи молились на всякомъ мѣстѣ (1 Тим.
II, 8). Но для того, чтобы молиться спокойно и при мо-
литвѣ не разсѣваться, правильнѣе выбирать въ своемъ
дому для молитвы мѣсто по возможности, такъ сказать,
наиприличнѣйшее и на немъ молиться; но при этомъ
вмѣстѣ съ общей разборчивостью относительно мѣста
нужно развѣдывать, не было ли на немъ когда либо со-
вершено какого либо злодѣянія и допущено дѣяній не-
согласныхъ со здравымъ разумомъ, потому что по при-
чинѣ этихъ не только отъ насъ самихъ, но и отъ мѣста
нашей молитвы глазъ Божій отвращается **).

Если же относительно этого пункта (т. е. относи-
тельно мѣста молитвы) умѣстно еще дальнѣйшее разслѣ-
дованіе, то долженъ я нѣчто такое сказать, что будетъ
нѣсколько соблазнительно, но при болѣе тщательной по-
вѣркѣ, можетъ быть, покажется важнѣмъ, а именно:
нужно размышлять, прилично ли и справедливо ли въ
общеніе съ Богомъ вступать на мѣстѣ не только не-
дозволеннаго половаго общенія, но и дозволеннаго, ко-
торое по слову апостола *изъ снисхожденія позволяется,
а не повелѣніе относительно котораго дается* (1 Кор.
VII, 6). Потому что если надлежащее прилежаніе къ мо-
литвѣ обуславливается воздержаніемъ въ теченіе из-
вѣстнаго времени, то быть можетъ это же самое, гдѣ

*) Полнѣе Оригенъ говоритъ о семъ въ другомъ своемъ твореніи, а
именно Contra Cels. VII, 44.

***) Эта мысль основной служить и церковнаго правила, что храмъ,
оскверненный какимъ либо злодѣяніемъ, снова долженъ быть освящаемъ.

возможно, нужно принимать въ соображеніе и относительно мѣста *)).

Но нѣчто привлекательное наряду съ пользой молитвы имѣеть въ себѣ и мѣсто ея, а именно мѣсто собранія вѣрныхъ. Это и естественно. Потому что въ собраніяхъ вѣрныхъ присутствуютъ какъ небесныя силы, такъ присутста онымъ и сила Самого Господа нашего и Спасителя; кромѣ того, тутъ же присутствуютъ и души святыхъ, особенно, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, души святыхъ уже отшедшихъ; а еще вѣрнѣе сего то, что присутствуютъ тутъ души святыхъ еще живыхъ; что же касается до того, какъ происходитъ это, объяснить это не легко. О присутствіи же (въ молитвенныхъ христіанскихъ собраніяхъ) ангеловъ можно заключать изъ слѣдующаго: Если *Ангель Господень ополчается вокругъ болящаго Яго* (т. е. Господа) *и спасаетъ ихъ* (Пс. XXXIII, 8; Быт. XXXII, 1 и д.); и если Іаковъ не только о себѣ, но и о всѣхъ почитателяхъ Бога всевѣдущаго выражаетъ истину словами: *ангелъ, который избавляетъ меня* (а также и всѣхъ благочестивыхъ), *отъ всѣхъ золъ* (Быт. XLVIII, 16): то тѣмъ болѣе естественно, чтобы во время правыхъ собраній большого числа (вѣрныхъ) во славу Христа ангелъ каждаго ополчался вокругъ каждаго богобоязливаго, находился бы подлѣ каждаго мужа, котораго защита и руководство ему ввѣрены **), такъ что въ собраніяхъ святыхъ присутствуетъ двойное общество: одно состоящее изъ людей, другое изъ ангеловъ. И когда Рафаилъ говоритъ, что онъ молитву уже и одного Товита (Тов. XII, 12; III, 1 и д.) ***) приводилъ себѣ на память, а потомъ молитву и Сарры (Тов. III, 11—25), которая позднѣе чрезъ бракъ съ (младшимъ) Товіею

*) Чтобы молитвъ правымъ образомъ отдаваться, для этого, гдѣ возможно, нужно выбирать такое мѣсто, которое не только не было осквернено никакимъ грѣхомъ неподдержанія, но на которомъ супруги не позволяли себѣ и брачныхъ отношений.

**) Для ученія Оригена объ ангелахъ-хранителяхъ ср. нѣчто во 2-й половинѣ § 6-го, въ концѣ § 11-го и въ 1-й половинѣ § 28-го.

***) Т. е. старшаго Товита. Этотъ называется у Оригена по Семидесяти „Товитомъ“; сынъ же его „Товіей“; между тѣмъ какъ въ Вульгатѣ и тотъ и другой безъ различія носятъ одно и то же имя „Товит“.

сдѣлалась того старшаго Тови (т. е. Товита) невѣсткой: то что же нужно сказать о томъ, когда многіе сходятся *въ одномъ духъ и въ однойхъ мысляхъ* (1 Кор. 1, 10) и составляютъ *одно тѣло во Христвъ* (Рим. XII, 5)? Далѣе, что и сила Господа присуща обществу Его, о семъ говоритъ Павелъ: *Въ собраніи нашемъ во имя Господа нашего Исуса Христа обще съ моимъ духомъ* (1 Кор. V, 4), чѣмъ выражено, что причастниками *силы Господней* были не только ефесяне, но и коринѳяне *). И если еще тѣломъ облегченный Павелъ вѣрилъ, что своимъ духомъ онъ можетъ дѣйствовать въ Коринѳѣ, то, конечно, основательно будетъ принять, что точно такъ же и отшедшіе блаженные приходятъ своимъ духомъ въ церковныя собранія и, можетъ быть, еще скорѣе, нежели какъ спѣшить кто туда, состоя въ тѣлѣ. Поэтому-то молитвы въ тѣхъ собраніяхъ и нельзя считать за маловажныя: для присутствующаго за оными правымъ образомъ онѣ заключаютъ въ себѣ нѣчто чрезвычайное.

Но какъ сила Исуса, духъ Павла и ему подобныхъ присоединяются къ тѣмъ и съ тѣми соединяются, которые съ правыми расположеніями собираются; какъ ангелы Господа вокругъ cadaго святаго ополчаются, такъ обращать вниманіе должно, чтобы грѣховной жизнью не предать себя ангелу сатаны, если кто святаго ангела оказывается недостойнъ **). Потому что такому, если ему подобныхъ немного, недолго бодрствованія ангеловъ и лишиться, которые по божественному опредѣленію служатъ руководителями общества и проступки такого лица доводятъ до общаго свѣдѣнія. Если же число такихъ лицъ умножилось и сходятся они по примѣру че-

*) Не только ефесяне, среди которыхъ св. Павелъ апостоль преbывалъ во время написанія перваго посланія къ Коринѳлянамъ (ср. 1 Кор. XVI, 8), но и коринѳяне, слѣдовательно, каждая изъ христіанскихъ общинъ.

**) Что человекъ въ продолженіе своей земной жизни можетъ смутниками двухъ ангеловъ, добраго и злаго, объ этомъ Оригенъ упоминаетъ часто; и считается въ подтвержденіе своего мнѣнія (въ 35-мъ бесѣдѣ на Ев. Лк. и въ своемъ твореніи „О началахъ“ 1. III. с. 2. п. 4) на „Пастыри“ Еремы.—Если же человекъ предается грѣху, то добрый ангелъ отступаетъ отъ него, удаляется отъ него, а ангелъ сатаны получаетъ преобладаніе надъ нимъ (ср. выше въ § 6-мъ).

ловѣческихъ обществъ и болѣе для какихъ-нибудь земныхъ занятій *), то становятся они вовсе не наблюдаемыми (ни Богомъ, ни святыми ангелами). Это открывается изъ словъ Господа у Исаи: *И тогда Я не пожелаю отъ васъ вашихъ жертвъ, если вы явитесь предъ лицо Моё* (Ис. I, 11, 12); *Я отвращу отъ васъ, говоритъ Онъ, очи Мои; и хотя бы вы и много молились, все-же Я не услышу васъ* (Ис. I, 15). Въмѣсто выше упомянутаго двойнаго общества святыхъ людей и блаженныхъ ангеловъ, тогда происходитъ, можетъ быть, иное двойное стеченіе: нечестивыхъ людей и злыхъ ангеловъ. И святые ангелы и благочестивые люди о такомъ собраніи могли бы сказать: *Въ совѣтъ суетъ я не сижу и со злодѣями не хочу я обращаться. Ненавижу я собранье людей злыхъ, среди нечестивыхъ сидѣть я не хочу* (Пс. XXV, 4, 5). Отягощенные многими грѣхами жители Иерусалима и всей Іудеи, полагаю я, потому-то и подпали власти враговъ, что они, вознерадѣвъ о законѣ, оставлены были Богомъ, ангелами-хранителями и помощію святыхъ людей: часто вѣдъ и цѣлыя общества оставлены бывають, впадаютъ въ искушенія, *берется у нихъ то, что, казалось, они имѣютъ еще* (Мѣ. XXV, 19; Лк. VIII, 18), потому что подобно той смоковницѣ (Мѣ. XXI, 19; Мк. XI, 13—21), которая проклята была и потомъ съ корня подсохла, какъ не давшая никакого плода во время голода Іисуса, подсыхаютъ они и теряютъ малость и той сверхъестественной жизненной силы, какую въ себѣ имѣли еще.

Эти разъясненія показались мнѣ необходимыми здѣсь, при опредѣленіи мѣста молитвы и при изложеніи преимуществъ, какія представляютъ собою мѣста собранія святыхъ, сходящихся въ церковь съ подобающимъ страхомъ.

§ 32. Должно при молитвѣ обращаться къ во-

*) Если они злоупотребляютъ храмомъ, педя здѣсь переговоры или пронаводи тутъ мірскія разныя дѣла, подобно покупщикамъ и продавцамъ въ Іерусалимскомъ храмѣ.

сходу солнца, въ знакъ того, что души зрятъ на Христа, какъ на истинный свѣтъ міра.

Теперь и о томъ немногое можно сказать, къ какой странѣ неба нужно обращеннымъ быть при молитвѣ. Но такъ какъ странъ неба четыре, а именно сѣверъ и югъ, западъ солнца и востокъ, то кто же не согласится, что страна къ востоку солнца ясно на то указываетъ, что и при молитвѣ мы должны обращаться туда, въ знакъ того, что души смотрятъ на восходъ истиннаго Свѣта *)?

Если же кто-нибудь желаетъ приносить свои молитвы лучше при отверстыхъ дверяхъ дома, въ какую бы сторону эти двери дома ни были обращены; и если кто утверждать будетъ, что видъ неба имѣетъ въ себѣ нечто болѣе привлекательное, чѣмъ видъ стѣны, — въ случаѣ если домъ къ восходу солнца не имѣетъ никакого просвѣта, — тому можно возразить: такъ какъ зданія устрояются по человѣческому распоряженію съ пролетами къ той или другой странѣ неба, а востокъ предъ прочими странами неба имѣетъ естественное преимущество, то естественное нужно предпочитать произвольно устрояемому. Иначе на этомъ основаніи желающей на свободѣ молиться, почему же за лучшее будетъ считать обращаться при молитвѣ лучше къ востоку солнца, чѣмъ къ западу **). Но если есть достаточныя основанія предпочитать востокъ, то почему же не должно быть наблюдаемо это и постоянно? Но о семъ довольно.

§ 33. Наша молитва постоянно должна имѣть такія составныя части: прославленіе, благодареніе,

*) Т. е. Христа, Который есть истинный свѣтъ (Іоан. I, 9) и въ качествѣ обѣтованнаго Мессіи образно прямо называется *востокомъ* (*ἀνατολή*) (Зах. Ш, 8; VI, 12; Лк. I, 78), т. е. *восходящимъ свѣтомъ* (Ис. IX, 2), *восходящимъ солнцемъ* (Мал. IV, 2). Изъ показанныхъ основаній потому и дѣлательно, начиная съ древнѣйшихъ временъ христіанства, былъ обычай, — какъ и ранѣе, особенно у терапевтовъ, — обращаться при молитвѣ къ востоку (ср., напр., Tertull. „Apoloq.“ с. 16). Въ „Апостолскихъ правилахъ“ (II, 57) есть правило, наблюдаемое церковью еще и понынѣ, чтобы храмы главнымъ алтаремъ были обращены на востокъ; оттого пропеваютъ, что и вѣрные во время молитвы въ храмѣ обращаются тоже къ востоку.

**) Потому что небо можно видѣть стояко же по направленію къ западу, какъ и въ восточномъ направленіи.

исповѣданіе грѣховъ и прошеніе. — Въ заключеніе Оригенъ надѣется, что въ послѣдующее время онъ въ состояніи будетъ еще разъ заняться разсужденіемъ о молитвѣ и написать о семъ предметѣ сочиненіе лучшее.

Считаю приличнымъ теперь нѣчто сказать еще о составныхъ частяхъ молитвы и тѣмъ разсужденіе о ней закончить.

Мнѣ кажется, что могутъ быть различаемы въ молитвѣ четыре составныхъ части: столько частей нашелъ я различаемыми Писаніемъ, хотя онѣ и предлагаются здѣсь разсѣянно. Молитва каждая и должна состоять изъ тѣхъ четырехъ частей. Эти составныя части суть слѣдующія *). Въ началѣ и во вступленіи къ молитвѣ должно по силамъ прославлять Бога, чрезъ Христа сопрославляемаго, во Святомъ Духѣ сославимомъ. Затѣмъ каждый долженъ присоединить благодаренія какъ общія за благодѣянія, оказываемыя всѣмъ людямъ, такъ и за особенныя, въ частности получаемыя. По благодареніи, полагаю я, должно изливать предъ Богомъ покаянную скорбь о своихъ грѣхахъ, и во-первыхъ, молить Его объ исцѣленіи отъ склонности ко грѣху и освобожденіи отъ нея; во-вторыхъ, о прошеніи грѣховъ, дотолъ совершенныхъ. По исповѣданіи грѣховъ, полагаю я, должно, въ четвертыхъ, прошенія присоединять „о предметахъ важныхъ и небесныхъ“ (ср. выше въ §§ 14 и 16), какъ объ особенныхъ, такъ и общихъ, а также прошенія за домашнихъ и друзей. И ко всему этому молитву заключать прославленіемъ Бога чрезъ Христа во Святомъ Духѣ.

Эти составныя части молитвы, какъ уже упомянуто, Писаніемъ предлагаются разсѣянно, а именно. Прославленіе заключается въ 103-мъ Псалмѣ въ слѣдующихъ

*) Оригенъ имѣлъ здѣсь въ виду, вѣроятно, главнѣйшія составныя части молитвы литургической, или богослужебной, и желалъ, чтобы и въ частныхъ своихъ молитвахъ вѣрныя слѣдовали этой же порядкѣ.

словахъ: *Господи, Боже мой! Какъ *) дивно великъ Ты! Ты облеченъ славою **)* и величьемъ, Ты, Который съ-
томъ какъ ризою одеваешься, Который небо какъ покровъ
распростираешь, Который надъ нимъ пространства во-
дами (Быт. I, 7; Дан. III, 60) покрываешь, Который об-
лака дѣлаешь Своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ
бури, Который Своихъ ангеловъ дѣлаешь вѣтрами и Сво-
ихъ служителей пылающимъ огнемъ ***), Который землю
поставилъ на твердыхъ основахъ, такъ что она не по-
колеблется во всю вѣчность. Ты покрылъ ее бездною какъ
дѣлаешь. На горахъ стоятъ воды. Отъ Твоего пре-
щія блгутъ оны ****), гласи грома Твоего ужасаются
(Пс. СШ, 1—7). Но и въ большей части этого псалма
содержится прославленіе Отца. Сихъ прославленій ка-
ждый и самъ можетъ собрать болѣе и увидѣть, какъ со-
ставная часть молитвы, прославленіе, разбѣяна во мно-
гихъ мѣстахъ (Писанія). — Примѣромъ благодаренія мо-
жетъ служить восклицаніе Давида во второй книгѣ
Царствъ послѣ обѣтованій (2 Царствъ VII, 8—17), дан-
ныхъ ему чрезъ Наавана, когда царь этотъ, объятый
изумленіемъ предъ доказательствами милости къ нему
Божіей, выразилъ свою благодарность за то въ слѣдую-

*) Этого „какъ“, усиливающего выраженіе, нѣтъ ни въ еврейскомъ, ни у Семидесяти и въ Вульгатѣ; вѣроятно, оно заимствовано Оригеномъ изъ 24-го стиха этого псалма.

**) Буквально, какъ и въ славянскомъ: *во исповѣданіе*.—Съ еврейскаго: *отъ славы*, которое какъ синонимъ къ *величію* очевидно болѣе на мѣстѣ. „Семьдесятъ“ и Вульгата еврейское слово *гейдъ* производили отъ *йодо*, испо-
вѣдать, прославлять, вмѣсто того, чтобы производить отъ *могейдъ*, быть воз-
вышеннымъ, и оттого перевели чрезъ *εξορολογησις*. Можно здѣсь разумѣть
прославленіе со стороны творенія, которымъ Богъ какъ одеждой окружилъ
Себя отовсюду.

***) Т. е. своихъ ангеловъ для исполненія отъ Тебя порученій надѣляющій
быстрою вѣтровъ и силою огня.—Съ еврейскаго правильнѣе, впрочемъ, это
мѣсто должно быть передано такъ, какъ передано оно и въ русск. отъ Св.
Синода изданномъ переводѣ: *Ты, Который вѣтры дѣлаешь своими ангелами
и пылающій огонь своими служителями*.

****) Изображаетъ здѣсь драстически, т. е. особенно сильно, отдѣленіе
воды отъ земли при твореніи.

шихъ словахъ: *Кто я, Господи, мой Господи, и что такое домъ мой, что Ты меня въ такой степени возлюбилъ? И я *) былъ еще слишкомъ малъ предъ Тобой, Господи мой! О домъ раба твоего и въ далекомъ будущемъ Ты говорилъ. Это уже по человѣчески, Господи, мой Господи! Что еще можетъ сказать тебѣ Давидъ* (т. е. какъ могъ бы я благодарность свою въ словахъ выразить)? *Ты знаешь вѣдь раба твоего, о, Господи! Ради раба Твоего* (Вульгата въ согласіи съ еврейскимъ: *ради обѣтованія, ради слова Твоего*) *Ты сдѣлалъ это, и по сердцу Твоему дѣлаешь Ты все это великое; чтобы открыть это рабу Твоему, дабы онъ перевозносилъ Тебя, Господи, мой Господи* (2 Царствъ VII, 18—22).—Примѣръ исповѣданія грѣховъ: *Отъ всѣхъ моихъ беззаконій избавь меня* (Пс. XXXVIII, 9). И въ другомъ мѣствѣ: *Смердятъ, гноятся раны мои отъ беззаконія моего. Я согбенъ и совсѣмъ поникъ, весь день ступаю хожу* (Пс. XXXVII, 6, 7).—Примѣръ прошеній въ 27-мъ псалмѣ: *Не погуби меня вмѣстѣ съ нечестивыми и вмѣстѣ со злодѣями не изгладь меня* (Пс. XXVII, 3) и т. п.—Справедливо, наконецъ, чтобы начатая прославленіемъ молитва прославленіемъ же и оканчивалась бы и заключалась, а именно возвеличеніемъ и прославленіемъ Отца вселенной чрезъ Иисуса Христа во Святомъ Духѣ, Которому слава во вѣки.

Это, любознательнѣйшіе и во благочестіи другъ другу совершенно равные какъ братъ и сестра, Амвросій и Татіана**), по силамъ своимъ трудолюбиво и выработалъ на тему о молитвѣ и о содержащейся въ Евангеліяхъ молитвѣ***), равно какъ объ изреченіяхъ, какія нахо-

*) Вульгата и нашъ русскій отъ Св. Синода изданный переводъ передаютъ это мѣсто съ еврейскаго правильно: *Но этого было еще слишкомъ мало предъ Твоими очами.*

**) Выраженіемъ „*ὑψηλῶτατοι ἐν θεοσεβείᾳ ἀδελφοί*“ хотѣлъ ли Оригенъ означить видъ лишь духовнаго родства между Амвросіемъ и Татіаной (Мѡ. XXIII, 8), или они приходились другъ другу дѣйствительно братомъ и сестрой, этого рѣшить нельзя (ср. начало § 2-го).

***) О молитвѣ вообще, а потомъ „о молитвѣ Господней“.

дятся предъ ней у Матѳея. Если же вы къ тому стремитесь, что предъ вами, а что позади васъ, то забываете (Фил. III, 14) и при этомъ за насъ молитесь, то надѣюсь я о всемъ этомъ разсуждать еще пространнѣе и удовлетворительнѣе въ мѣру полученнаго мною дара и потомъ написать о томъ же самомъ предметѣ сочиненіе наиболѣе прекрасное; наиболѣе возвышенное и ясное *).

Въ настоящее же время отнеситесь и къ этому (моему труду) снисходительно.

*) Писаль ли Оригенъ дѣйствительно второе разсужденіе о молитвѣ, остается неизвѣстнымъ.